

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ»

СБОРНИК

МАТЕРИАЛОВ II МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

«ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ:
ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ»

В двух частях. Часть 1

*Рекомендовано Ученым советом
ФГБОУ ВО РГАИС
(протокол № 6 от 06 июля 2020 года)*

ББК 65; 67

С 23

С 23 Сборник материалов II Международной конференции молодых ученых «Интеллектуальная собственность: взгляд в будущее». В двух частях. Часть 1 / ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», г. Москва, 29 апреля 2020 г. / под ред. О.А. Флягиной. – Ч. 1. – М.: ФГБОУ ВО РГАИС, 2020. - 196 с.

ISBN 978-5-89508-185-3

ISBN 978-5-89508-186-0

В сборник включены тезисы докладов студентов Российской государственной академии интеллектуальной собственности (РГАИС) и других российских вузов, а также молодых ученых – аспирантов, преподавателей и практикующих специалистов по различным аспектам права и экономики. Материалы подготовлены к ежегодной Международной конференции молодых ученых «Интеллектуальная собственность: взгляд в будущее», которая состоялась в РГАИС 29 апреля 2020 года. Также в сборник включены научные статьи докторов и кандидатов экономических наук по тематике управления интеллектуальной собственностью и развития инновационных технологий.

Материалы сборника могут быть использованы студентами, аспирантами, преподавателями вузов и практикующими специалистами в области интеллектуальной собственности.

© ФГБОУ ВО РГАИС, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Анохина Е.С.</i> Правовые аспекты взаимодействия с пользователями мультимедийного продукта при применении технологии удаленного доступа...	5
<i>Афанасьев А.А., Шаматов И.К., Шулус А.А.</i> О приоритетах в развитии отраслей российского машиностроения.....	12
<i>Бербеков О.А.</i> Основные формы коммерциализации интеллектуальной собственности.....	22
<i>Ботин В.А.</i> Риски лицензионных договоров на секреты производства и пути их преодоления.....	28
<i>Вихляев А.А.</i> К вопросу защиты проприетарного программного обеспечения, распространяющегося в качестве цифровой дистрибуции в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».....	38
<i>Войтова Л.М., Пятаева О.А.</i> Индустрии культуры и творчества: методические подходы к определению и исследованию.....	46
<i>Вороная А.А.</i> Особенности патентования изобретений, относящихся к чайной промышленности.....	54
<i>Дубенская М.А.</i> Временная охрана промышленных образцов.....	62
<i>Евсеев О.А.</i> Управление рисками компании посредством применения риск-аппетита.....	69
<i>Езерская Ю.А.</i> Некоторые особенности государственной регистрации «экологических» и «органических» товарных знаков.....	75
<i>Ефимов А.А.</i> Компьютерные технологии – от инструмента до субъекта.....	82
<i>Ефремова Т.А.</i> Патентное право в эпоху 3D-печати.....	87
<i>Залесова А.А.</i> Сравнительно-правовой анализ механизмов защиты от косвенного нарушения патента в праве США, Великобритании, Канады и Германии.....	93
<i>Имамеева Р.Д.</i> Антимонопольное законодательство и искусственный интеллект.....	103

<i>Кирсанова Е.Е.</i> О некоторых аспектах внедрения программы «Цифровая экономика».....	111
<i>Колонтаевская О.Л.</i> Объекты интеллектуальной собственности: вектор, генетическая конструкция.....	119
<i>Корнеев П.С.</i> Патентование и научно-технологическое развитие Российской Федерации.....	125
<i>Королева А.С.</i> Система обеспечения правовой охраны секретных изобретений..	134
<i>Марченко Р.А., Пятаева О.А.</i> Управление проектами по созданию объектов интеллектуальной собственности: экономические и правовые аспекты.....	141
<i>Маслахова Р.И.</i> Способы защиты авторских прав в сети «Интернет».....	149
<i>Матвеева В.А.</i> Преимущества применения Пекинского договора по аудиовизуальным исполнениям в условиях пандемии.....	154
<i>Мелехин П.С.</i> Особенности продвижения спортивного бренда.....	162
<i>Мотина Д.В.</i> Продление срока действия исключительных прав на изобретение, относящееся к лекарственному средству.....	169

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМИ МУЛЬТИМЕДИЙНОГО ПРОДУКТА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ТЕХНОЛОГИИ УДАЛЕННОГО ДОСТУПА

Анохина Екатерина Сергеевна,
магистрант ФГБОУ ВО РГАИС, 2 курс,
направление подготовки «Юриспруденция»
(г. Москва, ekaterina9000@yandex.ru)

Научный руководитель:
Ермаков Андрей Вячеславович,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Гражданского и
предпринимательского права» ФГБОУ ВО РГАИС

Автор рассматривает основные правовые конструкции, применяемые при взаимодействии с пользователями мультимедийного продукта с помощью технологии удаленного доступа к программному обеспечению, также известной как SaaS (Software-as-a-Service). На сегодняшний день в таких правоотношениях чаще всего применяются договор об оказании возмездных услуг либо лицензионный договор. Рассмотрению преимуществ и недостатков каждой из названных конструкций посвящена данная статья.

Ключевые слова: мультимедийный продукт, удаленный доступ, SaaS, программное обеспечение.

Мультимедийные продукты сегодня, как и жизнь современного общества в целом, практически полностью переместились в онлайн-пространство: покупки в интернет-магазинах, оплата с помощью интернет-банкинга, получение государственных услуг на специальных порталах, проведение киберспортивных турниров и так далее. Особенно остро потребность

в подобных инструментах стала ощутима в начале 2020 г. в связи с эпидемиологической обстановкой в мире и всеобщей самоизоляцией: они стали совершенной необходимостью, начиная от организации дистанционного обучения на специализированных платформах, заканчивая созданием виртуальных экскурсий по всему миру.

Несмотря на широкое распространение продуктов мультимедиа, они не исследуются в полной мере с правовой точки зрения. В настоящее время существует ряд научных трудов Е. Котенко, Л. Леонтьева, С. Новацкого, Л. Подшибихина и других, посвященных месту мультимедийного продукта в системе права интеллектуальной собственности, но изучение выстраиваемых и порождаемых использованием такого продукта отношений с конечными пользователями практически отсутствует. Между тем, существующий правовой пробел в отношении мультимедийных продуктов порождает конфликт интересов не только авторов и организаторов, но и пользователей рассматриваемого объекта. Об оформлении правоотношений с последними и пойдет речь в настоящей статье.

Единственное законодательное упоминание мультимедийного продукта содержится в ст. 1240 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) в качестве разновидности сложного объекта. Легальная дефиниция, характеристика правовой природы и иная юридически значимая для объекта права информация законодателем не предоставляется.

Вместе с тем проведенные в данной сфере исследования позволяют выработать его научное определение. Представляется правильным под мультимедийным продуктом понимать выраженный в электронной (цифровой) форме сложный объект интеллектуальной собственности, включающий в себя несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности с обязательным наличием программы для ЭВМ, который с помощью компьютерных устройств функционирует, взаимодействуя с пользователем. Данная дефиниция отражает отличительные признаки мультимедийного продукта, его правовую природу и сущность. Примерами продуктов

мультимедиа могут служить компьютерные игры, виртуальные музеи и экскурсии, онлайн-платформы (интернет-магазины, порталы государственных, муниципальных, банковских услуг и так далее) и другие.

В связи с обязательным наличием в составе мультимедийного продукта программы для ЭВМ его распространение в онлайн-среде сегодня возможно и чаще всего осуществляется с помощью технологии удаленного доступа к программному обеспечению или, как еще ее называют, SaaS (англ. Software-as-a-Service – «программное обеспечение как услуга»).

Само понятие SaaS возникло в сфере облачных вычислений, которые позволяют использовать по информационным сетям различные ресурсы (базы данных, хранилища, программное обеспечение и так далее). Принцип работы технологии состоит в следующем. Программа устанавливается на серверные мощности администратора (облачного провайдера) и предоставляет пользователям удаленный доступ к размещенным «в облаке» программным ресурсам. На устройство пользователя программа не копируется и не устанавливается. Пользователь заходит в приложение или на интернет-сайт облачного провайдера, при необходимости идентифицируется и получает доступ к функционалу программы. Все данные, вводимые пользователем в процессе работы с программой, также хранятся на сервере облачного провайдера [2, с. 54].

В научной литературе, посвященной технологии удаленного доступа к программному обеспечению, ведется дискуссия относительно правовой квалификации отношений между облачным провайдером и пользователями избираемой договорной модели. Так, А. Савельев отмечает, что в числе возможных вариантов квалификации данных договоров, встречающихся на практике, можно выделить следующие: договор аренды, лицензионный договор, договор возмездного оказания услуг, смешанный договор, непоименованный договор [4, с. 67].

Однако в существующих научных трудах и в практике применения моделей использования мультимедийного продукта с помощью технологии

SaaS, наиболее широко распространены два основных подхода к договорной регламентации рассматриваемых отношений: договор возмездного оказания услуг и лицензионный договор. Рассмотрим каждый из них подробнее.

По договору возмездного оказания услуг в соответствии с п. 1 ст. 779 ГК РФ исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги.

Первое преимущество данной правовой конструкции состоит в том, что она может быть избрана не только в связи с вытекающим из названия технологии SaaS слова «услуга», но и по ее существу. Так, с технической стороны, пользователь в предложенных обстоятельствах может получить доступ к мультимедийному продукту только при непосредственном участии облачного провайдера, который выступает неким посредником, поставщиком объекта, то есть, по сути, оказывает именно услугу по предоставлению вычислительных мощностей.

Вторым плюсом применения договора об оказании возмездных услуг является освобождение провайдера от гражданско-правовой ответственности в соответствии с п. 3 ст. 17 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в случае распространения с помощью его «облака» незаконной информации при условии, что он не знал и не мог знать о нарушении законодательства.

Третьим преимуществом рассматриваемой конструкции можно назвать удобство осуществления оплаты, которая производится за фактически потребленные вычислительные мощности в сроки и в порядке, определенные договором в силу ст. 781 ГК РФ.

Однако существует и ряд недостатков применения договора о возмездном оказании услуг к отношениям, возникающим в связи с использованием мультимедийного продукта при применении технологии SaaS:

- 1) мультимедийный продукт является результатом интеллектуальной деятельности, а значит, распоряжение исключительным правом на него должно

производиться по договору об отчуждении либо лицензионному договору в соответствии с п. 1 ст. 1233 ГК РФ;

- 2) в случае предоставления доступа к мультимедийному продукту на безвозмездной основе не выполняется существенное условие договора об оказании возмездных услуг – оплата;
- 3) при применении конструкции по оказанию услуг не могут быть применены налоговые льготы по уплате НДС в порядке подп. 26 п. 2 ст. 149 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ).

По лицензионному договору обладатель исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (лицензиар) предоставляет или обязуется предоставить другой стороне (лицензиату) право использования такого результата или такого средства в предусмотренных договором пределах.

Первым и неоспоримым преимуществом применения модели лицензионного договора к исследуемым правоотношениям, по мнению автора, является соответствие предмета договора (предоставление права использования результата интеллектуальной деятельности) его объекту (мультимедийный продукт). И. Близнец, комментируя вопрос о правовой природе SaaS, отметил: «Поскольку программные продукты охраняются нормами авторского права, то использование договора услуг в данном случае неприемлемо. Должно заключаться стандартное лицензионное соглашение независимо от того, как этот программный продукт распространяется – посредством установки на компьютер покупателя или через «облако». И такой точки зрения придерживается большинство стран мира» [3].

Второй плюс лицензионной передачи права использования мультимедийного продукта пользователям заключается в возможности предоставления конечного продукта на безвозмездной основе при применении модели открытой лицензии, регулируемой нормами ст. 1286.1 ГК РФ. Следует отметить, что аналогом такой конструкции является широко распространенные по всему миру лицензии Creative Commons, предоставляющие пользователям

право использования объектов авторского права на безвозмездной основе с обязательным указанием авторов и правообладателей.

Третьим коммерчески важным преимуществом применения лицензионного договора являются налоговые льготы по уплате НДС, применяемые в порядке подп. 26 п. 2 ст. 149 НК РФ.

Однако у данной договорной модели есть свои недостатки.

В первую очередь, следует обратить внимание, что право использования мультимедийного продукта, которое предоставляется по лицензионному договору, неразрывно связано с понятием экземпляра, так как признаваемая объектом авторского права программа для ЭВМ является обязательной и важнейшей составляющей такого продукта. В случае применения технологии SaaS пользователь фактически получает лишь удаленный доступ к программе, которая установлена на сервере облачного провайдера. Как отмечает А. Савельев, использования программы в классическом авторско-правовом смысле со стороны пользователя в данном случае не осуществляется: он потребляет результаты использования программы другим лицом, в данном случае – провайдером облачного сервиса [4, с. 84].

Второй минус заключается в том, что суды не всегда признают лицензионную модель, квалифицируя сложившиеся правоотношения услугами. Так, дополнительный платный функционал онлайн-игры, безвозмездно распространяемой по лицензионному договору правообладателем ООО «Майл.Ру Геймз», был признан Арбитражным судом города Москвы услугой [1]. На сегодняшний день данное судебное дело является прецедентным и учитывается юридическим сообществом при выборе договорной конструкции для правоотношений, связанных с использованием мультимедийного продукта при применении SaaS.

Таким образом, на основании проведенного исследования автор настоящей статьи приходит к выводу о необходимости выработки единого подхода к юридическому оформлению правоотношений, которые складываются между пользователями и провайдерами мультимедийного

продукта при применении технологии удаленного доступа к программному обеспечению. Данная позиция связана с тем, что законодательство, наука и существующая практика по данному вопросу противоречивы: это происходит по причине отсутствия универсальной модели, воплощающей в себе все тонкости не только технологии SaaS, но и мультимедийных продуктов как результатов интеллектуальной деятельности, которые посредством нее используются.

Список литературы

1. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 08.04.2015 по делу № А40-56211/14-90-70. Документ опубликован не был // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Рагозина В.В. Правообладатель программы для ЭВМ и облачный провайдер: особенности соглашений в сфере облачных технологий // ИС. Авторское право и смежные права. – 2019. – № 6. – С. 53–62.
3. Реализация государственной политики в области интеллектуальной собственности (интернет-интервью с И.А. Близнецом, ректором Российской государственной академии интеллектуальной собственности). 2015. [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Савельев А.И. Правовая природа «облачных» сервисов: свобода договора, авторское право и высокие технологии // Вестник гражданского права. – 2015. – № 5. – С. 62–99.

О ПРИОРИТЕТАХ В РАЗВИТИИ ОТРАСЛЕЙ РОССИЙСКОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ

Афанасьев Александр Анатольевич,

кандидат экономических наук, доцент, Межотраслевой региональный центр профессиональной переподготовки и повышения квалификации

(г. Казань, action@bk.ru)

Шаматов Индус Каипович,

доктор экономических наук, профессор,

Центр научной и экспертной аналитики ФГБОУ ВО РГАИС

(г. Москва, action@bk.ru)

Шулус Алексей Апполинарьевич,

доктор экономических наук, профессор,

Центр научной и экспертной аналитики ФГБОУ ВО РГАИС

(г. Москва, shulus@bk.ru)

В статье охарактеризована фундаментальная роль машиностроительного комплекса в экономике страны. Показаны подходы к исследованию структуры машиностроения в России. Проанализированы ключевые проблемы основных отраслей машиностроения, не позволяющие ему реализовать в полном объеме инновационные функции. Подчеркнута необходимость масштабной модернизации ведущих отраслей машиностроения, что позволит увеличить долю передовых технологических укладов и ускорить темпы социально-экономического развития народного хозяйства России.

Ключевые слова: машиностроение, машиностроительный комплекс, структура машиностроения, основные производственные фонды, технологический уклад, модернизация производства.

Как показывает практика, в ведущих странах мира большинство производств с точки зрения организационно-технического обеспечения относится к четвертому и пятому технологическим укладам. При этом первый из упомянутых укладов идет на спад, а другой выходит на пик своего развития. Еще один характерный тренд сводится к тому, что в ряде ведущих государств уже задействуются технологии шестого уклада. В данном контексте представляется, что приоритеты государственной промышленной политики РФ должны быть в решающей степени сопряжены с прогрессивными изменениями в структуре отечественного машиностроительного комплекса в плане обеспечения преобладания прогрессивных укладов и создания предпосылок для формирования производственных платформ будущего.

В свете вышесказанного большую теоретическую и практическую значимость приобретают исследования в области динамики развития отраслей отечественного машиностроения, изменения соотношений между ними. Стоит напомнить, что в соответствии с общепринятой классификацией российский машиностроительный комплекс включает 12 крупных комплексных отраслей, а также 100 специализированных производств и подотраслей. При этом комплексными отраслями, сгруппированными по критерию схожести используемого сырья и технологических процессов, выступают: тяжелое, транспортное и энергетическое машиностроение; электротехническая промышленность; инструментальная и станкостроительная промышленность; химическое и нефтяное машиностроение; машиностроение для пищевой и легкой промышленности; сельскохозяйственное и тракторное машиностроение. Далее будут кратко рассмотрены основные проблемы и приоритеты в развитии конкретных отраслей.

Несомненно, что национальные интересы РФ неразрывно связаны с обеспечением устойчивого функционирования тяжелого машиностроения, что обусловлено его системообразующей ролью в машиностроительном комплексе. Данная отрасль, характеризующаяся большой электроемкостью, значительным потреблением металла и относительно небольшой трудоемкостью,

включает: производство горнорудного, горно-шахтного, металлургического, подъемно-транспортного, крупноэнергетического оборудования, тяжелых станков, кузнечно-прессовых машин, крупных локомотивов и вагонов, речных и морских судов. Размещение соответствующих предприятий в значительной мере зависит от районов потребления, а также от сырьевой базы. Затраты на материалы и сырье составляют, как правило, более половины всех расходов, на электроэнергию – 8–15%, на транспорт – 15–25%, на заработную плату – 8–15%. В этой связи размещение отраслей тяжелого машиностроения осуществляется в районах потребления готовой машиностроительной продукции, а также неподалеку от металлургических баз. Центры тяжелого машиностроения сформировались в Сибири (Красноярск, Иркутск) и на Урале (Орск, Нижний Тагил, Екатеринбург). Здесь выпускают технологическое оборудование для металлургической промышленности: литейное, сталеплавильное, доменное, горнорудное, прокатное. В Сибири производство горнорудного и горно-шахтного оборудования представлено заводами Красноярска, Новокузнецка, Прокопьевска, Иркутска, Кемерова. В Красноярске действует один из самых крупных заводов Российской Федерации по выпуску тяжелых экскаваторов, их активно используют на месторождениях бурого угля Канско-Ачинского бассейна. Важную роль среди всех отраслей тяжелого машиностроения играет непосредственно энергетическое машиностроение, которое представлено выпуском мощных генераторов и паровых турбин, паровых котлов и гидротурбин. Энергетическое машиностроение размещается, главным образом, в крупных машиностроительных центрах, где имеется высококвалифицированный персонал.

В крупных машиностроительных центрах получил свое развитие выпуск кузнечно-прессового оборудования и тяжелых станков. Обычно эти станки производятся малыми сериями по специальным заказам российских и зарубежных машиностроительных компаний. Центрами машиностроения выступают Новосибирск, Воронеж, Коломна. К районам потребления также

приближены и некоторые подотрасли транспортного машиностроения: производство вагонов, электровозов, тепловозов, судостроение. Судостроение тяготеет к речным и морским портам. Отметим, что сложность строительства судов непосредственно связано с установкой на них различного оборудования (типового и специального), в этой связи в судостроении значительно развито кооперирование с прочими компаниями, которые помимо оборудования поставляют еще и целые секции судов. На побережье Балтийского моря (Выборг, Санкт-Петербург) сформировались главные центры морского судостроения, осуществляющие выпуск наливных, грузопассажирских и пассажирских судов, научных судов, ледоколов-атомоходов. Речное судостроение Российской Федерации представлено верфями на самых крупных речных магистралях: Енисее, Амуре, Волге, Оби. Нижний Новгород является одним из самых крупных речных центров судостроения. Здесь производят суда разного класса: корабли на подводных крыльях, современные пассажирские теплоходы, лайнеры, морские железнодорожные паромы.

Еще одной приоритетной с точки зрения национальной экономики отраслью является железнодорожное машиностроение – старейший сегмент российской промышленности, получивший развитие еще в дореволюционный период. Распад Советского Союза наиболее болезненно отразился на выпуске подвижного железнодорожного состава и локомотивов. Крупнейший район железнодорожного машиностроения СССР – Донецко-Приднепровский (выпуск цистерн и тепловозов, грузовых вагонов) оказался за пределами России. Все советское производство пассажирских электропоездов пригородного сообщения также осталось за границей, а именно в Латвии. Почти полностью прекратились поставки пассажирских и грузовых вагонов дальнего сообщения, электровозов, производителями которых выступали социалистические страны Восточной Европы. Все это повлекло за собой невозможность обеспечения российского железнодорожного транспорта подвижным составом, локомотивами, а также необходимым оборудованием своего собственного производства. Что же касается закупки такой продукции

за границей, то, во-первых, следует принимать во внимание фактор более высокой цены, во-вторых, санкционные ограничения последних лет. В данной сложной обстановке начинает действовать фактор импортозамещения: соответствующие производства развернуты в Тихвине и Твери; также растет выпуск электровозов в Новочеркасске [5]. Необходимо отметить, что современные пассажирские и специальные вагоны, тепловозы, электровозы являются материалоемкой продукцией, при производстве которой используются различные конструкционные материалы – пластмассы, цветные и черные металлы, стекло, древесина. Кроме того, они оснащены очень сложным оборудованием – мощнейшими электромоторами, дизелями, агрегатами для обогрева, холодильными установками и т.д.

При этом электровозы производят в Новочеркасске, пассажирские тепловозы – в Коломне, маневровые тепловозы – в Людинове и Муроме. Здесь самые лучшие в России условия по кооперированию производства. Кроме того, имеются квалифицированные специалисты. В Демихове осуществляется выпуск пригородных электропоездов. Это дало возможность отказаться от их закупок за границей [1]. Следует отметить, что для производства вагонов помимо металла, необходимо еще и древесное сырье; вследствие этого вагоностроение получило свое развитие в Нижнем Тагиле. Здесь выпускают вагоны повышенной грузоподъемности. Брянский завод тяжелого машиностроения специализируется на производстве изотермических вагонов; двухъярусные вагоны, предназначенные для перевозки легковых транспортных средств, и пассажирские вагоны выпускают в Твери, в Мытищах и Санкт-Петербурге производят вагоны для метрополитена. Абаканский вагоностроительный завод специализируется на производстве битумовозов, контейнеровозов и грузовых вагонов. В газо- и нефтедобывающих районах Западной Сибири и Северного Кавказа, Поволжья и Урала выпускается оборудование для газовой и нефтяной промышленности.

Несомненно, к числу приоритетных следует отнести общее машиностроение, включающее в себя отрасли по выпуску оборудования

для дорожных и некоторых видов сельскохозяйственных машин, химической, нефтеперерабатывающей, строительной, лесной промышленности. Предприятия данной группы достаточно широко размещены по всей территории Российской Федерации, что обусловлено их привязкой к потребителям готовой продукции. Кроме того, здесь играют роль следующие факторы: близость сырьевой базы и наличие специалистов. От 12% до 33% в себестоимости затрат продукции машиностроительных отраслей идет на зарплату персоналу, затраты на электроэнергию не превышают 5%, а на сырье и материалы – 8% [2].

Тракторостроение традиционно относилось к числу наиболее передовых отраслей машиностроения в период Советского Союза (прежде всего, по производству мощных тракторов). В настоящее время рассматриваемая отрасль находится в глубоком кризисе, что обусловлено не только низкой покупательной способностью предприятий российского АПК, но и распадом Советского Союза, повлекшим за собой ослабление, а в некоторых случаях и полный разрыв хозяйственных связей между тракторостроительными компаниями России и предприятиями стран ближнего зарубежья. За границами России остались очень крупные тракторостроительные заводы (Минский, Харьковский, Кишиневский, Павлодарский) [3]. Самые крупные современные центры российской тракторной промышленности – это Рубцовск, Липецк, Волгоград, Челябинск, Владимир.

Сельскохозяйственное машиностроение, кроме выпуска зерновых комбайнов, во все времена было достаточно слабым звеном российского машиностроения. Нужно сказать, что сельскохозяйственная техника, функционирующая на полях в советский период, как правило, завозилась из-за границы. Российские производители сельскохозяйственной продукции, разоренные финансово-экономическим кризисом, стремительно уменьшили объем закупок техники, и в настоящее время многие компании сельскохозяйственного машиностроения находятся на грани закрытия. Стоит отметить, что среднее машиностроение включает в себя группу предприятий,

которые отличаются достаточно узкой специализацией, а также обширными связями по кооперативным поставкам продукции: станкостроение, самолетостроение, автомобилестроение, выпуск технологического оборудования для полиграфической, легкой и пищевой промышленности. В данной группе особое место отведено производству пятого технологического уклада (это авиационная, ракетно-космическая промышленность, электронная промышленность). Им свойственна наибольшая научно- и трудоемкостью. Эти отрасли размещаются на территориях, которые располагают высококвалифицированными кадрами, способными реализовать масштабные научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР). По уровню квалификации и сложности производства авиационная промышленность практически не отличается от ракетно-космической промышленности. Поэтому представляется оправданным отнесение к числу приоритетных отраслей авиастроения, поскольку оно объединяет комплекс наиболее крупных и технологически оснащенных производств, многие из которых сопоставимы по ключевым параметрам с мировыми стандартами. Обычно авиационная промышленность размещается в крупных российских промышленных центрах. Здесь сборка готовых изделий осуществляется на головных предприятиях – из узлов и деталей, которые поставляются сотнями, (а порой и тысячами) смежников. Основные факторы расположения данных предприятий – удобство транспортных связей, возможность для кооперирования производства, а также наличие квалифицированных кадров [4]. Крупнейшие районы сосредоточения российской авиационной промышленности – это Центральный, Поволжский, Уральский ФО. Стоит подчеркнуть, что более 70% продукции авиастроения предназначено для нужд военно-промышленного комплекса (ВПК). Этим обусловливается большая значимость рассматриваемой отрасли для развития национальной экономики в целом, а также в плане влияния России на геopolитическую обстановку.

Еще одно приоритетное направление сопряжено с автомобилестроением, характеризующимся высокой степенью специализации и развитием

кооперационных связей [4]. Компании автомобильной промышленности функционируют во многих российских регионах. По факторам и условиям размещения автомобилестроение во многом аналогично авиастроению. Данная отрасль также в существенной степени зависит от нужд ВПК. Основной ее продукцией до недавнего времени были боевые машины, бронетранспортеры, танки. Волжский автозавод (ВАЗ) в городе Тольятти является самым крупным производителем легковых транспортных средств. С конвейеров этого завода сходит большая часть отечественных легковых транспортных средств. Также их производят предприятия Нижнего Новгорода, Москвы, Ульяновска, Ижевска. Автобусы производят в Кургане, Павлове и Ликино-Дулеве. В Энгельсе располагается самый крупный в Европе троллейбусный завод. Вместе с тем автомобильная промышленность включает в себя и производство подшипников, электрооборудования, моторов и так далее.

Станкостроение – это база научно-технического прогресса всего машиностроения. Из числа факторов, оказывающих влияние на размещение станкостроительных предприятий, основным является обеспеченность этой отрасли квалифицированной рабочей силой, инженерно-техническими кадрами. Помимо Москвы и Санкт-Петербурга станкостроение развивается и в Уральском и Приволжском федеральных округах. Важная задача развития машиностроительного комплекса – это кардинальная реконструкция, а также опережающий рост следующих отраслей: приборостроение, станкостроение, производство вычислительной техники, электронная и электротехническая промышленность. Вместе с тем требуется разработка, а также внедрение новейших базовых технологий, которые обеспечат оживление инвестиционной активности, производство конкурентоспособной продукции. Без этого невозможно будет достичь высокого технологического обеспечения развития национальной экономики, участия Российской Федерации в международном разделении труда как полноправного партнера.

Темпы развития машиностроения длительное время опережали развитие всей в целом промышленности. Быстрыми темпами развивались, прежде всего,

приборостроение, станкостроение, электронная и электротехническая промышленность. Достижения машиностроения помимо роста объемов его выпуска характеризовались еще созданием и производством прогрессивных видов машиностроительной продукции, внедрением передовых технологий. Среди приборов средств автоматизации, созданных образцов новых видов машин, наибольшая часть продукции отвечает уровню самых лучших российских и зарубежных образцов, а некоторые из них этот уровень даже превосходят. Тем не менее, невзирая на некоторые сдвиги в развитии отрасли машиностроения, его производственная и научно-техническая база требованиям интенсификации общественного производства не адекватны. Велик удельный вес оборудования, которое эксплуатируется более 15 лет, В этой связи для технического перевооружения абсолютно всех отраслей экономики и для ускорения экономического и социального развития требуется обширная реконструкция машиностроительных предприятий.

Резюмируя вышесказанное, необходимо подчеркнуть: российское машиностроение не в полной мере реализует свои системообразующие функции в экономике страны в силу целого комплекса факторов – как унаследованных от СССР, так и ставших следствием серьезных ошибок в теории и практике государственного и хозяйственного управления последних десятилетий. Кардинальная реконструкция, а также приоритетный рост ряда отмеченных выше отраслей – таковы основные задачи развития российского машиностроительного комплекса.

Список литературы

1. Варнавский А.Е. Мобильность инвестиционного комплекса. – Машиностроитель. – 2007. – 144 с.
2. Благодатских В.Г. Стратегическое развитие российских регионов. – М.: Проспект, 2012. – 600 с.

3. Головина А.Н. Мировая экономика: Екатеринбург: УрО РАН, 1999.
– 526 с.
4. Афанасьев А.А. Процесс реструктуризации предприятия – от теории к практике // Казань: Вестник Казанского технологического университета, 2010, № 3. – С. 98–106.
5. Zhukovskaya I.V., Shinkevich A.I., Ostanin L.M., Yalunina E.N., Lushchik I.V., Zhukova M.A., Mokhova G.V. Features of economic zones' regulation interms of economic instability // International Journal of Environmental and Science Education. – 2016. – Т. 11. – № 18. – P. 12787–12801.

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Бербеков Оли Алиевич,

магистрант ФГБОУ ВО РГАИС, 2 курс,

направление подготовки «Управление интеллектуальной собственностью»

(г. Москва, 9778387273@mail.ru)

Научный руководитель:

Мухопад Владимир Иванович,

доктор экономических наук, профессор,

профессор кафедры «Управления инновациями и коммерциализации

интеллектуальной собственности» ФГБОУ ВО РГАИС

В статье рассматриваются основные формы коммерциализации интеллектуальной собственности. Приводятся принципиальные различия между ними с учетом имеющихся преимуществ и недостатков каждой из них.

Ключевые слова: коммерциализация, интеллектуальная собственность, инновация, идея, прибыль, лицензия, кодекс.

Множество научных публикаций посвящено коммерциализации интеллектуальной собственности, в которых авторы подробно освещают и раскрывают данную тему (например, [4]). Автор настоящей статьи постарался изложить свое субъективное видение вопроса.

Под коммерциализацией интеллектуальной собственности понимается извлечение прибыли из результатов научно-технической деятельности. Однако одной из главных движущих сил на этом пути является идея. Именно с идеи основателей начинались такие корпорации, как Ford Global Technologies LLC, Apple Inc.

Однако идеи приходят в голову многим людям, но не все решаются их реализовать. В противном случае очень вероятно, что наша планета уже давно была бы погребена под грудой абсолютно бесполезных и ненужных изобретений, таких как дверной звонок со звуком стука в дверь, глазок для холодильника, ручка в потолке авто с водительской стороны или одеяло с рукавами. С другой стороны, наши страхи и сомнения становятся камнем преткновения на пути к коммерциализации интеллектуальной собственности, то есть конвертации идеи (умственного труда) в деньги.

Чтобы изобретение имело коммерческий успех, для начала необходимо провести маркетинговые исследования и определить потенциальную целевую аудиторию, которой оно интересно. Выявить, в каких отраслях может быть востребовано изобретение. Провести анализ рынка, изучить потенциальных конкурентов и их продукцию, сравнить цены и качество продукции, и т.д. Следующим шагом будет проведение патентных исследований, такие исследования предполагают осуществление поиска на патентную чистоту, это необходимо для соблюдения законных прав участников рынка и охраны собственных. Далее, если продолжить раскрывать этапы жизненного цикла охраняемых инноваций [4], то следует провести научные исследования и разработки (НИР), опытно-конструкторские работы (ОКР), экспертизу и правовую защиту, создать прототип продукции и внедрить ее на рынок. На практике во внедрении инноваций решающую роль играет финансовая составляющая – не только для малых, но даже для крупных предприятий. Тем не менее, пройдя эти непростые этапы вышеупомянутого жизненного цикла охраняемых инноваций и получив охранный документ на изобретение, у правообладателя появляется выбор.

Форм коммерциализации интеллектуальной собственности достаточно много, но хотелось бы раскрыть основные из них.

Во-первых, это внедрение интеллектуальной собственности в собственное производство. Эта форма является самой эффективной и прибыльной, к тому же способствует дальнейшему развитию предприятия.

Но минусы также есть, и в первую очередь они связаны с большими затратами, как финансовыми, ресурсными, так и временными на начальных этапах производства.

Во-вторых, правообладатель может предоставить право использования на объект интеллектуальной собственности, заключив лицензионный договор с тем, кто в этом заинтересован.

В соответствии со ст. 1235 ГК РФ [1] по лицензионному договору одна сторона – обладатель исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (лицензиар) предоставляет или обязуется предоставить другой стороне (лицензиату) право использования такого результата или такого средства в предусмотренных договором пределах. Заключение лицензионного договора в некоторых случаях позволяет не обременять себя неоправданными тратами и как можно быстрее начать получать стабильную прибыль, которая, в свою очередь, обеспечит операционные расходы или покроет иные траты, связанные с производством. Существуют следующие виды лицензионных договоров: «неисключительная лицензия (простая), которая предусматривает предоставление лицензиату права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации с сохранением за лицензиаром права выдачи лицензий другим лицам, и исключительная лицензия, которая предоставляет лицензиату права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации без сохранения за лицензиаром права выдачи лицензий другим лицам» [1]. При этом лицензионный договор предусматривает следующие виды лицензионных платежей лицензиару:

- паушальные платежи – фиксированные, производимые единовременно или в рассрочку;
- роялти – скользящие платежи (в виде процентов от выручки или прибыли) в течение срока действия лицензионного договора;
- комбинированные платежи (роялти с паушальными платежами).

Таким образом, в рамках лицензионного договора есть множество опций. Главным минусом данного вида распоряжения правом является то, что прибыль окажется существенно ниже, чем в случае с внедрением в собственное производство интеллектуальной собственности.

В-третьих, чуть менее опциональным, но не менее прибыльным, чем лицензионный договор, является договор об отчуждении исключительного права.

Согласно ст. 1234 ГК РФ, по договору об отчуждении исключительного права одна сторона (правообладатель) передает или обязуется передать принадлежащее ей исключительное право на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации в полном объеме другой стороне (приобретателю).

В данном случае новый правообладатель волен распоряжаться исключительными правами как угодно (в законных пределах). Безоговорочным и, пожалуй, единственным плюсом при данной форме коммерциализации интеллектуальной собственности является то, что деньги в полном объеме можно получить сразу же после заключения сделки, что способствует реализации новых инвестиционных проектов и покрытию текущих расходов.

Отдельно можно выделить сделки с ноу-хау¹, которые не имеют охранного документа, как, например запатентованные изобретения, но при этом охраняются режимом коммерческой тайны [2]. Особенностью и плюсом ноу-хау является то, что не нужно тратить время и деньги на получение охранного документа, сразу же внедрив свою идею в производство. Также ноу-хау можно передавать по договору, что позволяет извлекать дополнительную прибыль. Ахиллесовой пятой ноу-хау является раскрытие его секрета производства третьим лицам. Однако, если получится сохранить конфиденциальность, срок ноу-хау неограничен. Ярким примером здесь может служить компания Coca-Cola, чей секрет производства до сих пор остается нераскрытым.

¹ Ноу-хау (от англ. know how – «знать как»), или секрет производства.

В заключение хотелось бы добавить, что существуют и другие формы коммерциализации интеллектуальной собственности: франчайзинг, то есть договор коммерческой концессии; инжиниринговые услуги; промышленная коопeração; постановка нематериальных активов на баланс предприятия.

В настоящее время в российском законодательстве такие понятия, как франчайзинг, франшиза, франчайзинговый договор, договор франчайзинга отсутствуют. Правоотношения франчайзера и франчайзи регулируются в Российской Федерации главой 54 ГК РФ «Коммерческая концессия» [1]. В инжиниринговые услуги входит инженерно-консультационная деятельность, которая направлена на решение комплекса задач, связанных с процессом производства товаров, оказанием услуг, выполнением работ под ключ [3]. Промышленная коопeração предполагает выход на новые рынки, увеличение серийности и уменьшение издержек производства, а постановка нематериальных активов на баланс производства способствует увеличению уставного капитала организации, оптимизации налогообложения и повышению привлекательности организации перед кредитно-финансовыми организациями и инвесторами. Конечно, это далеко не полный список существующих форм коммерциализации интеллектуальной собственности, но наиболее востребованный на сегодняшний день. Автор полагает, что приведенного в статье перечня форм коммерциализации интеллектуальной собственности вполне достаточно для общего понимания вопроса и для принятия самостоятельного решения по коммерциализации интеллектуальной собственности.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 18.07.2019.) // СЗ РФ. – 2006. – № 52, ч. 1.
2. Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ (ред. от 18.04.2018) «О коммерческой тайне». [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Гарант».

3. ГОСТ 3 57306-2016. Инжиниринг. Терминология и основные понятия в области инжиниринга. [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Гарант».

4. Мухопад В.И. Коммерциализация интеллектуальной собственности : монография. – М.: Магистр, 2012.

РИСКИ ЛИЦЕНЗИОННЫХ ДОГОВОРОВ НА СЕКРЕТЫ ПРОИЗВОДСТВА И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Ботин Виктор Алексеевич,

магистрант ФГБОУ ВО РГАИС, 2 курс,

направление подготовки «Управление интеллектуальной собственностью»

(г. Москва, gofn@mail.ru)

Научный руководитель:

Ревинский Олег Витальевич,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры «Патентного права и правовой охраны

средств индивидуализации» ФГБОУ ВО РГАИС

Вопрос о возмездной передаче секрета производства в научной литературе много лет является дискуссионным, защита информации, которая может приносить какой-либо доход, осложняется ввиду ее гражданско-правового статуса. В этой статье подробно рассматривается ряд рисков, с которыми сталкивается правообладатель, передающий в рамках заключенного договора секрет производства (ноу-хау).

Ключевые слова: секрет производства, ноу-хау, лицензионный договор, интеллектуальная собственность.

Секрет производства. Понятие, признаки, способы охраны

Термином «секрет производства» принято называть весь массив сведений различного характера (например, экономического, организационно-технического, производственного и т.д.), относящихся к научной и технической сфере. При этом в секрет производства могут входить сведения о том или ином способе осуществления конкретной деятельности, а также любой объем

информации о результатах интеллектуальной деятельности (далее – РИД) [4, с. 11].

Действующее законодательство выделяет несколько критериев, которым должен отвечать секрет производства:

- сведения обладают коммерческой ценностью (как потенциальной, так и реальной) в силу статуса секретности;
- доступ третьих лиц к такой информации ограничен, исходя из требований нормативных актов;
- правообладатель принимает разумные меры для соблюдения их конфиденциальности, в том числе путем введения режима коммерческой тайны (ст.1465 ГК РФ).

В качестве секрета производства может быть признана информация, которая определяется через несколько признаков:

- наличие РИД;
- оценка РИД проведена не только с теоретической точки зрения, но и обоснованно выражена на практике: например, зафиксирована в документах бухгалтерского учета;
- к такой информации у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании, и обладатель такой информации принимает разумные меры для соблюдения ее конфиденциальности.

Отсутствие последнего пункта влечет за собой прекращение правовой защиты.

Судебная практика показывает, что при передаче ноу-хау по лицензионному договору стоит обратить внимание то, что под ноу-хау понимаются сведения, к которым у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании, и обладатель таких сведений принимает разумные меры для соблюдения их конфиденциальности, в том числе путем введения режима коммерческой тайны.

Действующее законодательство позволяет осуществлять защиту ноу-хау посредством введения режима коммерческой тайны (далее – КТ) или путем

принятия иных разумных и достаточных мер, которые, с одной стороны, обеспечивают конфиденциальность ноу-хая, а с другой стороны, позволяют использовать данную информацию работникам компании и передавать ее контрагентам без нарушения режима конфиденциальности. Тем не менее режим коммерческой тайны на настоящий момент является наиболее используемым, поскольку существует давно (в частности, сложилась судебная практика по отдельным вопросам соблюдения режима коммерческой тайны) и имеет специальное законодательное регулирование (Закон о коммерческой тайне).

Основной ряд мер, обеспечивающих охрану КТ (ст. 10 Закона о коммерческой тайне) [2]:

- конкретизация объема информации, которая составляет КТ;
- обеспечение допуска к информации, которая составляет КТ, а также соответствующих ограничений;
- проведение процедуры учета лиц, получающих доступ к информации, которая составляет КТ, а также лиц, кому такая информация была предоставлена;
- отражение в рамках соответствующих документов конкретных отношений, касающихся работы с информацией, которая составляет КТ (для трудовых отношений – в трудовых договорах, для коммерческих – в гражданско-правовых);
- использование грифа «Коммерческая тайна» для маркировки материальных носителей информации, которая составляет КТ.

Потенциальная возможность получения правообладателем какого-либо материального вознаграждения в момент передачи информации, составляющей КТ, подразумевает необходимость проверки соблюдения указанных выше мер.

В противном случае при возникновении спорной ситуации, касающейся получения данных о КТ третьими лицами, на лицензиара ложится бремя доказывания всех обстоятельств обеспечения защиты режима КТ. На практике

же меры безопасности полностью игнорируются, что приводит к нарушению режима КТ.

Обеспечить соблюдение режима КТ можно, например, путем привлечения к ответственности работников (п. 2 ст. 1470 ГК РФ) или контрагентов (п. 3 ст. 1469 ГК РФ) [1]. При этом для первых закон подразумевает ответственность в дисциплинарной форме либо возмещение убытков, в то время как со второй категории субъектов может быть взыскана соответствующая сумма компенсации. Также ст. 183 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за соответствующие незаконные действия [3].

Но практическое применение уголовных мер ответственности сопряжено с трудностями, если следствием не будет доказано, что сама информация относилась к сведениям, содержащим КТ, а также именно действия конкретного лица привели к ее разглашению. Нельзя забывать и о возможности получить такую информацию случайно или по ошибке, не подозревая о ее статусе. В то же время на практике существуют случаи, когда прием сведений осуществляют одни лица, в то время как фактическая работа выполняется другими лицами – в некоторых случаях даже не осведомленными о режиме КТ. Очевидно, что органы управления компании должны обеспечить информирование всех задействованных в процессе лиц о статусе получаемой ими информации, о мерах ответственности и о режиме работы.

Кроме того, касаясь вопроса ответственности правообладателя, необходимо вспомнить о юрисдикции, к которой, в частности, относится институт заранее оцененных убытков. Очевидно, что процесс упрощается – следует лишь доказать фактическое разглашение сведений, составляющих КТ, а также указать субъективную сторону проступка (вину в соответствующей форме). В рамках отечественной юридической практики такой институт отсутствует, а редкие случаи признания судом заранее оцененных убытков в качестве юридического факта являются лишь исключением из правил. Наличие такого института помогло бы правообладателям защитить свои права от недобросовестной деятельности лицензиата.

В то же время необходимо понимать, что полностью нивелировать любое разглашение КТ не представляется возможным, и это предполагает необходимость лицензиару защитить информацию от человеческого фактора. Это подразумевает проведение бесед о возможности наступления негативных последствий для всех, кто задействован в работе с КТ. Стоит, однако, заметить, что в исках по привлечению к ответственности за эпизоды, описанные выше, суды нередко отказывают, ссылаясь на формальные основания.

Проблемы передачи секрета производства

Факт передачи секрета производства в рамках соответствующего договора предполагает возникновение двух ключевых вопросов: охраны и определения предмета взаимного соглашения. В качестве мер обеспечения охраны следует называть, во-первых, принятие разумных мер для соблюдения конфиденциальности, например, верное оформление лицензиаром режима КТ, во-вторых, соблюдение порядка передачи сведений, например, составление перечня.

Существование секрета производства оправдано до того момента, пока эта информация находится в ограниченном (закрытом) доступе. Факт распространения и получения доступа неограниченным кругом лиц – это условие, при котором происходит потеря коммерческой ценности. Необходимо верное оформление режима КТ или режима конфиденциальности, выступающего в качестве существенного условия режима охраны.

С партнерами, клиентами и другими контрагентами также может подписываться Соглашение о неразглашении конфиденциальной информации (англ. Non-disclosure agreement, NDA). Такое соглашение следует заключать еще на стадии переговоров, поскольку привлечение контрагентов зачастую осуществляется за счет предоставления информации о продукте, которая, так или иначе, включает конфиденциальные сведения. Таким образом, основная цель Соглашения о неразглашении (NDA) – защита конфиденциальной информации сторон, которой они делятся друг с другом в ходе переговоров,

заключения сделок и исполнения обязательств. Далее, если с контрагентами заключаются какие-либо договоры, в них также включаются условия о неразглашении конфиденциальной информации, а также ответственность в случае ее разглашения.

Следует внимательно подходить к процессу документирования секрета производства. При этом лицо, ответственное за работу с соответствующей документацией, должно пройти предварительный инструктаж и подписать акт уведомления о работе с информацией, составляющей секрет производства, а также осознавать потенциальные последствия разглашения такой информации.

Факт передачи секрета производства предполагает, что лицензиар и лицензиат уже осведомлены об объеме передаваемой информации, которая чаще всего фиксируется в рамках материального носителя. При этом в тексте договора нужно максимально полно указать все известные данные – вплоть до серийных номеров и наименований носителей, внешних признаков, характерных черт и т.д.

Отметим, что в тексте ГК РФ существует декларативное обязательство сохранять информацию в тайне после получения секрета производства. На лицензиата возлагается ответственность по сохранению конфиденциальности сведений (п. 2 ст. 1468, ст. 1472 ГК РФ). В то же время правообладателю желательно ознакомиться с деятельностью контрагента, что в будущем может стать важным фактором в условиях соблюдения режима секретности. К примеру, фактическая передача информации не всегда означает, что лицензиат в должной мере осознает объем получаемых прав и возлагаемых обязанностей. Это подразумевает проведение предварительной работы по выяснению и выявлению условий, в которых будет осуществляться работа с информацией, составляющей секрет производства. Целесообразно использовать эти сведения в дальнейшем, например, в процессе переговоров, когда устанавливаются гарантии обеспечения режима секретности, механизмы защиты и т.д.

Вопрос определения предмета взаимного соглашения – еще один неразрешенный эпизод в рамках работы с секретом производства. Очевидно, что основная сложность состоит в том, что информация имеет закрытый характер. Необходимо обеспечить определенное ее разграничение от остального массива РИД, а также сохранение режима секретности до момента заключения соглашения. Повторимся, существование ноу-хау является оправданным до того момента, пока эта информация находится в ограниченном (закрытом) доступе. Однако отсутствие сведений о самом ноу-хау в тексте договора автоматически делает его мнимым. Такие позиции приводят к появлению двух взаимоисключающих утверждений. Практика показывает, что при заключении договора стороны оперируют общими сведениями о предмете, а также указывают цели и результаты, на которые в дальнейшем можно будет рассчитывать, обладая секретом производства. Однако описанное выше может привести к проблеме, которая проявится уже поздней – либо после заключения соглашения, либо после уплаты соответствующей суммы сделки. Речь идет о полезности ноу-хау, а также о количественном выражении экономического эффекта от обладания и (или) использования [5, с. 27]. Таким образом, уже на этапе переговоров следует предусмотреть все условия дальнейшего практического применения секрета производства в целях достижения максимальных результатов.

Госрегистрация договора и сублицензия

Процедура государственной регистрации в отношении ноу-хау не закреплена в качестве обязательной, однако разумный взгляд на проблему предполагает необходимость все-таки выполнить регистрацию. Это связано, например, с обстоятельствами включения в предмет соответствующего договора РИД, в отношении которых установлена обязанность регистрации. Соглашение же будет заключено в форме смешанного лицензионного договора.

Не весь объем результатов труда инженеров-конструкторов или разработчиков может быть зарегистрирован в рамках действующего правового

режима. Следует также учитывать, что патент – это целый комплекс экономических, трудовых и временных затрат. Если речь идет о предприятии, на котором систематически разрабатываются новые РИД, серьезная часть из них не может рассчитывать на охрану с помощью патента. Практика показывает, что в большинстве случаев заключается лицензионный договор с последующей передачей секрета производства.

Кроме того, сохраняется риск утечки данных даже во время проведения процедуры государственной регистрации [6]. Поэтому видится рациональным, например, зарегистрировать лишь выписку из лицензионного договора, сохраняя тем самым в тайне все существенные сведения. Однако случаются и ситуации, при которых предмет договора отражен в размытом виде, что сделано сознательно (в целях недопущения раскрытия соответствующих сведений). Чтобы воспользоваться режимом правовой охраны, необходимо прибегнуть к включению в сам договор прав, охраняемых патентами. Это подразумевает дальнейшую необходимость регистрации соглашения в качестве смешанного, что будет означать вступление в силу с момента регистрации. При этом патенты сохранят за собой режим защиты, наступивший с момента государственной регистрации.

Также существует институт сублицензии, при котором обеспечивается возможность появления посредника. Чаще всего этот формат используется в рамках, например, сотрудничества с холдингами или потенциальной заинтересованности дальнейшего привлечения субподрядчика. Описанные обстоятельства никак не влияют на осведомленность лицензиата. Привлечение третьей стороны в договор не обеспечивает какой-либо дополнительной защиты от рисков – более того, они многократно возрастают, т.к. об информации становится известно сублицензиату, в составе которого, как правило, есть целый штат сотрудников. Очевидно, что в таком случае рациональней заключать соглашение с лицензиатом, а в последующем передавать секрет производства будущему пользователю. На практике же требуется, чтобы обе стороны (лицензиат и лицензиар) были равны в правах

(разумеется, сублицензионный договор не может оперировать предметом, который будет шире того, что указан в лицензионном договоре). В то же время необходимо учитывать, что передача секрета производства, осуществляемая в рамках сублицензионного договора напрямую будущему пользователю (без привлечения к процессу лицензиата) будет подразумевать, что соглашение может получить статус агентского и исключит возможность применения льгот налогового характера. Также на стороны договора возлагается обязанность определения положений об обязательствах, относящихся к конкретным сотрудникам (действующих от имени сублицензиата и принимающих материальный носитель информации) — аналогично с механизмом передачи секрета производства от лицензиара к лицензиату, о чем уже было упомянуто в тексте выше.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // Российская газета, № 289, 22.12.2006, 06.11.2019.
2. Федеральный закон «О коммерческой тайне» от 29.07.2004 № 98-ФЗ (последняя редакция) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Гаврилов Э.П. Защита частным правом секретов производства и информации, составляющей коммерческую тайну / Э. П. Гаврилов. – Патенты и лицензии. – 2015. – № 4. – С. 10–19.
5. Глевич М.А. Гражданко-правовое регулирование отношений, связанных с использованием секрета производства, в Российской Федерации: дис... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Глевич Михаил Александрович. – Пермь, 2015. – 243 с.

6. Нестерова Н.В. Ноу-хау в свете недавних изменений гражданского законодательства Российской Федерации / Н. В. Нестерова // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 10.

К ВОПРОСУ ЗАЩИТЫ ПРОПРИЕТАРНОГО ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ, РАСПРОСТРАНЯЮЩЕGO СЯ В КАЧЕСТВЕ ЦИФРОВОЙ ДИСТРИБУЦИИ В ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Вихляев Александр Александрович,

преподаватель кафедры административной деятельности ОВД
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
(г. Москва, vih.alexander2011@mail.ru)

В статье рассмотрены некоторые тренды применения цифрового дистрибутива и его преимущества. Дано описание способов взлома проприетарного программного обеспечения, распространяющегося посредством цифровой дистрибуции через информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет». Проведен анализ способов и форм защиты лицензионных продуктов; предложены инновационные подходы к распространению и защите программного обеспечения с использованием технологии облачных сервисов.

Ключевые слова: *Интернет, проприетарное программное обеспечение, цифровой дистрибутив, аутентификация, облачный сервис.*

В эпоху развития современных информационных технологий и цифровых трансформаций особенно актуальным становится вопрос о защите объектов интеллектуальной собственности, распространяющихся посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Технологии хранения информации, ее передачи и обработки за последнее время претерпели значительные изменения. Если десятилетие назад мы могли говорить лишь о материальных объектах, содержащих в себе программный код и сопутствующие утилиты, требуемые пользователям для обеспечения

функционала персональных компьютеров и их программного обеспечения, то сейчас наиболее распространенным способом передачи подобной информации, безусловно, является цифровой дистрибутив.

Любое программное обеспечение, не относящееся к категории открытого и распространяющегося свободно, является объектом интеллектуальной собственности разработчиков, а его защита обеспечивается законодательством.

В данном аспекте внимание следует уделить терминологии рассматриваемого объекта.

Прежде всего, программное обеспечение – понятие комплексное, которое включает в себя программу или множество программ, используемых для управления персональным компьютером [1].

При этом в ГОСТе 19781-90 [2] под программным обеспечением понимается совокупность программ системы обработки информации и программных документов [3], необходимых для эксплуатации этих программ.

В данном аспекте программные документы, которые также включаются в кейс программного обеспечения, предстают в качестве объекта индивидуализации, формально представляющего продукт интеллектуальной собственности.

Технологии создания, распространения, поддержки и эксплуатации программного обеспечения ориентированы, прежде всего, на массового потребителя. Современный рынок требует трансформации прежней модели распространения продуктов интеллектуальной собственности, и, как результат, в условиях нынешних реалий мы сталкивается с распространением и технической поддержкой цифрового дистрибутива посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Отход от классических материальных способов хранения и передачи информационных массивов данных, содержащих программный код или сопутствующий дистрибутив, к цифровому, безусловно, должен охватывать и дополнительные способы обеспечения защиты указанных данных.

Одной из главных проблем, связанных с охраной объектов интеллектуальной собственности в современных условиях, является защита программного обеспечения от его неправомерного использования.

С развитием рынка цифровых услуг, к сожалению, растет и количество способов, позволяющих осуществлять взлом программного обеспечения или его установку вопреки необходимым требованиям аутентификации и разблокирования.

Одними из наиболее распространенных способов взлома программного обеспечения являются следующие: взлом регистрационного ключа, позволяющего идентифицировать лицензионный продукт, путем внесения в контекстную строку аутентификатора ложных сведений с использованием нелегально полученных данных или программы-эмулятора ключей; использование бинарных патчей или взломанных версий файлов; подбор регистрационных ключей для продукта с применением специального программного обеспечения, содержащего эмулятор ключей; вывод проприетарного программного обеспечения в «оффлайн» (без постоянного подключения к сети) – установка запрета к интернет-подключению путем использования соответствующих утилит.

Указанные способы взлома обычно применяются отдельно друг от друга, однако в случаях наиболее сложных видов защиты, используемых правообладателями, требующих многоступенчатой аутентификации или постоянного онлайн-подключения, могут использоваться недобросовестными пользователями в своей совокупности.

Наиболее распространеными программами-взломщиками в сети в настоящее время являются KMSAuto, Aircrack-ng, ResourceHacker, Brutus, WFUZZ и LOPHTCRACK.

Отличительной особенностью указанного программного обеспечения является достаточно широкий спектр способов осуществления взлома паролей и обхода основных способов аутентификации. Указанные виды нелегального программного обеспечения свободно распространяются не только

в одноранговых анонимных сетях (Darknet), но и находятся в свободном доступе в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» для широкого круга пользователей.

При этом, если доступ к программному обеспечению, позволяющему обходить устанавливаемые правообладателями средства защиты объектов интеллектуальной собственности, в российском сегменте (далее – РУ-сегмент) может быть запрещен путем внесения соответствующих запретов провайдеру сети со стороны федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере массовых коммуникаций и средств массовой информации, то существуют многочисленные свободные способы обхода указанных запретов.

В частности, к таким возможностям следует отнести использование программного обеспечения-анонимайзера Tor; VPN-расширений для браузеров, использующих зарубежные серверы (по типу Browsec) для обхода запретов, распространяющихся только на РУ-сегмент сети; применение программ-взломщиков, свободно распространяющихся по одноранговым сетям с использованием специализированных трекеров (например, программного обеспечения µTorrent).

В последние годы распространение информации по использованию тех или иных возможностей сети, позволяющих взломать программное обеспечение, передающееся стриминговым путем, продолжает набирать катастрофические обороты. Прежде всего, этому способствуют общее падение уровней дохода населения, кризис на международной экономической арене, завышенные ценники на программное обеспечение, предназначенное для широкого (массового) использования, применяемые сложные схемы аутентификации, технические конструкты и решения, встраиваемые в конечное программное обеспечение для его защиты, но существенно затрудняющие его использование.

Эти обстоятельства, безусловно, подталкивают пользователей к использованию запрещенного программного обеспечения для взлома оригинального, а также копированию оригинального или его нелегальных аналогов.

Используемые правообладателями элементы сложной защиты хотя и позволяют защитить продукт от неправомерного доступа, однако создают дополнительные сложности конечным пользователям.

Ярким примером системы сложной защиты, встроенной в программное обеспечение, создающей дополнительные проблемы для пользователей, является, безусловно, программа sppsvc.exe. Указанное программное обеспечение корпорация Microsoft встраивает в качестве средства безопасности от взлома в свои продукты операционных систем Windows, начиная с седьмой версии, которое распространяет с общим пакетом софта.

Описываемое программное обеспечение в фоновом режиме существенно загружает ядро процессора персонального компьютера, ноутбука, использующего продукт Windows, затрудняя тем самым пользователю работу с устройством.

Программа sppsvc.exe защищена от принудительного отключения, что означает следующее: любая попытка отключить его на постоянной основе путем использования командной строки повлечет лишь ее временное отключение, а принудительное удаление – вызовет «цепную реакцию» системы защиты Windows, которая в конечном итоге отразит указанный факт истории операционной системы: посредством сети «Интернет» отправит отчет правообладателю с последующим отражением факта использования незаконного программного обеспечения в строке состояния на рабочем столе пользователя.

Таким образом, решение пользователя о снижении уровня загрузки ядра процессора путем удаления программы, существенно влияющей на его работу, обращается фактическим нарушением прав субъекта интеллектуальной собственности, при том, что сам пользователь фактически приобрел

лицензионное программное обеспечение, в том числе утилиты и программные коды, касающиеся его функционирования. Если для пользователей стационарных процессоров повышенной мощности функционирование программного обеспечения sppsvc.exe является несущественным недостатком в работе, то для пользователей средних или маломощных процессоров, ноутбуков или портативных мессенджеров – это существенно осложнит работу оборудования, что в итоге повлечет переход клиентов компании к использованию открытого программного обеспечения (по типу ОС Linux), либо побудит последних использовать нелицензионное программное обеспечение, копирующее функции оригинального.

Каким же видится будущее защиты программного обеспечения в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»?

В качестве одного из перспективных направлений, способных существенно облегчить работу лицензионного программного обеспечения, распространяемого по сети, безусловно, является использование облачных технологий, позволяющих провайдерам предоставлять пользователям лицензионного продукта готовое, полностью обслуживаемое, прикладное программное обеспечение.

В указанном случае программное обеспечение используется пользователем не как окончательный продукт, а как услуга. В качестве примера подобного использования можно привести такую форму предоставления облачных услуг, как SaaS (англ. Soft-ware-as-a-Service – «программное обеспечение как услуга»). При этом само программное обеспечение, используемое клиентом, не занимает место в памяти электронного устройства, приспособлено для удаленного использования, его техническая поддержка включена в оплату и предоставляется провайдером на основе клиентского договора.

Следует отметить, что сами договоры аренды программного обеспечения имеют вид SLA (Service Level Agreement), который позволяет фиксировать определенные параметры программного обеспечения и его предоставление

пользователю провайдером своевременно и в высоком качестве на основании систематической оплаты услуг. Подобная система активно используется электронными платформами на базе IOS, некоторые ее компоненты – корпорацией Valve в модуле Steam, что показывает ее состоятельность.

Другими немаловажными аспектами, существенно повышающими востребованность указанного программного обеспечения, безусловно, выступают возможность использования его несколькими пользователями и отсутствие затрат клиентов на его установку, а также исключение необходимости систематической аутентификации и обновлений систем.

Все услуги по обновлению указанного программного обеспечения провайдер берет на себя и делает это открыто для пользователя, что, безусловно, позволяет своевременно и эргономично распределять имеющиеся в их распоряжении ресурсы.

Применение сервисов, подобных SaaS, обеспечивает надлежащую защиту предоставляемого правообладателями программного обеспечения от противоправных посягательств и позволяет активно бороться с его нелицензионным распространением. При использовании облачных технологий программное обеспечение не попадает к пользователям в качестве конечного продукта, что, с одной стороны, создает площадку для его совершенствования и развития, с другой, – защищает от недобросовестных клиентов, которые могут произвести его копирование, взлом с последующим незаконным распространением.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что внедрение инновационных технологий по типу веб-сервисов с выводом систем и средств защиты во внешний сегмент позволит существенно повысить уровень правовой культуры пользователей проприетарного программного обеспечения, сделать его более доступным для конечных потребителей, сократить средства, затрачиваемые компаниями-правообладателями на защиту объектов интеллектуальной собственности от неправомерных действий, и снизить количество нелицензионного программного обеспечения в сети «Интернет».

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 26.04.2020).
2. Межгосударственный стандарт «Обеспечение систем обработки информации. Термины и определения». Software of data processing systems. Terms and Definitions. МКС 01.040.35 ОКСТУ 4001. Дата введения 1992-01-01. [Электронный ресурс] URL:<http://docs.cntd.ru/document/gost-19781-90> (дата обращения: 27.04.2020).
3. ISO/IEC 26514:2008 Systems and Software Engineering – Requirements for designers and developers of user documentation. [Электронный ресурс] URL:<https://www.iso.org/standard/43073.html> (дата обращения: 27.04.2020).

ИНДУСТРИИ КУЛЬТУРЫ И ТВОРЧЕСТВА: МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ И ИССЛЕДОВАНИЮ

Войтова Людмила Михайловна,

кандидат социологических наук,

доцент кафедры «Международных экономических
и финансовых отношений» ФГБОУ ВО РГАИС

(г. Москва, voitova68@yandex.ru)

Пятаева Ольга Алексеевна,

кандидат экономических наук,

и.о. заведующей кафедрой «Международных экономических
и финансовых отношений» ФГБОУ ВО РГАИС

(г. Москва, o.pyataeva@rgiis.ru)

В статье рассмотрены вопросы терминологического разграничения категорий «культурные индустрии» и «творческие индустрии», соотношение этих категорий, подходы к классификации входящих в них отраслей в различные периоды времени в разных странах. В заключение обзора авторами выделен наиболее существенный признак их классификации – наличие объекта интеллектуальной собственности в качестве результата творческой деятельности.

Ключевые слова: кластеры, кластеризация, креативная экономика, творческие индустрии.

Обращаясь к истории развития творческих индустрий, следует отметить, что в эпоху зарождения экономической теории *искусство* рассматривалось как «...экономически незначимая область, которая была больше связана

с рекреационной деятельностью, чем с производительной»; это отмечали А. Смит, Д. Рикардо и др. исследователи [13].

Позднее вопросы оценки и анализа творческого продукта и его влияния на экономические показатели развития отдельных регионов находились в поле исследования нескольких школ и направлений экономической мысли – например, А. Маршалла, Й. Шумпетера и Ф. Хайека. В их работах подчеркивалась важность знаний и творчества в экономическом контексте. Впоследствии этот вопрос рассматривался в теориях общего экономического равновесия и теории эндогенного роста, а современные экономисты едины во мнении, что в последние десятилетия развитые страны перешли от экономики, основанной на интенсивном использовании сырья, к экономике творчества и знаний.

В этой связи представляется, что собственно *искусство*, т.е. *непосредственное производство творческого продукта*, может проявляться и фиксироваться в контексте как «культурных индустрий», так и «творческих индустрий». Эти понятия необходимо разграничить.

Термин *культурные индустрии* широко описан в различной научной литературе экономического, социологического, искусствоведческого профиля. Появление термина датируется 30–40 гг. XX века, и его авторами были члены Франкфуртской экономической школы Т. Адорно и М. Хоркхаймер (цит. по [8]). В работе «Диалектика просвещения» ими было указано, что культура как таковая означает «высокое искусство, представляющее результаты творчества человеческого духа». Реалии XX века (капиталистические экономические кризисы, массовое производство, с одной стороны, зарождение и развитие фашизма в Германии, с другой) привело авторов книги к выводу, что «культурная промышленность» беззащитна перед текущим социальным и политическим давлением; в то же время, как справедливо отмечали исследователи, «необходимо максимально использовать выгоды от взаимодействия предприятий, производящих «культурный продукт» (цит. по [12]). Примерно с 60-х гг. XX века Концепция культурной индустрии Т. Адорно

и М. Хоркхаймера стала подвергаться резкой критике со стороны представителей других экономических направлений. Кроме того, она претерпела значительные изменения терминологического плана: так, в контексте исследований ЮНЕСКО термин *cultural industry* («культурная индустрия») стал обозначаться как *cultural industries* («культурные индустрии»), поскольку в данном случае речь идет о «совокупности... (разнообразных) отраслей» и, более того, «...смежных сфер деятельности» (цит. по [8]).

Впервые понятие «культурные индустрии» (*cultural industries*) было введено в Великобритании в 60-х гг. прошлого столетия; подходы к их изучению за последние 60 лет неоднократно менялись. Так, в конце 80-х гг. XX века на смену *культурным* пришли *творческие индустрии* [3], в качестве ключевого в данном случае было выделено свойство технологического воспроизведения. В этой связи необходимо отметить, что перевод на русский язык английского слова *creative* дает две терминологические вариации: «креативные индустрии» и «творческие индустрии». В отдельных источниках эти понятия представляются как синонимы с возможностью взаимозамены при необходимости.

Возвращаясь к определению понятия: термин «творческие индустрии» используется современными учеными для обозначения «предпринимательской деятельности, в которой экономическая ценность неразрывно связана с культурным содержанием» [2]. В этой связи обозначены два *подхода* к трактовке роли креативных индустрий:

- с одной стороны, они являются *секторами* экономики, продукция которых подпадает под действие законодательства об интеллектуальной собственности. Оно регулирует оборот патентов, авторских прав, товарных знаков и промышленных образцов. В этом контексте рассматривается производство творческих продуктов дизайна, моды, кино, мультимедиа, программного обеспечения, рекламы, искусства и т.д. и те правовые нормы, которые позволяют получать прибыль от творческих идей;

— с другой стороны, это *объединение людей*, выполняющих творческую работу, и простых работников сферы обслуживания в одном секторе.

Конкретизируя первый из представленных подходов: *творческие индустрии* — такие виды экономической деятельности, в основе которых лежит создание интеллектуальной собственности, а также продуктов или услуг, которые воспринимаются потребителем как новые; «синергия творчества и предпринимательства»; их результат — новый (уникальный, инновационный) продукт или услуга, а цель — извлечение прибыли [5]. В то же время результатом деятельности организаций *творческих индустрий* являются продукты, созданные на основе творчества людей и культурных ресурсов [7].

Исследования в смежных областях дополняют картину следующим образом: творческие индустрии — это, с одной стороны, тип социокультурных практик, в основе которых лежит творческая, интеллектуальная составляющая (изобразительное и исполнительское искусство, кино, видео и мультимедиа, мода, ремесла, литература и издательское дело, реклама, дизайн и архитектура); с другой — ключевой сектор инновационной экономики, способствующий экономическому росту и социальному развитию городов и территорий [6].

В этой связи применительно к творческим индустриям Э. Пратт указывает на такие параметры, как «ширина» (состав, перечень отраслей) и «глубина» (структура и соотношение входящих друг в друга категорий): их «ширина» важна, когда речь идет об оценке потенциала занятости в смежных отраслях; разницы в эффективности труда и его оплате между теми, кто осуществляет прямой творческий вклад, и другими работниками, задействованными в производстве культурных продуктов (цит. по [1]).

Специалистами термин «творческие индустрии» принят к употреблению только во множественном числе. Причина в том, что речь в данном случае идет не о какой-либо одной отрасли, а о множестве секторов, которые, в свою очередь, используют различные ресурсы, и, как следствие, получают разные результаты своей деятельности. В данном контексте необходимо выделить

перечень секторов, входящих в рассматриваемую группу. В этом отношении существуют различные позиции исследователей, международных организаций.

Так, в 2001 г. Дж. Хокинс в своей работе «Креативная экономика» подразделяет креативные индустрии на 15 секторов: 1) реклама; 2) архитектура; 3) изобразительное искусство; 4) ремесла; 5) дизайн; 6) мода; 7) кино; 8) музыка; 9) исполнительское искусство; 10) радио и телевидение; 11) издательское дело; 12) НИОКР; 13) производство программного обеспечения; 14) игры и игрушки; 15) видеоигры [11].

Необходимо особенно отметить классификацию *Всемирной организации интеллектуальной собственности, WIPO* (2003), которая опирается на принцип отнесения индустрий к творческим по признаку регулирования их продукции законодательством об авторских и смежных правах.

В 2007 г. компания Frontier Economics [10] по заказу Департамента культуры, средств массовой информации и спорта Великобритании (далее – DCMS) осуществила исследование в отношении расширения классификации организаций в каждом из творческих секторов по стадиям «творческой цепочки создания стоимости», начиная с тех видов деятельности, которые являются более «творческими» (например, «создание текста книги» для предприятий издательского сектора), и заканчивая производством дополнительных ресурсов (в случае издательского сектора – переплетом книг и производством бумаги), а также продажей готовых продуктов. В том же 2007 г. по заказу DCMS британская независимая некоммерческая организация Work Foundation разработала модель, в которой были наглядно показаны различия «слоев» культурных индустрий.

Модель Work Foundation изображается как круг, в центре которого находится область «чистого творчества» (Core creative fields) – здесь имеется в виду свободное творчество писателей, поэтов, композиторов, кинорежиссеров, танцоров, актеров, живописцев, рынок искусства и антиквариата, а также ремесла. Вокруг нее – область культурной индустрии (Cultural industries), в которую входят музыкальная и киноиндустрия, радио,

телевидение, издательская деятельность и индустрия компьютерных игр. Финансирование этой области в основном связано с коммерциализацией результатов интеллектуальной деятельности. Также в этом слое круга находятся креативные производители из различных сфер: архитектуры, дизайна, модной индустрии, компьютерных услуг, рекламы и др. Последнее кольцо модели представляет собой более широкую область экономики, включающую отрасли производственного сектора и сферы услуг, которые используют результаты, созданные организациями творческих отраслей промышленности. Это производство музыкальных проигрывателей, дизайн автомобилей, телефонов и многое другое [9].

В 2010 г. Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) творческие индустрии были представлены как четыре большие группы, которые включали следующие подгруппы: 1) культурные достопримечательности и места; 2) традиционные виды культурной деятельности; 3) исполнительское искусство; 4) изобразительное искусство; 5) издательское дело и печатные СМИ; 6) аудиовизуальное искусство; 7) дизайн; 8) новые медиа; 9) креативные услуги.

После того как некоторыми странами мира приведенный перечень ЮНКТАД стал применяться, одни из них его расширили, другие, наоборот, выступают за его сокращение. К примеру, в Гонконге перечень секторов, относящийся к творческим индустриям, включает в себя азартные игры, образование, спорт, туризм и консалтинговые услуги, а в Финляндии к ним принято относить рекреационную деятельность и парки аттракционов [2].

Таким образом, в настоящее время единого подхода к классификации творческих индустрий в мире еще не выработано. Важно в связи с этим подчеркнуть, что общим отличительным признаком продуктов творческих индустрий является *наличие объекта интеллектуальной собственности в качестве результата творческой деятельности*. Тем более что в международном масштабе вклад креативных индустрий в экономику становится с годами все более весомым [4], т.к. их развитие способствует росту

расходов в области культуры, дает направления индустриальному развитию, внедрению инноваций и экономической дифференциации производителей товаров и услуг. В творческих индустриях создаются новые рабочие места, происходит диверсификация экономики и формирование комфортной городской среды. По данным статистических отчетов, на долю этого сектора экономики приходится до 10% ВВП в передовых странах. В свою очередь, катализатором развития креативных индустрий (цифровых технологий, медиа, дизайна, культуры и др.) является системная поддержка молодых талантов, малого и среднего бизнеса, внедрение инновационных образовательных программ и реализация эффективной культурной политики.

Список литературы

1. Зеленцова Е. Творческие индустрии – один из ключевых инструментов городского развития [Электронный ресурс] VSEON.COM: сайт. Москва, 2011. URL: <http://vseon.com/analitika/mnenie-eksperta/523-i> (дата обращения: 20.04.2020).
2. Зеленцова Е., Гладких Н. Творческие индустрии: от теории к практике. – М.: Классика XXI, 2010. – 204 с.
3. Зотова Л.Р. Креативный город: творческие индустрии и развитие городов // Креативная экономика. – 2015. – № 9(11). – С. 80–86.
4. Индекс креативного капитала российских городов: Методология и результаты исследования. – ООО «Рослинк-Нет», 2016. – 69 с.
5. Концепция «Санкт-Петербург – город креативных индустрий» [Электронный ресурс] 3sdevelopment.com: сайт. Санкт-Петербург, 2017. URL: http://3sdevelopment.com/wp-content/uploads/2017/03/Kontsepsiya-SPB-kreativnye-industrii_-_publ.pdf (дата обращения: 20.04.2020).
6. Креативные индустрии: экономическая ценность и культурное содержание [Электронный ресурс] Event-life.ru:сайт. Москва, 2017. URL:

7. Шептухина Л. И. Творческие индустрии и городское развитие в XXI веке. Экономика, управление, финансы: материалы III междунар. науч. конф. (г. Пермь, февраль 2014 г.). – Пермь: Меркурий, 2014. – С. 174–176.
8. Cikanek M., Žakova E., Leheckova E., Bednar P. (2013) Kreativní průmysly: příležitost pro novou ekonomiku II. Nové, rozš. a rev. vyd. V Praze: Institut umění.
9. Department for Culture Media and Sport. (1998) Creative Industries Mapping. London: DCMS.
10. Creative industry performance. A statistical analysis for the DCMS. London: Frontier Economics. 2007. [Электронный ресурс] URL: http://www.culture.gov.uk/images/research/Statistical_Analysis_of_the_Creative_Industries_Frontier_Economics_2007.pdf (дата обращения: 21.04.2020).
11. Howkins J. (2001) The creative economy: how people make money from ideas. Updated edition. London: Penguin.
12. Jirák J., Kopplová B. (2003) Média a společnost. Praha: Portál.
13. Sanchez-Serra D. (2013) Artistic creative clusters in France: a statistical approach // Article in Territoire en Mouvement. – № 1. – P. 34–38.

ОСОБЕННОСТИ ПАТЕНТОВАНИЯ ИЗОБРЕТЕНИЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К ЧАЙНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Вороная Алекся Александровна,

магистрант ФГБОУ ВО РГАИС, 2 курс,

направление подготовки «Управление интеллектуальной собственностью»,

ведущий государственный эксперт по интеллектуальной собственности

ФГБУ «Федеральный институт промышленной собственности»

(г. Москва, voronaya_a@rambler.ru)

Научный руководитель:

Китайский Владимир Евгеньевич,

кандидат технических наук, доцент,

доцент кафедры «Патентного права и правовой охраны

средств индивидуализации» ФГБОУ ВО РГАИС

Статья посвящена особенностям патентования изобретений, относящихся к чайной промышленности. Рассмотрены распространенные ошибки заявителей при подготовке документов заявок на изобретения, относящихся к чайной промышленности. Автором предлагаются пути устранения таких ошибок. Статья в первую очередь предназначена для разработчиков и специалистов в области патентования, чтобы повысить качество подготовки ими заявок для подачи в Федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности (Роспатент).

Ключевые слова: чай, чайный продукт, заменитель чая, патент, изобретение, пищевой продукт.

В обиходе под термином «чай» понимают и сам напиток, и сырье для его производства, а также чайный куст, из которого производят сырье для напитка.

Согласно ГОСТ 32593-2013 [5], чай – это пищевой продукт, изготовленный из чайного листа и не содержащий других компонентов. В данном источнике для характеристики сырья используют термин «чайный лист», который характеризуется отдельными надземными частями растений (листья и черешки), принадлежащих к различным видам растений рода *Camellia* семейства *Theaceae*. Для характеристики чайного куста используют термин «чайное растение», где растение принадлежит одному из видов рода *Camellia* семейства *Theaceae*.

Что такое патент? Это документ, который удостоверяет исключительное право патентообладателя, авторство и приоритет на изобретение, полезную модель или промышленный образец (см. п. 1 ст. 1354 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ)). Срок действия исключительных прав на изобретение, относящееся к чайной промышленности, составляет 20 лет (п. 1 ст. 1363 ГК РФ) без возможности его продления в соответствии с п. 2 ст. 1363 ГК РФ, поскольку чай не относится к такому продукту как лекарственное средство, пестицид или агрохимикат.

Согласно п. 1 ст. 1350 ГК РФ, в качестве изобретения охраняется техническое решение в любой отрасли, относящееся к продукту (в частности, устройству, веществу, штамму микроорганизма, культуре клеток растений или животных), или способу (процессу осуществления действий над материальным объектом с помощью материальных средств), в том числе, к применению продукта или способа по определенному назначению.

Так, изобретения, относящиеся к чайной промышленности, можно охарактеризовать как продукт (устройство, вещество), способ, применение продукта или способа. Рассмотрим несколько примеров указанных объектов.

Изобретения, относящиеся к чайной промышленности, охарактеризованные в виде продукта (устройство): «Устройство для ферментации чая», «Ферментационная камера для чайного сырья», «Устройство для заваривания чая», «Устройство для непрерывного скручивания листа» и так далее.

Изобретения, относящиеся к чайной промышленности, охарактеризованные в виде продукта (вещество): «Зеленый чай», «Композиция для получения красного чая», «Чай», «Гранулированный чай», «Быстро растворимый чайный продукт» и так далее.

Изобретения, относящиеся к чайной промышленности, охарактеризованные в виде способа: «Способ получения чайного сырья», «Способ получения экстракта чая», «Способ снижения терпкости в чае», «Способ ферментации черного чая» и так далее.

Изобретение, относящееся к чайной промышленности, охарактеризованное в виде применения продукта: «Применение чайного экстракта в качестве ароматизатора для напитка» и так далее.

Рассмотрим некоторые аспекты, которые заявитель должен учесть при подготовке документов заявки на изобретение, относящееся к чайной промышленности:

1. Чай, чайный продукт, заменитель чая – это пищевой продукт, который не может являться лекарственным средством. Употребление терминов, касающихся лекарственного средства, лечебного воздействия, по отношению к пищевому продукту, в документах заявки на изобретение в настоящее время является неприемлемым. Согласно Федеральному закону от 02.01.2000 № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» [2] и Методическим указаниям МУК 2.3.2.721-98 «Пищевые продукты и пищевые добавки. Определение безопасности и эффективности биологически активных добавок к пище» [6], БАД к пище и, соответственно, продукты их содержащие, не предназначены для лечения. Такие продукты могут употреблять здоровые люди для профилактики в целях снижения риска заболеваний. В ряде случаев информация о возможности использования функциональных продуктов для лечения каких-либо заболеваний рассматривается как недостоверная реклама [8].

Таким образом, в документах заявки чай не может быть охарактеризован в качестве оздоровительного средства, лекарственного средства.

2. Чай и заменитель чая – различные продукты. Так, например, не следует в формуле изобретения характеризовать чай признаками, присущими заменителю чая, например: «Чай, содержащий высушенные измельченные листья кипрея, лепестки мальвы и траву зверобоя, где количество компонентов ...».

В данном случае в качестве родового понятия следует указывать не «чай», а, например, «заменитель чая».

3. В формуле изобретения, относящегося к композиции (например, состав для получения чая), охарактеризованной качественными (компоненты) и количественными признаками, не следует отражать признак, выраженный как «*при следующем соотношении компонентов, мас.%*», поскольку состав для получения чая, с учетом указанного признака, может быть охарактеризован как исходными, так и конечными ингредиентами. В данном случае, в том виде как выражен состав, речь идет только об исходных компонентах, поскольку после приготовления продукта невозможно обнаружить указанный состав в том виде и количестве как он выражен. В связи с чем указанный признак должен быть выражен в следующем виде: «*при следующем содержании исходных компонентов, мас.%*».

4. В том случае, если заявитель разработал «*пищевую или кормовую композицию, содержащую чайный экстракт и...*», важно учитывать следующее.

Согласно подп. 1в п. 53 Требований к документам заявки на выдачу патента (далее – Требования) [4], независимый пункт формулы должен относиться только к одному изобретению. В независимый пункт формулы не следует включать совокупность средств, где каждое имеет собственное назначение, без реализации указанной совокупности средств общего назначения.

Корма – это продукты растительного и животного происхождения, а также минеральные вещества, употребляемые для кормления сельскохозяйственных животных (см.: Большая советская энциклопедия [7]).

Пищевые продукты – (продукты питания) – это продукты растительного и животного происхождения или получаемые синтетическим путем, используемые в питании человека (см.: Энциклопедический словарь медицинских терминов [9]).

Таким образом, «пищевая композиция» и «кормовая композиция» имеют каждая свое назначение, в связи с чем не могут быть отражены в одном изобретении как «*пищевая или кормовая композиция, содержащая чайный экстракт и...*». Выходом в данном случае может быть изложение характеристики назначения в виде «*пищевая композиция, содержащая чайный экстракт и...*» или «*кормовая композиция, содержащая чайный экстракт и...*».

5. Особенности оценки патентоспособности рассматриваемых объектов.

Проверка на новизну изобретения, относящегося к композиции (Правила составления, подачи и рассмотрения документов (далее – Правила [3])), заключается в следующем.

Изобретение, относящееся к продукту, выраженное с использованием характеристик способа его получения, признается не соответствующим условию новизны, если получаемый продукт известен из уровня техники в соответствии с п. 70 Правил.

При проверке новизны изобретения, относящегося к композиции, признаки, указанные в подп. 3 п. 39 Требований, не учитываются. Здесь говорится, что не допускается для характеристики композиции в качестве ее признаков использовать сведения, непосредственно к композиции не относящиеся (например, условия и режимы использования этой композиции в каком-либо процессе, способе), количественный (измеряемый или рассчитываемый) параметр, характеризующий одно или более свойств композиции, в случаях, когда этот параметр является отличительным признаком в характеристике композиции в независимом пункте формулы (например, параметры прочности ламинации, сопротивления и тому

подобное), технический результат, проявляющийся при изготовлении или использовании композиции.

Рассмотрим пример.

В формуле изобретения заявлено два изобретения:

«1. Способ получения чайного напитка, включающий стадии обеспечения растительного материала, в качестве которого используют..., промывки растительного материала в течение... и заваривании растительного материала водой...»

2. Чайный напиток, полученный способом по п. 1.»

Из указанной формулы изобретения следует, что изобретение по п. 2 (*чайный напиток*) охарактеризовано только признаками способа (обеспечение, промывка и заваривание растительного материала). В п. 2 формулы изобретения отсутствуют признаки, характеризующие композицию (то есть, *чайный напиток*). К признакам, характеризующим композицию, относят, в частности, качественный состав (ингредиенты), количественный состав (содержание ингредиентов) в соответствии с подп. 1 п. 39 Требований.

Таким образом, даже, если способ по п. 1 является соответствующим всем условиям патентоспособности, то изобретение по п. 2 (*чайный напиток*) будет признано не соответствующим условию патентоспособности «новизна», поскольку из уровня техники будет найден релевантный документ, в котором раскрыт чайный напиток, полученный любым способом. В данном случае заявителю следует включить признаки в п. 2 формулы изобретения, которые будут характеризовать именно чайный напиток.

Таким образом, рассмотрены распространенные ошибки заявителей при подаче заявок, относящихся к чайной промышленности, а также пути их устранения. При соблюдении установленных Требований и Правил при подаче заявки (в частности, соответствия изобретения всем условиям патентоспособности, раскрытии сущности изобретения), повышается возможность получения решения о выдаче патента без направления запроса и/или уведомления заявителю.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // СЗ РФ. – 2006. – № 52, ч. 1.
2. Федеральный закон от 02.01.2000 № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов». [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Гарант» URL: <https://base.garant.ru/12117866/> (дата обращения: 27.04.2020).
3. Правила составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации изобретений, и их формы. Утверждены приказом Минэкономразвития России от 25.05.2016 № 316, зарегистрированы 11.07.2016, регистрационный № 42800. [Электронный ресурс]: Сайт ФИПС URL: <https://www1.fips.ru/documents/npa-rf/prikazy-minekonomrazvitiya-rf/prikaz-ministerstva-ekonomiceskogo-razvitiya-rf-ot-25-maya-2016-g-316.php> (дата обращения: 27.04.2020).
4. Требования к документам заявки на выдачу патента на изобретение. Утверждены приказом Минэкономразвития России от 25.05.2016 № 316, зарегистрированы 11.07.2016, регистрационный № 42800. [Электронный ресурс]: Сайт ФИПС URL:<https://www1.fips.ru/documents/npa-rf/prikazy-minekonomrazvitiya-rf/prikaz-ministerstva-ekonomiceskogo-razvitiya-rf-ot-25-maya-2016-g-316.php> (дата обращения: 27.04.2020).
5. ГОСТ 32593-2013. Чай и чайная продукция. Термины и определения (с поправками). Дата введения 01.07.2015. [Электронный ресурс]: URL:<http://docs.cntd.ru/document/1200111504> (дата обращения: 27.04.2020).
6. Методические указания МУК 2.3.2.721-98 «Пищевые продукты и пищевые добавки. Определение безопасности и эффективности биологически активных добавок к пище», утвержденные Главным государственным санитарным врачом РФ 15.10.1998. [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99273/ (дата обращения: 27.04.2020).

7. Большая советская энциклопедия; третье издание. – М.: Издательство Советская энциклопедия. Т.13. – 1973. – С. 180.
8. Онищенко Г. Недостоверная реклама БАД вводит в заблуждение потребителей: выступление 28.01.2011 в Государственной Думе Российской Федерации в рамках «Правительственного часа». [Электронный ресурс] URL: <http://www.pharmvestnik.ru> (дата обращения: 28.04.2020).
9. Энциклопедический словарь медицинских терминов; издание второе. – М.: Медицина. – 2001. – С. 603.

ВРЕМЕННАЯ ОХРАНА ПРОМЫШЛЕННЫХ ОБРАЗЦОВ

Дубенская Мария Анатольевна,

магистрант ФГБОУ ВО РГАИС, 2 курс,

направление подготовки «Управление интеллектуальной собственностью»

(г. Москва, m.dubenskaya@mail.ru)

Научный руководитель:

Китайский Владимир Евгеньевич,

кандидат технических наук, доцент,

доцент кафедры «Патентного права и правовой охраны

средств индивидуализации» ФГБОУ ВО РГАИС

В статье рассматриваются особенности временной охраны промышленных образцов. Раскрываются проблемы, связанные с использованием данного режима охраны для решений внешнего вида изделий с коротким «жизненным циклом».

Ключевые слова: промышленный образец, временная охрана, дизайн.

В настоящее время рынок насыщен изделиями индустрии моды, такими как предметы одежды, обувь, аксессуары, обновление которых может происходить от одного и до нескольких раз в сезон. Обновления в первую очередь связаны с постоянными изменениями модных тенденций, а также со стремлением учесть запросы потребителей. В связи с этим изделия имеют весьма непродолжительный «жизненный цикл» и, соответственно, небольшой промежуток времени, когда они способны приносить своему владельцу максимальную прибыль.

Дизайнер, чтобы защитить свое изделие от несанкционированного использования, может оформить правовую охрану внешнего вида изделия в качестве промышленного образца. Для этого он должен пройти процедуру

обязательной государственной регистрации промышленного образца, которая в соответствии с нормативными требованиями составляет 20 месяцев и 2 недели [5, п. 13], что гораздо больше «жизненного цикла» самого изделия индустрии моды. Но, исходя из сведений, содержащихся на сайте федерального органа исполнительной власти по интеллектуальной собственности (далее – Роспатент), срок рассмотрения заявки на промышленный образец в среднем составляет около шести месяцев¹, что также является непозволительно долгим для дизайнеров. Длительный период патентования делает получение патента неактуальным, поскольку дизайнеры попросту могут не успеть получить охрану внешнего вида изделия в тот момент, когда она им необходима. К тому же до получения заявителем патента он не сможет воспользоваться правом защиты заявленного промышленного образца, используемого несанкционированно другими лицами.

С целью поддержки индустрии моды и создания более эффективной охраны прав дизайнеров на разработанные ими модели, был принят Федеральный закон № 549-ФЗ [3], который внес изменения в ст. 1392 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ), предусматривающие введение механизма временной правовой охраны промышленных образцов по подобию временной охраны изобретений. Данный режим может быть интересен не только дизайнерам, но и другим производителям, которые стремятся защитить оригинальный облик изделия от копирования при выходе на рынок.

Временная правовая охрана промышленных образцов была предусмотрена и раньше в Патентном законе РФ [4], который в настоящее время утратил силу. Ее применение сводилось к тому, что заявитель должен был направлять уведомление лицу, неправомерно использующему заявленный промышленный образец.

Так, с 27 июня 2019 г. промышленным образцам предоставляется временная охрана со дня публикации Роспатентом сведений о заявке

¹ Официальный сайт Роспатента. URL: <https://rupto.ru/ru/news/10-12-2018-legal-report-v-gk-vvoditsya-novyj-vid-pravovoy-ohrany-promyshlennyh-obrazcov> (дата обращения: 15.01.2020).

на промышленный образец (по ходатайству заявителя) в случае положительного решения формальной экспертизы и до даты публикации сведений о выдаче патента. После официальной публикации данных о выдаче патента временная охрана перестает существовать. Это связано с тем, что данный вид охраны теряет свою актуальность, так как полученный патент предоставляет больший объем прав.

Однако, если заявка на промышленный образец была отозвана или признана отозванной либо принято решение об отказе в выдаче патента, и возможность подачи возражения против этого решения исчерпана, то временная охрана будет считаться не наступившей.

Чтобы получить временную охрану своего промышленного образца, заявителю необходимо подать в Роспатент ходатайство о досрочной публикации сведений о заявке. Автор промышленного образца вправе отказаться от упоминания его в качестве такового в публикуемых сведениях о заявке на промышленный образец.

Временная правовая охрана предоставляется в объеме совокупности существенных признаков промышленного образца, нашедших отражение на изображениях внешнего вида изделия, содержащихся в опубликованной заявке, но не более чем в объеме, определяемом совокупностью существенных признаков, нашедших отражение на изображениях внешнего вида изделия, содержащихся в решении о выдаче патента [1, п. 1 ст. 1392]. Следовательно, при установлении факта использования заявленного промышленного образца следует руководствоваться именно совокупностью существенных признаков, содержащихся в решении Роспатента о выдаче патента на промышленный образец.

Если заявителю стало известно, что в период «временной охраны» какое-либо лицо использует заявленный промышленный образец, то в соответствии с рассматриваемой нормой это лицо обязано будет выплатить патентообладателю после получения им патента денежное вознаграждение, которое рассматривается как плата, а не мера ответственности.

Размер вознаграждения определяется соглашением сторон, а в случае спора – судом [1, п. 3 ст. 1392].

Необходимо отметить, что до внесения Законом от 12.03.2014 № 35-ФЗ [2] изменений, в ст. 1392 ГК РФ говорилось о выплате компенсации, а не вознаграждения. Тем самым учтены ранее данные в п. 56 Постановления Пленума ВС России и Пленума ВАС России 2009 г. № 5/29 разъяснения, в которых предусматриваемая в прежней редакции статьи компенсация была охарактеризована как вид вознаграждения.

Соответственно, заявителю при установлении факта использования промышленного образца предоставляется возможность заключить с лицом, использующим промышленный образец, соглашение о выплате вознаграждения. Это соглашение, теоретически может быть заключено и до, и после получения патента. Данный вывод был сделан, основываясь на судебной практике, касающейся изобретений, в отношении которых действует аналогичная норма уже долгое время. Согласно разъяснениям Суда по интеллектуальным правам, законодательство не только не запрещает заключение договоров о предоставлении права использования до получения патента, но и предусматривает возможность заключения соглашения о выплате вознаграждения за такое использование².

В соответствии с нормой о временной охране промышленных образцов, любое третье лицо в период от даты публикации заявки и до даты публикации решения о выдаче патента вправе использовать заявленный промышленный образец, а заявитель не вправе запрещать такое использование. Это связано с тем, что для возникновения исключительного права необходимо, чтобы была осуществлена государственная регистрация, подтверждающая признание государством патентоспособности промышленного образца. Только после выдачи патента правообладатель может осуществлять защиту своих прав от неправомерного использования промышленного образца третьими лицами

² Постановление Суда по интеллектуальным правам от 05.02.2015 по делу № А56-53642/2013. URL: <http://ipcmagazine.ru/official-cronicle/some-issues-of-application-of-section-iii-the-general-part-of-the-law-of-obligations-of-the-civil-code-of-the-russian-federation-with-the-exception-of-chapter-23> (дата обращения: 25.03.2020).

путем предъявления требований о пресечении действий, нарушающих права или создающих угрозу его нарушения, а также требований к нарушителю о возмещении убытков или выплаты компенсации.

Все сводится к тому, что заявителю придется ждать получения патента, и только после этого он может потребовать выплаты вознаграждения за использование своего промышленного образца. Однако до этого момента может возникнуть гипотетическая ситуация, когда недобросовестный конкурент, в то время, пока длится государственная регистрация, может успеть получить выгоду от использования заявленного промышленного образца и ликвидировать юридическое лицо. Таким образом, у правообладателя будет отсутствовать фактическая возможность получить вознаграждение.

Строго говоря, термин «временная охрана» не совсем удачен, поскольку данный режим не решает проблему несанкционированного использования промышленного образца до получения охранного документа, а также после получения охранного документа правообладатель может рассчитывать только на получение вознаграждения, а не на возмещение причиненных ему убытков или компенсацию за нарушение исключительного права.

В рамках решения данной проблемы особого внимания заслуживает правовой институт незарегистрированного промышленного образца Европейского сообщества. Как верно указывал Э.П. Гаврилов, «самым естественным путем совершенствования правовой охраны промышленных образцов в России является восприятие европейского опыта и перенос его на нашу почву» [7, с. 16].

Данный институт предоставляет охрану дизайну изделий без соблюдения формальностей. Срок предоставляемой охраны составляет три года с даты введения в гражданский оборот изделия, в котором воплощен образец, и в течение 12 месяцев с этой даты правообладатель может подать заявку на традиционный промышленный образец. Незарегистрированный промышленный образец предоставляет правообладателю право препятствовать использованию изделия, в котором он воплощен, только в случае его

копирования. Однако если аналогичный дизайн изделия был создан третьим лицом самостоятельно в процессе творческой деятельности, и оно не знало о существовании незарегистрированного промышленного образца, то это не будет считаться нарушением исключительных прав правообладателя.

Необходимо отметить, что ранее М.С. Николаева в рамках своей диссертационной работы рассмотрела опыт Европейского союза в предоставлении правовой охраны незарегистрированным промышленным образцам и пришла к выводу, что «опыт ЕС может быть полезен для России, где существует проверочная система выдачи патента на промышленный образец, с продолжительной охраной» [8, с. 144].

Целесообразно использовать европейский опыт и предоставить заявителям новый режим правовой охраны промышленного образца в виде незарегистрированного промышленного образца, который поможет решить указанные выше проблемы. Однако полное заимствование института незарегистрированных промышленных образцов Европейского сообщества невозможно, так как необходимо учитывать особенности российского патентного законодательства.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ (в ред. от 18.07.2019): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 нояб. 2006 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 8 дек. 2006 г.: ввод. Федер. Законом Рос. Федерации от 18 дек. 2006 г. № 231-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52.

2. Федеральный закон Российской Федерации от 12.03.2014 № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета, № 6331 – 2014.

3. Федеральный закон Российской Федерации от 27.12.2018 № 549-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета, № (295) 7758. – 2018.

4. Патентный закон Российской Федерации от 23.09.1992 № 3517-1 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

5. Приказ Минэкономразвития России от 30.09.2015 № 696 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по государственной регистрации промышленного образца и выдаче патента на промышленный образец, его дубликата». [Электронный ресурс]. – Официальный сайт Роспатента URL: <https://rupto.ru/ru/documents/696-prikaz-minekonomrazvitiya-rossii-ot-30-09-2015-696> (дата обращения: 17.03.2020).

6. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 03.09.2015 № СП-23/24 по делу № А56-53642/2013. [Электронный ресурс] URL: <http://ipcmagazine.ru/official-cronicle/some-issues-of-application-of-section-iii-the-general-part-of-the-law-of-obligations-of-the-civil-code-of-the-russian-federation-with-the-exception-of-chapter-23> (дата обращения: 25.03.2020).

7. Регламент Совета ЕС № 6/2002 от 12.12.2001 «О промышленных образцах Сообщества» [рус., англ.] (Принят в г. Брюсселе 12.12.2001) (с изм. и доп. от 18.12.2006) [Электронный ресурс]. – World Organization of Intellectual Property (WIPO). URL: <http://www.wipo.int/wipolex/ru/details.jsp?id=6414> (дата обращения: 05.04.2020).

8. Гаврилов Э.П. Правовая охрана промышленных образцов в России: прошлое, настоящее, будущее // Патенты и лицензии. – 2014. – № 5. – С. 13–18.

9. Николаева М.С. Правовая охрана дизайна (модели) одежды: дис. канд. юрид. наук : 12.00.03 / Николаева Марина Сергеевна. – М., 2015. – С. 190.

10. Официальный сайт Роспатента URL: <https://rupto.ru/ru/news/10-12-2018-legal-report-v-gk-vvoditsya-novyy-vid-pravovoy-ohrany-promyshlennyyh-obrazcov> (дата обращения: 16.01.2020).

УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ КОМПАНИИ ПОСРЕДСТВОМ ПРИМЕНЕНИЯ РИСК-АППЕТИТА

Евсеев Олег Анатольевич,

магистрант ФГБОУ ВО РГАИС, 2 курс,
направление подготовки «Менеджмент»
(г. Москва, evseev.oleg.anat@gmail.com)

Научный руководитель:

Смирнова Вероника Ремовна,

доктор экономических наук, доцент,
заведующая кафедрой «Управления инновациями и коммерциализации
интеллектуальной собственности» ФГБОУ ВО РГАИС

В данной статье раскрывается роль управления риск-аппетитом в общем процессе управления рисками компании, даны определения и сущность понятий «риск-аппетит», «емкость риска», «толерантность к риску». Рассмотрены возможности повышения доходов компании с помощью правильного управления риск-аппетитом. Статья может быть полезна предпринимателям, а также руководителям высшего и среднего звена при организации системы управления рисками компании.

Ключевые слова: управление рисками, аппетит к риску, риск-аппетит в отношении инноваций.

Еще в 1921 г. основоположник Чикагской школы экономической теории Фрэнк Найт в книге «Риск, неопределенность и прибыль» [2] сформулировал концепцию «риск-доходность», согласно которой риск и доходность проекта являются взаимосвязанными и взаимообусловленными категориями. Концепция «риск-доходность» выражает прямую зависимость между этими категориями: чем выше ожидаемый доход, тем выше риск его неполучения.

Таким образом, целью практического управления рисками должно быть снижение или устранение негативного воздействия рисков при одновременном сохранении или незначительном по сравнению с уровнем риска снижением ожидаемой доходности проекта, то есть достижение наиболее оптимального соотношения риска и доходности. В то же время не следует вкладывать в понятие «доходность» только финансовую составляющую. Выгоды от проекта могут проявляться и в других сферах – научной, политической, социальной и т.д.

Очевидно, что стремясь к неограниченно большому росту доходности, компания не готова пойти на неограниченно большие риски. Поэтому первым шагом в практическом управлении рисками должен стать ответ на вопрос: какой максимальный размер рисков компания готова на себя принять? Данная величина называется «риск-аппетитом» (аппетитом к риску, склонностью к риску) компании. Риск-аппетит представляет собой предельный размер риска, который компания готова принять в качестве компромисса между риском и доходностью. Не существует каких-либо стандартных указаний по определению размера риск-аппетита, как нет и его общей «правильной» величины. Установление размера аппетита к риску должно производиться в рамках определения общей стратегии развития компании, соответственно, данные полномочия принадлежат органу управления, в компетенции которого находится определение стратегии развития. Так как компании ставят перед собой различные стратегические цели, каждой из них требуется свой уровень риск-аппетита. Если компания занимает устойчивое положение на рынке и ей не требуется бурное развитие, совет директоров может установить небольшую величину риск-аппетита в отношении инноваций. Если отсутствие инноваций ставит под угрозу само существование компании, ей необходимо максимизировать риск-аппетит к инновациям, чтобы принять стратегию «рискнуть и процветать или обанкротиться». Необходимо, чтобы это было осознанным решением, понятым всем лицам, вовлеченным в управление компанией. Таким образом, понятия «стратегия» и «риск» являются

взаимосвязанными, и должны рассматриваться совместно. Нельзя принимать стратегию развития компании без учета аппетита к риску, который может потребоваться для такого развития.

Управление риск-аппетитом компании состоит из трех повторяющихся шагов цикла.

1. Определение и пересмотр величины риск-аппетита.

Как отмечалось выше, аппетит к риску устанавливается каждой компанией самостоятельно исходя из стратегических целей, однако при определении данной величины необходимо принимать во внимание и другие факторы, в частности:

а) существующий уровень риск-аппетита и его распределение внутри компании как по подразделениям, так и по направлениям деятельности (риск-профиль компании). Составление риск-профиля компании необходимо для возможности сопоставления текущего уровня развития компании и риск-аппетита, при котором это достигнуто, а также для общего понимания, какие риски и в какой объеме несет компания в настоящее время [3];

б) емкость риска, под этим понимается максимальный размер убытков, который компания может понести без ощутимого ущерба для своей деятельности. Очевидно, что величина риск-аппетита не может превышать размера емкости риска компании;

в) толерантность к риску. Данное понятие близко к понятию «риск-аппетита» в том, что оно обозначает предельный уровень негативных последствий для компании, однако между толерантностью к риску и аппетитом к риску есть ряд существенных отличий:

- показатели толерантности к риску выражаются в тех же величинах, что и показатели успеха компании (лояльность клиентов, доля рынка, узнаваемость компании, качество продукции и т.д.), а риск-аппетит выражается только денежной суммой;

- толерантность к риску может применяться в отношении всех категорий целей компании (стратегических, операционных, финансовых показателей и т.д.);
- соблюдение показателей риск-аппетита обеспечивается на уровне менеджмента, а толерантности к риску – на операционном уровне.

Определение толерантности к риску особенно важно для инновационных компаний, так как при общем довольно значительном риске это позволит перенести значительную часть рисков с приоритетных направлений на менее важные. Например, компания при принятии решения об инвестициях в инновации идентифицировала следующие риски:

- риск затягивания сроков исследований;
- риск получения результатов худшего качества по сравнению с запланированными;
- риск удорожания результатов (продукции или технологии);
- риск утечки информации.

Если компания опасается, что конкуренты могут опередить ее в достижении результата, она устанавливает минимальный уровень толерантности по отношению к выполнению сроков, увеличивая одновременно риск получения менее качественной или более дорогой продукции либо технологий. Наоборот, если компания уверена в том, что конкуренты не смогут получить аналогичные результаты в обозримом будущем, ей стоит принимать минимальные риски в отношении безопасности, так как в этом случае единственным способом для конкурентов получить доступ к результатам исследований будут являться противозаконные действия. А в отношении риска затягивания сроков компания может быть более толерантна;

г) отношение всех заинтересованных сторон к риску. При определении величины риск-аппетита необходимо учитывать интересы не только акционеров, но и кредиторов, а также других заинтересованных сторон. Часть из них может стремиться к максимально рисковой стратегии развития, другая

часть может быть более консервативной. Поэтому при установлении величины риск-аппетита важно соблюсти баланс интересов сторон.

Данный перечень факторов, которые принимаются во внимание при установлении размера аппетита к риску, не является исчерпывающим. При определении стратегии, а, следовательно, величины риск-аппетита, можно учитывать положение компании на рынке, перспективы развития, ожидаемые изменения во внешней среде, поведение конкурентов и многое другое.

2. Дистрибуция риск-аппетита.

В рамках этого процесса происходит распределение аппетита к риску внутри компании и доведение детализированной информации до сотрудников компании. Это может происходить несколькими способами. Одним из вариантов является информирование каждого подразделения о размере риск-аппетита, приходящегося на него. Также компания может распределить риск-аппетит по своим проектам (направлениям деятельности). Еще одним способом будет являться информирование в разрезе отдельных рисков. Например, в компании, занимающейся инвестициями в исследования в области фармацевтики, общий аппетит к риску 100 млн руб. может быть распределен следующим образом: 60 млн руб. – риски, которые могут принять подразделения, занимающиеся НИР и ОКР, 30 млн руб. – риски производственных подразделений, 10 млн руб. – маркетинговые риски. При распределении вторым способом компания выделяет 20 млн руб. на препарат А, 30 млн руб. – на препарат Б, 50 млн руб. – на препарат В. Также возможен вариант, при котором компания ограничит риски неудачи на стадии до начала продаж суммой 90 млн руб., а риски, связанные со сбытом, – 10 млн руб. На практике, как правило, компании комбинируют все три способа.

3. Мониторинг риск-аппетита.

Аппетит к риску не может являться величиной, установленной один раз и на длительный срок. Его размер меняется вместе с развитием компании [1]. Таким образом, процесс мониторинга риск-аппетита должен включать в себя не только контроль соблюдения параметров аппетита к риску, включая

толерантность к риску, но и определение необходимости и возможностей компании по изменению размера риск-аппетита. В дальнейшем процесс управления аппетитом к риску возвращается к первому шагу цикла.

Если в результате мониторинга риск-аппетита выяснится, что размер рисков оказался меньше, чем установленный риск-аппетит, то это будет означать, что компания имеет возможность увеличить объем активов или количество процессов, несущих риск, оставаясь при этом в рамках лимита аппетита к риску, то есть повысить возможную доходность.

Таким образом, практическая польза от управления риск-аппетитом заключается не только в ограничении и распределении риска компании, но и в возможности повысить ее доходность за счет своевременного выявления потенциальной возможности принять дополнительные риски.

Список литературы

1. Берч К. Риск-аппетит: «Не откусывайте больше, чем можете проглотить» / / Интернет-проект «Корпоративный менеджмент», 2015. [Электронный ресурс] URL: http://www.cfin.ru/finanalysis/risk/Risk_Appetite.shtml (дата обращения: 20.11.2019).
2. Найт Ф.Х. Риск, неопределенность и прибыль / Пер. с англ. – М.: Дело, 2003. – 360 с.
3. Dr. Larry Rittenberg and Frank Martens Understanding and Communicating Risk Appetite / Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission, 2012.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ «ЭКОЛОГИЧЕСКИХ» И «ОРГАНИЧЕСКИХ» ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ

Езерская Юлия Андреевна,

магистрант ФГБОУ ВО РГАИС, 2 курс,
направление подготовки «Юриспруденция»

(г. Москва, llaw.ezerskaya@gmail.com)

Научный руководитель:

Ларина Татьяна Юрьевна,

кандидат юридических наук, доцент,

заведующая кафедрой «Международного права и международного
сотрудничества в сфере интеллектуальной собственности» ФГБОУ ВО РГАИС

*В статье исследуются особенности регистрации товарных знаков,
включающих в себя элементы, указывающие на экологичность и безопасность
продукции. Рассматриваются нормативные положения, являющиеся
основанием для отказа в регистрации таких товарных знаков. Учитывая
актуальность экологических проблем, автор приходит к выводу
о необходимости формирования более строгого подхода к регистрации
«экологических» товарных знаков с целью недопущения недобросовестного
поведения производителей.*

Ключевые слова: товарные знаки, ложные обозначения, введение
потребителей в заблуждение, экологическая маркировка, гринвашинг.

Зашита и охрана окружающей среды, восстановление экологической
системы Земли и минимизация ущерба, причиняемого человеком природе,
являются весьма актуальными и обсуждаемыми вопросами в современном
мире.

Многими государствами активно разрабатываются и внедряются национальные программы и стратегии поддержки окружающей среды. Поскольку центральное место в современных экономических системах занимают наукоемкие производства и интеллектуальная собственность, то представляется возможным заявлять, что именно результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации позволяют в будущем совершить рывок в преодолении возникших перед всем человечеством глобальных экологических проблем. Средства индивидуализации, а именно товарные знаки, в вопросе экологичности играют не менее важную роль, чем, например, изобретения, привлекая внимание потребителей к экологически чистой и безопасной продукции.

Говоря об индивидуализации товаров и услуг, следует также сказать, что на современных рынках имеют место сертификационные знаки, которые все чаще используются производителями. Сертификация – это законодательно регулируемая форма подтверждения качества продукции и услуг требованиям действующих в системе технического регулирования стандартов. В сфере экологии можно выделить такие сертификационные знаки, как, например, «Derblaue Engel», «Листок жизни», «All products not tested on animals» и другие. Сертификационные знаки являются стандартом качества и могут свидетельствовать, например, о чистоте продукта, составе упаковки и способах ее утилизации.

Маркировка товара обозначениями, указывающими на натуральность продукции, а также ее природное естественное происхождение, является известным маркетинговым инструментом, широко применяемым многими производителями товаров, а также компаниями, оказывающими услуги, например, в сфере строительства. И если для применения сертификационных знаков товары должны соответствовать техническим нормам и государственным стандартам, то вопрос регистрации и использования «экологических» и «органических» товарных знаков не является столь

прозрачным и очевидным, а требования, предъявляемые при регистрации таких обозначений носят весьма пространный и обобщенный характер.

Одними из наиболее распространенных обозначений, указывающих на потенциальную экологичность продукта, являются элементы «БИО/BIO», «ЭКО/ECO» и «ОРГАНИК/ORGANIC», что подтверждается наполненностью рынка продуктами с аналогичной маркировкой.

На территории Российской Федерации к «зеленым» товарным знакам не предъявляются дополнительные требования, но вместе с тем они оцениваются как слабые элементы, входящие в состав товарного знака. Так, в соответствии с Руководством по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления услуги по государственной регистрации товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и выдаче свидетельств на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак, их дубликатов, утвержденным Приказом ФГБУ ФИПС от 20.01.2020 № 12, в состав словесных обозначений могут входить как сильные, так и слабые элементы. Сильные элементы оригинальны, не носят описательного характера. К слабым элементам относятся, в частности систематически повторяющиеся в товарных знаках буквосочетания (форманты) и неохраняемые обозначения (ЭКО, ИНФО, ПЛЮС, AUTO, SOFT, FORTE). При экспертизе словесных обозначений необходимо учитывать сходство именно сильных элементов [2].

Вместе с тем в соответствии с подп. 2 п. 1 ст. 1483 Гражданского кодекса РФ не допускается государственная регистрация в качестве товарных знаков обозначений, состоящих только из элементов, являющихся общепринятыми терминами. Данные обозначения могут быть включены в товарный знак как неохраняемые элементы, если они не занимают в нем доминирующее положение [1]. К общепринятым терминам могут быть отнесены также, например, слова «Эко» или «Есо» в значении «экологичный».

Суд по интеллектуальным правам по результатам анализа и обобщения судебной практики подготовил информационную справку по различным аспектам применения ст. 1483 Гражданского кодекса РФ, утвержденную

5 апреля 2017 г. № СП-23/10, согласно которой, «общепринятые символы и термины» – это обозначения, используемые в хозяйственной деятельности разными производителями однородной продукции. Такие обозначения «несут в себе смысловую нагрузку и обладают определенной информативностью», «они не способны выполнять индивидуализирующую функцию товарного знака, так как должны быть свободными для использования в хозяйственной деятельности всеми заинтересованными субъектами» [3].

Вместе с тем практика Роспатента в части регистрации обозначений, указывающих на экологичность товаров и услуг, является неоднозначной. Так, например, зарегистрированы такие товарные знаки, как «EkoDelika» (по свидетельству № 659779); «АтомЭко» (по свидетельству № 476645); «Эко-Лакомка» (по свидетельству № 655670), где словесные элементы «Эко» / «Eko» включены в обозначения в качестве охраняемых элементов. Вместе с тем практика Роспатента знает случаи, когда правовая охрана не предоставлялась аналогичным товарным знакам, например, обозначениям «ЭКО-КЛАСС» или «Эко-папка». Отказы в регистрации обозначений обжаловались в Палате по патентным спорам, однако в удовлетворении возражений было отказано в связи с тем, что обозначения, ввиду наличия элементов «Эко», не обладают различительной способностью, поскольку указывают на качество и свойство товаров. Таким образом, сформированная практика свидетельствует о неоднозначности подхода к оценке «экологичных» товарных знаков, поскольку в ряде случаев такие обозначения попадают под действие подп. 1 п. 1 ст. 1483 Гражданского кодекса РФ, а порой регистрируются в числе прочих товарных знаков с предоставлением правовой охраны в полном объеме.

Стоит отметить, что зарубежный опыт регистрации товарных знаков хотя и является неоднозначным, но вместе с тем большинству экологических обозначений предоставляется правовая охрана. Так, например, зарегистрированы товарные знаки со словесными элементами «ECO coconut» (по свидетельству США № 6049964); европейский товарный знак «AIXAM

«écologic» по заявке № 0984936; европейский товарный знак «ECOLOGIC SENSE» по заявке № 1222162.

Особенно важным аспектом в регистрации «зеленых» товарных знаков является их действительное соответствие требованиям экологичности и безопасности. Необходимо понимать, что использование «экологичных» и «органических» обозначений в качестве товарных знаков не всегда свидетельствует о чистоте маркированного продукта, что позволяет производителям, получившим правовую охрану таких обозначений, злоупотреблять своим положением на рынке, вводя потребителей в заблуждение, формируя неправильное представление об истинном качестве продукта или услуги.

Практика использования «зеленых» обозначений с неподтвержденной «экологической репутацией» уже имеет маркетинговое название – «гринвашинг», или «зеленый камуфляж». Вопрос распространения данной тенденции рассматривался Смирновой Е.В. в статье «Экологический маркетинг» [5]. Тема «гринвашинга» также затрагивалась Кротовым К.С. в статье «Юридическая ответственность за ложную эко-маркировку в России и зарубежных странах», где автором исследовался исключительно вопрос привлечения к ответственности за размещение недостоверной информации об экологичности предлагаемого продукта [4].

Однако проблема распространения «гринвашинга» связана не только с недостаточно развитым механизмом привлечения к ответственности за введение в заблуждение потребителя относительно экологических качеств товара. Наряду с этим необходимым представляется также и ограничение регистрации ложных «экологических» и «органических» обозначений в качестве товарных знаков.

Как указывалось выше, словесные элементы «Эко» / «Органик» / «Био» не обладают различительной способностью и указывают на органичность продукта. Вместе с тем экспертом не может быть установлена достоверность заявленного качества продукции, поскольку оценка экологичности и

безопасности товара осуществляется на основе применения технических норм и государственных стандартов, что не входит в компетенцию сотрудника при регистрации товарных знаков, поскольку им осуществляется проверка обозначения, а не самого продукта. В связи с тем, что сегодня товарный рынок пресыщается «зелеными» продуктами, представляется целесообразным полный отказ от регистрации товарных знаков с «экологичными» элементами и переход к маркировке экологически чистых и безопасных продуктов только на условиях прохождения сертификации. В противном случае рынок рискует столкнуться с проблемой недобросовестного поведения производителей, результатом которого будет являться введение потребителей в заблуждение относительно качества товара.

Являясь членом мирового сообщества, Российская Федерация принимает на себя обязательства по разрешению глобальных проблем, в том числе по защите окружающей среды. Пути решения данной мировой проблемы – это не только отказ от вредных производств, но еще и регулирование создания товаров, отвечающих требованиям экологичности и безопасности. И в данном случае строгий подход к сертификации продуктов и их маркировке товарными знаками имеет ключевое значение, поскольку именно индивидуализирующие символы позволяют потребителю в дальнейшем делать выбор в пользу экологичности, безопасности и «зеленого» будущего.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ. [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Консультант Плюс» URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 25.04.2020).
2. Приказ ФГБУ ФИПС от 20.01.2020 № 12 «Об утверждении Руководства по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной

регистрации товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и выдаче свидетельств на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак, их дубликатов». – Сайт ФИПС URL:<https://www1.fips.ru/> (дата обращения: 25.04.2020).

3. Информационная справка, подготовленная по результатам анализа и обобщения судебной практики Суда по интеллектуальным правам по вопросам, возникающим при применении положений пунктов 1 и 3 статьи 1483 Гражданского кодекса Российской Федерации, утвержденная постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 05.04.2017 № СП-23/10 по результатам обсуждения с участием членов Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам. – Сайт СИП URL: https://ipc.arbitr.ru/about/docs_presidium (дата обращения: 25.04.2020).

4. Кротов К.С. Юридическая ответственность за ложную экомаркировку в России и зарубежных странах // Гуманитарные и юридические исследования. – 2018. – № 1. – С. 159–164.

5. Смирнова Е.В. Экологический маркетинг // Практический маркетинг. – 2010. – № 4 (158). – С. 9–14.

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ – ОТ ИНСТРУМЕНТА ДО СУБЪЕКТА

Ефимов Андрей Андреевич,

магистрант ФГБОУ ВО РГАИС, 2 курс,

направление подготовки «Юриспруденция»

(г. Москва, efimov666@gmail.com)

Научный руководитель:

Леонтьев Константин Борисович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Авторского права,

смежных прав и частноправовых дисциплин» ФГБОУ ВО РГАИС

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме, возникшей как следствие технического прогресса. В настоящее время компьютерные технологии достигли уровня, на котором они способны не только быть инструментом в руках человека при создании произведений, но и создавать их с очень высокой долей автономности, то есть почти или совсем без творческого вклада человека, в связи с чем такие произведения не подлежат охране. Данная проблема широко обсуждается в ВОИС, странах ЕС и России. В статье раскрыты причины возникновения проблемы, понимание которых крайне важно для дальнейших исследований и поиска оптимального решения, как охранять такие произведения и каков субъектный состав правоотношений по поводу их создания, распространения и передачи.

Ключевые слова: авторское право, искусственный интеллект, компьютерные технологии, творчество, интеллектуальная собственность, автор.

Целью данной статьи является исследование основных причин возникновения проблемы охраны произведений, созданных компьютерными

технологиями с высокой долей автономности, то есть без непосредственного творческого вклада человека в создание такого произведения или почти без него. В научном сообществе данная проблема привела к бурным обсуждениям: какие методики охраны произведений применять в данном случае и какие при этом будут задействованы субъекты. Для наиболее эффективного решения проблемы охраны таких произведений требуется понимание причин возникновения самой проблемы, именно о причинах речь пойдет в данной статье. Компьютерные технологии существуют уже более полувека, однако только относительно недавно мировое сообщество задалось такими вопросами: может ли компьютерная система, создающая произведения, быть субъектом права? Как предоставлять охрану произведениям, если они не созданы творческим трудом человека?

Эти вопросы получили широкое обсуждение, существует ряд основополагающих научных работ в данной сфере, в том числе труды И.В. Понкина «Искусственный интеллект и право интеллектуальной собственности», Е.П. Сесицкого «Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта», а также научные работы П.М. Морхата, В.О. Калятина и др. Среди зарубежных научных работ в данной области можно выделить следующие: A. Rahmatian “Originality in UK Copyright Law: The Old 'Skill and Labour' Doctrine Under Pressure”, S. Ricketson “People or Machines: The Bern Convention and the Changing Concept of Authorship”, а также работы А. Эндрю, Ю. Роберта и др.

Для достижения целей настоящего исследования российская нормативно-правовая база по рассматриваемому вопросу, практика Верховного Суда Российской Федерации проанализирована в контексте поставленной проблематики, а также с учетом мнения отечественных и зарубежных специалистов.

Поставленная проблема наиболее тесно связана с институтом авторского права. В соответствии со ст. 1228 Гражданского кодекса Российской Федерации автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин,

творческим трудом которого создан такой результат [1]. Из данного положения видно, что текущие правовые реалии не подразумевают иных субъектов в качестве автора, кроме человека, причем не любой гражданин может считаться автором, а только тот, чей вклад в создание произведения имеет творческий характер.

Поскольку в России именно критерий творчества играет ключевую роль в определении круга объектов авторского права, данный критерий и оказывается основной проблемой. Сам по себе факт создания произведения с помощью технических средств, к которым относится и компьютер, не противоречит их охране как объектов авторского права, об этом говорит Верховный Суд Российской Федерации [2, п. 80 абз. 4].

Законодательство объективно не успевает за текущими правоотношениями в обществе, так как уже сегодня существуют компьютерные решения, способные создавать произведения, имеющие внешние признаки охранных способностей, но не имеющие творческого вклада гражданина непосредственно в создание произведения, в связи с чем они выпадают из правовой охраны. Это может привести к экономическим убыткам, а также состоянию незащищенности правообладателя. При этом творческий вклад разработчика компьютерной системы, способной создавать автономно произведения, в создание самой программы не дает оснований безусловно утверждать, что именно разработчик будет признан автором таких порожденных программой произведений.

Присутствие компьютерных технологий в нашей жизни, в том числе технологии искусственного интеллекта, на сегодняшний день создающих результаты интеллектуальной деятельности без творческого вклада человека, рассматривается в докторской диссертации Е.П. Сесицкого «Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта». Автор указанной диссертации рассматривает компьютерные технологии, сосредоточив основное внимание на технологиях искусственного интеллекта, не рассматривая иные компьютерные программы и технические

решения, создающие произведения автономно и не относящиеся к технологиям искусственного интеллекта. Но для возникновения правовой проблемы достаточно уже того факта, что сегодня технологии искусственного интеллекта стали не только объектом описания научных фантастов, но частью нашей жизни.

Гражданское законодательство предоставляет некоторую свободу в области авторства, определяя, что автором считается лицо, указанное как таковое на экземпляре произведения, пока не доказано иное. Казалось бы, это решает проблему, если есть возможность указать автора произведения. Однако Верховный Суд Российской Федерации разъясняет, что не может считаться автором лицо, которое не внесло творческого вклада в произведение, созданное с помощью технических средств [2, п. 80].

Законодательство в области авторского права традиционно является относительно консервативным, несмотря на то, с какой скоростью технический прогрессдвигает вперед идею выполнения творческих функций человека компьютером, в том числе создания охраноспособных произведений. По этой причине исследования в данной области особенно актуальны и имеют большую ценность, так как ни в России, ни в других странах еще не определены подходящие правовые методы и способы, решающие эту проблему на фундаментальном уровне.

В действующем правовом поле России отсутствуют правовые механизмы, благодаря которым можно было бы обеспечить охрану произведений, созданных компьютерной программой автономно, несмотря на то, что они объективно могут представлять как художественную, так и экономическую ценность. Исследования зарубежных авторов [5] доказывают, что в других странах также пока нет оптимального ответа на вопросы охраны подобных произведений, несмотря на то, что предпосылки к появлению такой правовой проблемы были отмечены специалистами еще в конце прошлого века.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // Парламентская газета, № 214–215, 21.12.2006.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета, № 96, 06.05.2019.
3. Морхат П.М. Правосубъектность электронного лица: методологические подходы в гражданском праве / П. Морхат // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2018. – № 7. – С. 39–46.
4. Сесицкий Е.П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. – М.: РГАИС, 2018. – 218 с.
5. Rahmatian, A. Originality in UK Copyright Law: The Old “Skill and Labour“ Doctrine under Pressure / A. Rahmatian // International Review of Intellectual Property and Competition Law. – 2013. – Vol. 44, № 1. – P. 4–34.

ПАТЕНТНОЕ ПРАВО В ЭПОХУ 3D-ПЕЧАТИ

Ефремова Татьяна Александровна,

магистрант ФГБОУ ВО РГАИС, 2 курс,

направление подготовки «Управление интеллектуальной собственностью»

(г. Москва, t_efr@mail.ru)

Научный руководитель:

Китайский Владимир Евгеньевич,

кандидат технических наук, доцент,

доцент кафедры «Патентного права и правовой охраны

средств индивидуализации» ФГБОУ ВО РГАИС

Статья содержит обзор такой области техники, как 3D-модели, 3D-печать и аддитивные технологии в целом. Приведен краткий разбор технологии 3D-печати. Рассмотрены вопросы правового режима трехмерных моделей, кратко изложены предложения по патентованию аддитивных технологий в будущем. Статья может быть интересна юристам, студентам, выбравшим юридическую направленность обучения, и людям, интересующимся изобретательской деятельностью.

Ключевые слова: аддитивные технологии, трехмерные модели, 3D-печать, CAD-файл, патентование.

Статья посвящена аддитивным технологиям, которые сегодня применяются в самых разных областях знаний по всему миру. Особый интерес данная технология представляет для промышленности, в связи с чем этим приобретают актуальность вопросы патентования и соблюдения правового режима 3D-объектов. Технология 3D-печати (трехмерной печати) была изобретена еще в XX в., однако наиболее широкое распространение и использование в мировой промышленности получила в последнее десятилетие.

При современном развитии уровня техники трехмерная печать может использовать различные технологии и материалы для создания объемного предмета. Синонимом 3D-печати является так называемое «аддитивное производство» (англ. Additive Manufacturing), которое означает послойное наращивание и синтез объектов. В целом аддитивные технологии развиваются новые способы производства деталей для промышленности¹, протезирования в медицине², кулинарного искусства³ и основаны не на удалении материала (как традиционные технологии механической обработки), а на послойном добавлении материала при изготовлении изделия, то есть технология подразумевает именно добавление вещества для создания изделия, а не его изъятие. Материал для трехмерных моделей используется самый разнообразный (от бетона и металла, до шоколада и целлюлозы, не говоря уже о смолах и пластиках), при этом на сегодняшний день существуют 3D-принтеры, способные использовать несколько видов материала. Примером тому могут служить разработки таких компаний, как SIEMENS⁴, OPTOMECH DESIGN⁵ и др.

Спрос на технологию печати 3D в основном носит промышленный характер. Он используется для быстрых прототипов и быстрого изготовления образцов продукции. Однако в будущем вполне возможным может стать использование 3D в личных целях, например, при воссоздании разбитой вазы, сломанной кофемолки или не покупки, а именно распечатывания на 3D-принтере новой одежды, обуви или детских игрушек.

При этом отдельно стоит отметить, что аддитивные технологии вышли на тот уровень, который позволяет производить не только предметы мирной

¹ Патент RU 2680168 C2, ООО «Аддитивные технологии». Способ изготовления трехмерных объектов сложной формы из песчано-полимерных систем, опубликовано 18.02.2019, весь текст, 7 с.

² Патент России RU 2714119 C1, Арутюнов С.Д. Способ временного протезирования ушной раковины на период послеоперационного формирования наружного слухового прохода, опубликовано 11.02.2020, весь текст, 8 с.

³ Заявка на изобретение RU 2017 123 980 A, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», Состав для производства диетического десерта, содержащего семена чиа, с использованием пищевого 3D принтера, опубликовано 09.01.2019, весь текст, 1 с.

⁴ Заявка на изобретение RU 2015116240 A, Сименс Акционегезелльшафт (DE). Аддитивное изготовление детали турбины с использованием нескольких материалов, опубликовано 27.11.2016, весь текст, 3 с.

⁵ Патент US 6391251 B1, OPTOMECH DESIGN (US), Forming structures from CAD solid models, опубликовано 21.05.2002, весь текст, 66с.

и повседневной жизни, но и огнестрельное оружие. Так, в 2012 г. в США на 3D-принтере был распечатан из пластика однозарядный пистолет Liberator, в который была включена необязательная металлическая деталь лишь для того, чтобы не нарушать законы США, поскольку пистолет из пластмассы металлодетекторами не определяется. Американская компания Solid Concepts в 2013 г. продемонстрировала «напечатанный» металлический пистолет [4]. Он представлял собой копию Colt M1911, и во время полевых испытаний совершил более 1000 выстрелов, после чего сломался. Для «печатного» оружия это серьезный показатель. Далее по технологии 3D-печати были изготовлены револьвер, полуавтоматический пистолет, в Канаде была распечатана копия винтовки Grizzly. Кроме того, с помощью 3D были выпущены отдельные детали для различных видов оружия, в том числе компания Defense Distributed занялась созданием функциональных рожков для автоматического оружия Калашникова и R-15.Feinstein, которые прекрасно зарекомендовали себя в огневых испытаниях. Все вышеотмеченное не могло остаться незамеченным для общественности США, и вскоре были приняты соответствующие законодательные акты, регулирующие подобную деятельность, но которая при этом имеет свои особенности и разнится в зависимости от штата. В своей статье Дэн Циммерман справедливо отметил, что проблема распечатывания оружия состоит, прежде всего, не в самом оружии, распечатанном по 3D-технологиям, а в контроле подобного производства [3]. Для создания пистолета Liberator потребовалось 36 часов, чтобы распечатать 13 деталей, и \$10 для покрытия расходов. Таким образом, уже на данном уровне техники преимуществом печати подобных изделий является удобство и быстрота создания, а их низкая надежность и малый ресурс работы являются недостатками, которые со временем будут исправлены. Здесь стоит отметить, что если в США совершенно законно можно создавать собственное оружие дома, то в России данные действия нарушают ст. 222 и 223 УК РФ [2].

Если охарактеризовать процесс печати 3D-принтера вкратце, то это ряд повторяющихся циклов, в итоге которых происходит построение реального

объекта по ранее созданному на компьютере виртуальному чертежу 3D-модели (цифровому файлу изделия), то есть по виртуальному файлу для печати формируется реальное изделие. Здесь стоит отметить, что основное различие между 3D-моделированием и 2D-проектированием заключается в том, что механическое оборудование моделируется, а не рисуется. 3D-модели (а это могут быть модели от сковороды до авиалайнера) спроектированы в CAD (англ. computer-aided design) – системе автоматизированного проектирования. Существует множество сайтов, на которых в открытом доступе можно найти CAD-файлы, загрузить их и распечатать на принтере. CAD-файлы могут быть созданы вручную в специальных программах, а также путем сканирования трехмерного объекта (помимо 3D-принтеров существуют 3D-сканеры). Среди таких файлов можно найти как образы самых распространенных бытовых предметов, так и образы, повторяющие (и запатентованные) элементы дизайна, упаковки товара, детали или элементы различных устройств и конструкций. А учитывая, что состав вещества, из которого создаются 3D-объекты, практически любой, то и итогом может являться продукция пищевой отрасли, фармацевтики: биологические добавки или медицинские товары. Таким образом, возникает проблема попадания на рынок не только контрафактных, но и несертифицированных товаров. Кроме того, напечатанные 3D-объекты могут быть изготовлены из материала, компоненты которого имеют заведомо низкое качество. Это способно привести к возникновению у правообладателя репутационных издержек, поскольку конечный потребитель не всегда сможет отличить оригинальный товар от контрафакта. Указанная проблема подробно рассмотрена в статье Табрез Ю. Эбрахима [5], где автор весьма верно замечает о стирании в ближайшем будущем граней между цифровым и физическим миром и предлагает начать поиск новых решений по правовому регулированию объектов 3D-печати. В частности, такое регулирование должно касаться и трансграничной цифровой торговли и передачи данных, поскольку создание 3D-моделей может быть выполнено в нескольких странах, либо несколькими лицами [5].

В России деятельность, связанная с 3D-моделированием, регулируется Гражданским кодексом Российской Федерации [1].

Учитывая современное развитие технологий 3D-моделирования и быстро изменяющийся уровень техники, представляется целесообразным определение особого порядка лицензирования и охраны интеллектуальных прав в данной области промышленности. На данном этапе развития трехмерной печати не требуется мер по расширению перечня охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, поскольку 3D-моделирование в конечном итоге направлено на создание всем хорошо известных изделий – изобретений, промышленных образцов либо товарных знаков, однако в будущем вопрос может быть пересмотрен, поскольку будут открыты новые области знаний.

Для охраны прав потребителей следует сертифицировать материалы, из которых изготавливаются изделия. Для охраны прав предпринимателей нужно патентовать не только технику и технологию, но и композиции для 3D-печати, при этом необходимо предусмотреть в программном обеспечении поставляемого оборудования функции распознавания контрафактных материалов, если недобросовестные производители захотят нарушить права потребителей. Также представляется необходимым ввести строгие контроль и сертификацию тех 3D-принтеров, которые способны создавать особые изделия, в т.ч. двойного назначения. При этом, учитывая, что мир цифровых технологий создан, прежде всего, как вспомогательный для мира физического, производителям следует сосредоточиться именно на патентовании конечных изделий (изобретений и промышленных образцов), созданных по 3D-технологиям, вместо патентования цифрового файла изделия, потому что коды CAD-файлов несут в себе информацию именно по конечному продукту и его свойствам.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // СЗ РФ. – 2006. – № 52, ч. 1.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020), принят Гос. Думой РФ 24.05.1996, одобрен Сов. Фед. РФ 05.06.1996. [Электронный ресурс]: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 24.04.2020).
3. Dan Zimmerman. TV Station Prints and Fires a 3D Plastic Pistol. ItDoesn'tGoWell. [Электронный ресурс] / 10.08.2018. URL: <https://www.thetruthaboutguns.com/tv-station-prints-and-fires-a-3d-plastic-pistol-it-doesnt-go-well/>, свободный. - Загл. с экрана. - Яз. англ. (Дата обращения: 24.04.2020).
4. Doug Gross. Texas company makes metal gun with 3-D printer [Электронный ресурс] / CNN; - URL: <https://edition.cnn.com/2013/11/08/tech/innovation/3d-printed-metal-gun/index.html>, свободный. - Загл. с экрана. - Яз. англ. (дата обращения: 24.04.2020).
5. Tabrez Y. Ebrahim. 3D Printing: Digital Infringement & Digital Regulation. [Электронный ресурс] / Northwestern Journal of Technology and Intellectual Property, Volume 14, Issue 1, Article 2. URL: <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/njtip>, свободный. - Загл. С экрана. - Яз. англ. (дата обращения: 06.05.2020).

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ МЕХАНИЗМОВ ЗАЩИТЫ ОТ КОСВЕННОГО НАРУШЕНИЯ ПАТЕНТА В ПРАВЕ США, ВЕЛИКОБРИТАНИИ, КАНАДЫ И ГЕРМАНИИ

Залесова Анастасия Алексеевна,
аспирант ФГБОУ ВО РГАИС, магистр права (LL.MIP), юрист
(г. Москва, anastasia.zalesova@mail.ru)

Научный руководитель:
Ревинский Олег Витальевич
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Патентного права и правовой охраны
средств индивидуализации» ФГБОУ ВО РГАИС

В данной статье проведен краткий анализ правового регулирования механизма защиты от косвенного нарушения исключительных прав на патент в США, Великобритании, Канаде и Германии. Изучены законодательные базы этих стран, а также важные судебные решения, которые являются неотъемлемой частью толкования положений закона либо самостоятельным источником регулирования и развития данного института. Сделан вывод, что институт защиты от косвенного нарушения патента является важным дополнением к институту защиты от прямого нарушения исключительного права на изобретение.

Ключевые слова: патентное право, косвенное нарушение патента, патентное право США, патентное право Великобритании, патентное право Канады, патентное право Германии.

Институт защиты от косвенного нарушения исключительного права на изобретение по патенту (далее — косвенное нарушение патента) недостаточно хорошо изучен в отечественной правовой науке. Действительно,

отдельные его элементы (например, охрана продукта через патент на способ получения продукта) давно закреплены в российском патентном законодательстве [1]. Однако необходимые элементы обобщения, дающие возможность универсального распространения механизмов защиты на различные объекты патентной охраны и действия нарушителя, в отечественном законодательстве отсутствуют. Вместе с тем правовой институт косвенной защиты от нарушения патента очень важен для обеспечения надежного фундамента патентной системы – баланса интересов патентообладателя и общества в целом.

Известно, что, с одной стороны, этот баланс обеспечивается своеобразным «общественным договором» между изобретателем и обществом. Суть этого «общественного договора» в том, что лицо, чьим умственным трудом создано изобретение, подпадающее под критерии патентоспособности, может получить законную ограниченную во времени монополию на свое творение и распорядиться этим исключительным правом по своему усмотрению. В обмен на получаемое исключительное право патентообладатель обязан публично раскрыть сущность своего изобретения. По истечении срока действия патента созданное техническое новшество переходит в общественное достояние, и любое лицо может использовать запатентованное изобретение.

С другой стороны, баланс интересов сторон должен обеспечиваться четкими условиями выполнения такого «общественного договора», то есть определением границ дозволенного поведения как патентообладателя в реализации временной законной монополии, так и представителей общества, которые должны воздерживаться от ее нарушения. Какие действия сторонам дозволены, какие следует запретить – на эти вопросы патентное право должно давать четкий ответ. В современном экономическом обороте участвуют многие субъекты, и роли их очень разнообразны, поэтому закон должен универсально определить, какие действия являются нарушением патента, а какие действия (пусть схожие по ряду признаков) являются допустимыми.

Автор полагает, что в отечественное законодательство, а именно в Гражданский кодекс Российской Федерации, целесообразно ввести норму, универсально регулирующую защиту от косвенного нарушения патента (в отличие от существующих сейчас отдельных элементов, например, охрану продукта через патент на способ) [1]. Сам по себе универсально-правовой запрет на косвенное нарушение патента известен абсолютному большинству развитых патентных систем. Поэтому в зарубежном патентном праве жаркую дискуссию вызывает не сам вопрос о необходимости и целесообразности существования института защиты от косвенного нарушения патента, а обсуждение путей его дальнейшего совершенствования.

Иностранные законодатели, судьи (где судебный прецедент является официальным источником права), патентные поверенные и другие специалисты в патентном праве спорят о способах *соблюсти баланс между интересами правообладателя*, который может понести существенный ущерб при уходе от ответственности за прямое нарушение его патента, когда, в силу технических, хозяйственно-экономических или иных возможностей использование его патента осуществляется другими лицами не напрямую, а косвенно, например при поставке существенных элементов изобретения для дальнейшего сбора и несанкционированного использования такого изобретения, *и лицами*, которые могут поставлять или использовать элементы изобретения без дальнейшего умысла нарушить патент, а совсем в иных, тривиальных целях, или никак не могут знать, что покупатель произведенных ими частей будет незаконно производить и использовать запатентованное изобретение.

Спорность конкретных правовых конструкций обусловлена трудностью найти компромисс, определить четкую границу между свободным экономическим оборотом и направленными действиями хозяйствующих субъектов по созданию предпосылок к нарушению патента, например, намеренной поставкой «средств нарушения патента»: материалов, товаров, которые сами по себе не запатентованы, но будут в дальнейшем использованы

для нарушения патента. При этом цель такого ограничения свободного оборота состоит в том, чтобы защитить законные интересы патентообладателя, но не дать ему расширить объем правовой охраны его изобретения по патенту, которая, как правило, распространяется на изобретение в целом (объект, определенный совокупностью признаков формулы изобретения). Иными словами, согласно выработанному сбалансированному подходу, патентообладатель «сборного» изобретения, не может через институт защиты от косвенного нарушения получить патентную охрану на отдельные составные части своего изобретения, но он при этом должен быть защищен от умышленных (направленных) совместных действий по обеспечению «сборки» изобретения на стороне конечного потребителя при его поставке «по частям».

Так, законодательства Соединенных Штатов Америки, Германии и Великобритании напрямую закрепляют понятие косвенного нарушения прав на патент (*indirect in fringement, contributory in fringement*), которые различаются в деталях, но сводятся к одному, а именно: позволяют правообладателю привлечь к ответственности лица, которые, так или иначе, явно, намеренно способствовали или побудили к совершению прямого нарушения патента. Регулирование косвенного нарушения в Канаде базируется на прецедентном праве.

Если рассмотреть положения патентного законодательства США, то в них действия по нарушению патента подразделены на прямое нарушение (*direct in fringement*) и косвенное нарушение (*indirect or contributory in fringement*). Эта классификация закреплена в тексте действующего Патентного закона США, инкорпорированного в 35 раздел Свода законов США. В § 271 данного раздела описано три вида нарушения патента [2]:

а) если иное не предусмотрено в настоящей статье, то любое лицо, не имеющее на то прав, которое изготавливает, применяет, предлагает к продаже или продает любое запатентованное изобретение в пределах Соединенных Штатов Америки или ввозит на территорию Соединенных

Штатов Америки любое запатентованное изобретение в течение срока действия патента на него, нарушает патент (прямое нарушения патента);

б) лицо, которое активно провоцирует на нарушение патента, несет ответственность как нарушитель (подстрекательство на нарушение патента);

с) лицо, которое предлагает к продаже или продает в пределах Соединенных Штатов Америки или ввозит на территорию Соединенных Штатов Америки элемент запатентованного устройства, изделия, соединения или состава, или продукт или устройство для использования запатентованного способа, составляющие существенную часть изобретения, зная, что они специально сделаны или специально приспособлены для использования в нарушение такого патента, а не являются повседневными товарами или сырьевыми товарами, пригодными для широкого использования без нарушения патентных прав, несет ответственность в качестве нарушителя как лицо, содействующее нарушению патента (пособничество нарушению патента).

В законодательстве США закреплено два вида косвенного нарушения на патент: подстрекательство и пособничество. Если объективные стороны данных правонарушений отличаются, то субъективная сторона очень схожа (что подтверждается выводами Верховного суда США)¹. Суд разъяснил, что косвенные нарушители должны были знать или проявляли намеренное безразличие в выводе о существовании патента и знали или из обстоятельств дела следовало, что их действиями третье лицо (прямой нарушитель) будет напрямую нарушать патент.

В законодательстве Великобритании понятие косвенного нарушения содержится в разделе 60 (2) Патентного закона 1977 г., который устанавливает, что лицо (не являющееся правообладателем) также нарушает патент на изобретение, если во время действия патента и без согласия правообладателя оно поставляет или предлагает поставить в Великобританию лицу, не являющемуся лицензиатом или другим лицом, уполномоченным

¹ См.: Global-Tech Appliances, Inc. v. SEB S.A., 563 U.S. 754 (2011) [Электронный ресурс] URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/563/754/> (дата обращения: 29.04.2020); Commil USA, LLC v. Cisco Sys., Inc., 720 F.3d 1361, 1366, 1368–69 (Fed. Cir. 2013), 135 S. Ct. 1920 (2015) [Электронный ресурс] URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/14pdf/13-896_153m.pdf (дата обращения: 29.04.2020).

на использование изобретения, любой из продуктов (элементов, средств), относящихся к существенному элементу изобретения, для использования изобретения, когда лицо знает или это очевидно разумному лицу в данных обстоятельствах, что эти продукты, элементы, средства, пригодные для сбора изобретения, предназначены для того, чтобы собрать это изобретение в Соединенном Королевстве [3].

Согласно установленному в Великобритании прецедентному праву, знание о действии конкретного патента не является обязательным условием нарушения, равно как и знание об охраняемом изобретении для конечного пользователя. Кроме того, для существования косвенного нарушения не требуется даже в дальнейшем факта прямого нарушения. Вместе с тем нарушитель должен объективно иметь возможность получить информацию о патенте при обычной осмотрительности и так воздержаться от совершения спорных действий. Таким образом, намерение поставки отдельных элементов также является достаточным для косвенного нарушения.

Согласно Патентному закону 1977 г., в Великобритании закреплен принцип двойного территориального требования, иными словами, поставка основных элементов должна производиться в Великобританию для использования изобретения в Великобритании. Если изобретение будет использоваться за пределами Великобритании без разрешения правообладателя, то это не является нарушением по законодательству Великобритании, даже если патент также действует в иностранной юрисдикции, где используется изобретение. Патентообладатель будет вынужден полагаться на право страны, где в таком случае нарушается патент.

Отметим, что для практического применения положений о косвенном нарушении патента оказалось важным дело Гримм против Скотт (Grimme v Scott (2010))², в котором Апелляционный суд Великобритании заложил главный прецедент для подхода Соединенного Королевства к нарушению

² См.: Grimme Landmaschinenfabrik GmbH & Co KG v Derek Scott [Электронный ресурс] URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff7b660d03e7f57eb16f3> (дата обращения: 28.04.2020) и <http://jiplp.blogspot.com/2011/02/court-of-appeal-delivers-key-judgment.html> (дата обращения: 28.04.2020).

патентных прав и толкованию ст. 60 (2) Патентного закона 1977 г. В решении указывалось, что требовался вывод, сделанный с учетом всех обстоятельств дела и баланса вероятностей, что либо поставщик знал, либо в данных обстоятельствах было очевидно, что некоторые конечные покупатели намереваются использовать или изменить элементы, средства, чтобы непосредственно нарушать патент. Также в деле Гримм против Скотт дается пояснение, что нельзя избежать косвенного нарушения патента в Великобритании, просто рекламируя продукт для определенного, не нарушающего патента использования. Даже в таких случаях косвенное нарушение может все еще быть найдено, если при учете всех обстоятельств, и на основе баланса вероятностей, будет очевидно, что есть условия, при которых некоторые пользователи намереваются изменить продукт таким образом, чтобы непосредственно нарушить патент.

В патентном законодательстве Канады нет закрепления напрямую положений о действиях по косвенному нарушению патента. Однако, согласно прецедентному праву, канадские суды часто ссылаются в своих решениях не на норму писанного права, а на выводы судов в ранее рассмотренных судебных делах. Так, в деле МакЛеннан против Продуитс Гилберт Инк. (MacLennan v. Produits Gilbert Inc)³ были сформулированы три критерия для установления косвенного нарушения патента в виде подстрекательства:

1. В дальнейшем от действий покупателя должно произойти прямое нарушение патента.

2. Нарушение должно быть совершено под влиянием продавца до такой степени, чтобы без такого влияния нарушение, в противном случае, покупателем не совершалось.

3. Данное влияние должно быть сознательно осуществлено продавцом, то есть продавец знает, что его действия приведут к прямому нарушению патента другим лицом.

³ См.: MacLennan v. Produits Gilbert Inc. 2008 FCA 35 [Электронный ресурс] URL: <https://www.canlii.org/en/ca/fca/doc/2008/2008fca35/2008fca35.html> (дата обращения: 28.04.2020).

Такие четкие критерии косвенного нарушения привели к тому, что нарушение констатируется только при доказанном прямом умысле подстрекателя. Так, в отличие от США и Великобритании, производство или продажа непатентованной сменной детали в Канаде не является нарушением закона, даже если единственное возможное применение этой сменной детали заключается в ее использовании в «сборном объекте», являющимся запатентованным изобретением. Для установления косвенного нарушения в этом случае необходимо доказать, что предполагаемый подстрекатель сознательно оказывал влияние и знал, что это приведет к прямому нарушению патента путем использования детали в запатентованном «сборном объекте».

В законодательстве Германии, так же как и в американском и английском праве, нарушение патента подразделяется на прямое и косвенное. Понятие косвенного нарушения патента закреплено в п. 1 ст. 10 Патентного закона Германии, принятого в 1981 г.: «Патент также должен предоставлять охрану в виде запрета на действия третьих лиц без согласия правообладателя, направленных на продажу или предложение к продаже, в рамках действия данного закона, лицам, отличным от тех, кто уполномочен использовать запатентованное изобретение и запатентованные средства, относящиеся к существенным элементам изобретения, для их использования на территории действия данного закона, если трети лица знали или это очевидно из обстоятельств дела, что эти средства подходят для использования и нацелены на использование данного изобретения» [4].

Текст данного положения схож с текстом Патентного закона 1977 г. Великобритании, где также есть оценочные категории, связанные с объективной стороной правонарушения: продажа или предложение к продаже средств, составляющих существенный элемент независимого пункта формулы запатентованного изобретения. Понятно, что оценка существенности использованного элемента независимого пункта дает определенный простор для судебного усмотрения. Также важным является указанный в законе признак субъективной стороны: лицо имеет цель (умысел) реализовать компонент,

который будет использован для нарушения действующего патента. То есть в этом случае речь идет об осведомленности о возникающем нарушении (интеллектуальная часть) и умышленности, то есть желания совершения данных действий (волевая часть).

В правоприменительной практике всех четырех стран суды чаще всего сталкиваются со сложностью в определении *цели* в совершении действий, которые привели к косвенному нарушению патента и (или) повлекли за собой прямое нарушение исключительных прав патентообладателя. Со временем вышестоящие суды и доктрина в каждой из рассматриваемых стран выработали свои критерии, которые помогают установить субъективную сторону предполагаемого правонарушителя, чтобы правомерно привлечь его к ответственности.

Подводя итоги краткого обзора права США, Великобритании, Канады и Германии, необходимо подчеркнуть, что сейчас они содержат схожие определения понятия косвенного нарушения патента, где-то дают более узкое определение (Канада), где-то различают пособничество и подстрекательство (США), а где-то дают единое определение с четкими составляющими для его установления, которые дорабатываются толкованием вышестоящих судов (Великобритания и Германия).

Важно заметить, что правовой институт защиты от косвенного нарушения патента исторически возник в их законодательстве и судебной практике существенно позднее, чем понятие прямого нарушения патента, и потребовалось значительное время, чтобы нормы получили толкование для их грамотного применения судами. Можно обоснованно утверждать, что развитие этого института в последние 20 лет сопряжено с усложнением экономического оборота, в том числе за счет повсеместного использования электронной торговли и других интернет-технологий.

Учитывая опыт ведущих стран, в том числе проанализировав их доктрину, судебную практику и комментарии ведущих специалистов, автор настоящей статьи считает, что институт защиты от косвенного нарушения

патента является важным дополнением к институту защиты от прямого нарушения исключительного права на изобретение. Развитие механизмов защиты от косвенного нарушения патента можно проследить в большинстве патентных систем стран с развитой инновационной экономикой. С учетом этого, представляется целесообразным закрепление и развитие данного правового института в отечественном праве, а именно в Гражданском кодексе Российской Федерации. Автор полагает, что приведенный краткий обзор законодательства США, Великобритании, Канады и Германии и правоприменительной практики в данной области полностью подтверждает выдвинутый тезис.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12. 2006 № 230 // Российская газета. – 2006, № 289. С изм. и доп. в ред. от 18.07.2019.
2. Патентный закон США 1952 г. [Электронный ресурс] URL: https://www.uspto.gov/web/offices/pac/mpep/consolidated_laws.pdf (дата обращения: 28.04.2020).
3. Патентный закон Великобритании 1977 г. [Электронный ресурс] URL: <https://www.gov.uk/guidance/manual-of-patent-practice-mopp/section-60-meaning-of-infringement> (дата обращения: 28.04.2020).
4. Патентный закон Германии 1981 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_patg/englisch_patg.html#p0088 (дата обращения: 28.04.2020).

АНТИМОНОПОЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

*Имамеева Регина Дамировна,
старший преподаватель Университета управления «ТИСБИ»
(г. Казань, Regina-kyz@mail.ru)*

В статье обоснована необходимость изучения искусственного интеллекта в правовой системе. Проведен обзор существующих инструментов выявления антiconкурентных соглашений. Предложена для обсуждения проблема картелей в цифровом поле.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, антимонопольное законодательство, картельный сговор, цифровое право.*

Искусственный интеллект (далее – ИИ) стремительно проникает во все сферы жизни: предлагает удобные маршруты для путешествий, переводит иностранные тексты, подбирает интересные фильмы и книги, одежду. Самообучающиеся алгоритмы порой так навязчиво подсказывают нам выбор, что невольно задумываешься, сам ли ты сделал этот выбор или некая умная система все решила за тебя?

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта и цифрового права привели к созданию таких алгоритмов и систем, которые могут самостоятельно обучаться, находить новые пути решения проблем, становясь независимыми от своего создателя. Они дают результаты, которые не охватывал замысел разработчика, но ставшие возможными благодаря обобщающей способности лежащего в их основе алгоритма [8].

Объектом данного исследования является рассмотрение современных подходов к формированию взаимосвязи антимонопольного регулирования и картельных сговоров.

По мнению С.Б. Авдашевой и А.Е. Шаститко, «активная конкурентная политика состоит в создании условий конкуренции на рынках, где конкуренция до сих пор не существовала или сдерживалась факторами регуляторного характера, в отличие от действий отдельных участников рынка» [2].

Нужно отметить, что антимонопольное регулирование изначально формировалось против воли королей мировой экономики, коими теперь стали, по меткому замечанию журнала *The Economist*, «силиконовые султаны» цифровой экономики [12]. В начале индустриальной эпохи такого эксклюзивного статуса желали своим нефтяным трестам магнаты Рокфеллеры, а сегодня «силиконовые султаны» выступают за неприкосновенность цифровых монополий [3].

Сегодня транспортные, товарные, авиационные, гостиничные рынки переходят в цифровое поле. Наличие сетевых эффектов, в том числе и косвенных, является одним из аргументов, объясняющих немногочисленность поставщиков услуг. Некоторые исследователи неспроста задаются вопросом: «Действительно ли должна быть обеспечена множественность адресации (multihoming) с количеством платформ не менее трех? Оборотная сторона вопроса: как идентифицировать отраслевую принадлежность платформ, где, с одной стороны, может оказываться услуга по предоставлению информации в результате интернет-поиска, а с другой – по размещению рекламы. Вероятно, в ряде случаев можно вообще не обнаружить в действующем классификаторе отраслей тот вид деятельности, который соответствует функционалу той или иной платформы» [10].

Другими словами, правило «меньше трех не собирается» может быть и неприменимо к тем площадкам, на которых происходит интернет- поиск.

Перейдем к вопросу об ответственности за картельные сговоры. Олигополия характеризуется запланированным выбором модели поведения (стратегии), когда хозяйствующий субъект на рынке принимает во внимание предполагаемые ответные действия конкурентов. По мнению Е.О. Прониной, М.С. Сюповой, часто при выборе стратегии своего поведения фирмы

предпочитают вступить в сговор – заключают картельные соглашения (картель) [9].

Картель (фр. Cartel – «вызов на поединок», от cartello – «объявление») – форма монополистического объединения или соглашения, где ценообразование, сферы влияния, условия продаж, использование патентов, регулирование объемов производства, согласование условий сбыта продукции, наем рабочих являются предметом сговора.

Ариэль Эзрачи, профессор Оксфорда и специалист по антимонопольному праву, отмечает, что цифровые картели – это картели, которые стали следствием использования программ, основанных на ИИ [11].

Характерной особенностью ИИ является то, что он действует самостоятельно по независимому от разработчика и пользователя сценарию. Непонятно, будет ли ИИ «играть» в рамках закона или же найдет легкий путь создания «сговоров» для достижения поставленных целей. Другими словами, сговор при использовании программ ИИ сможет осуществляться без участия человека, таким образом, появится цифровая картель, и о существовании конкуренции можно будет забыть.

Если программа ИИ в качестве оптимальной стратегии выбирает стратегию поддержания цены на уровне цены конкурентов, итогом является сговор в автоматическом режиме, произошедший без участия самих хозяйствующих субъектов.

Ключевой вопрос, связанный с цифровыми картелями: кто является субъектом ответственности за сговор в автоматическом режиме? Можно ли считать ответственными за сговор разработчиков программы или хозяйствующих субъектов, которые ее используют. Можно ли вообще говорить об ответственности данных лиц, так как разработчики и субъекты, использующие подобные программы, могут не иметь намерения вступить в сговор. Поэтому другим сложным вопросом является доказывание намерения лиц вступить в сговор [7].

Универсального ответа на вопрос о том, кто является ответственным за цифровой картель, возникший в автоматическом режиме без участия человека, в настоящее время не существует. Вместе с тем абсолютно верным представляется мнение председателя Австралийской антимонопольной комиссии Рода Симсона о том, что от ответственности нельзя уйти, заявив, что «это сделал не я, а мой робот» [13].

Проработка вопроса об ответственности за действия роботов чрезвычайна важна. В частности, в случае искусственного интеллекта нет никаких юридических оснований перекладывать ответственность на компьютерного инженера за то, что он запрограммировал машину, которая в конечном итоге «научилась» координировать цены с другими машинами. Ведь алгоритм ищет самый кратчайший путь к решению поставленной задачи, и, если этот путь лежит через сговор с другими подобными машинами, ответ очевиден.

В рамках рассматриваемой темы автора заинтересовала такая проблема будущего, как оставление цифрового следа. По мере того как системы ценообразования становятся все более автономными, монополистам в конечном итоге не придется даже разговаривать со своими конкурентами, чтобы фиксировать цены. Компьютеры будут вступать в сговор за них, используя тот же алгоритм или участь на их взаимодействии с другими машинами – и все это, не оставляя следов – компрометирующих электронных или голосовых сообщений.

Поэтому, по мнению некоторых экспертов, существующие антимонопольные законы, основанные на намерениях и действиях человека, в цифровую эпоху могут оказаться неэффективными. Рынки, на которых доминируют «робо-продавцы» или автоматизированные боты ценообразования, не будут реагировать на те же стимулы или действовать в соответствии с теми же правилами, что и люди [12].

Алгоритмы вызывают опасения антимонопольного законодательства только в определенных обстоятельствах, например, когда они предназначены для обеспечения сговора или параллельного ценообразования со стороны

конкурентов. Прозрачность цен может способствовать молчаливому сговору, позволяя фирмам легко обнаруживать любые отклонения от согласованных высоких цен.

Специальные инструменты будут мониторить в Интернете цены конкурентов, создавать собственные базы данных о спросе, анализировать оцифрованную информацию и находить ценовые решения в течение миллисекунд – гораздо быстрее, чем любой торговец из плоти и крови. В странах с быстрорастущей экономикой такие инструменты начнут внедрять раньше всего, ведь, как говорят ученые и многие влиятельные политики, данные – это новая нефть. Как известно, кто владеет информацией, тот владеет миром.

Цифровые картели, основанные на ИИ, все-таки больше разработки будущего. Однако ценовые и аукционные работы уже сейчас довольно активно участвуют в торгах. Появились алгоритмы-роботы, перед которыми ставится цель минимизировать цену контракта. Есть роботы, которые, сравнивая цены конкурентов, формируют свою ценовую политику [4].

Для решения конкретных антимонопольных проблем в цифровой экономике могут потребоваться новые правила.

В сложившихся реалиях разработанный ФАС России и принятый в первом чтении пятый антимонопольный пакет представляется актуальным и важным [1]. В частности, пятый антимонопольный пакет содержит определение термина «ценовой алгоритм». Вместе с тем он дает возможность цифровым платформам, в качестве исключения, воспользоваться нормами ст. 13 Федерального закона «О защите конкуренции» в части деятельности, связанной с инновациями.

Для борьбы с цифровыми картелями был создан новый инструмент – так называемый «Большой цифровой кот». Первый модуль программы «Большой цифровой кот» уже апробирован Центральным управлением ФАС России и скоро будет внедрен в работу территориальных органов. Он предназначен для анализа базы закупок в ЕИС, выявления картелей [5].

По мнению заместителя начальника управления по борьбе с картелями ФАС России Антона Тесленко, это повысит эффективность выявления и пресечения антисовокупных соглашений за счет системного подхода и эффективного использования имеющихся у различных органов власти баз данных. По его словам, «первый модуль программы позволяет проводить скрининг открытых данных и выявлять подозрительную активность деятельности хозяйствующих субъектов при участии в торгах. Разрабатываемый второй модуль позволит анализировать закрытые базы данных и, в том числе, будет «отсеять» допустимые соглашения. Третий модуль программы будет построен на базе математической модели, которая позволит оценивать вероятность наличия сговора» [6].

Обобщив вышесказанное, можно сделать вывод, что мир стоит на пороге важных цифровых изменений. Развитие искусственного интеллекта непременно должно привести к изменениям в правовой системе, которые призваны урегулировать вопросы в быстро растущей цифровой отрасли. Для сохранения здоровой конкуренции и решения конкретных антимонопольных проблем в цифровой экономике потребуются новые правила и новые умные цифровые инструменты.

Список литературы

1. Законопроект «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и иные законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс] URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=79428> (дата обращения: 27.04.2020).
2. Авдашева С.Б., Шаститко А.Е. Конкуренчная политика: состав, структура, система // Современная конкуренция. – 2010. – №1; Доступ: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konkurentnaya-politika-sostav-struktura-sistema-1>, свободный (дата обращения: 18.04.2020).

3. Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху. Как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции / под общ. ред. А. Ю. Цариковского, А. Ю. Иванова, Е. А. Войниканис. – М., 2018. – С. 24.

4. Артемьев И.Ю. Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху. Презентация. [Электронный ресурс] URL: <https://fas.gov.ru/press-center/news/detail.html?id=51715> (дата обращения: 07.08.2018).

5. Антон Тесленко: Запущен первый модуль программного обеспечения по выявлению и доказыванию картелей. [Электронный ресурс] URL: <https://fas.gov.ru/news/28865> (дата обращения: 27.04.2020).

6. Антон Тесленко рассказал о борьбе с антиконкурентными соглашениями в цифровую эпоху. [Электронный ресурс] URL: <https://fas.gov.ru/news/28393> (дата обращения: 27.04.2020).

7. Войниканис Е.А., Семенова Е.В., Тюляев Г.С. Искусственный интеллект и право: вызовы и возможности самообучающихся алгоритмов // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2018. – № 4. – С. 145.

8. Обобщающая способность алгоритма – это способность на основании частных наблюдений делать общие выводы. Данная способность составляет суть машинного обучения (см. подробнее, например: Обобщающая способность (Generalization ability). URL: <https://wiki.loginom.ru/articles/generalization-ability.html> (дата обращения: 27.04.2020).

9. Пронина Е.О., Сюпова М.С. Картельные соглашения: теория и практика // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». – 2018. – Т. 9, № 1. – С. 196–201.

10. Шаститко А., Павлова Н. Широкие перспективы и овраги конкурентной политики. Экономическая политика. – 2018. – Т. 13, № 5. – С. 124.

11. Algorithms and Collusion: Competition Policy in the Digital Age. OECD; Algorithmic Collusion: Problems and Counter-Measures – Note by

A. Ezrachi & M. E. Stucke. Roundtable on Algorithms and Collusion OECD 2017 ; Capobianco A., Gonzaga P. Algorithms and competition: Friends or foes? (2017).

12. Robber Barons and Silicon Sultans // The Economist. 2014. Dec. 30.

URL: <https://www.economist.com/news/briefing/21637338-todays-tech-billionaires-have-lot-common-previous-generation-capitalist>.

13. Rod Sims. The ACCC's approach to colluding robots. URL: <https://www.accc.gov.au/speech/the-accc%E2%80%99s-approach-to-colluding-robots> (дата обращения: 27.04.2020).

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ВНЕДРЕНИЯ ПРОГРАММЫ «ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА»

Кирсанова Екатерина Евгеньевна,

аспирант юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,
руководитель юридического департамента
Общества с ограниченной ответственностью
«Новые транспортные системы»
(г. Москва, e.e.kirsanova@gmail.com)

Научный руководитель:

Вайпан Виктор Алексеевич,
доктор юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права
юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

В статье проанализированы основные положения программы «Цифровая экономика Российской Федерации», дано определение и классификация онлайн-платформ, выделены пробелы в определении проблемных блоков содействию цифровизации экономики, а также основные направления развития законодательства в рамках обеспечения правового регулирования.

Ключевые слова: цифровая экономика, правовые принципы, цифровые платформы.

Процесс формирования новой экономической системы начался в связи с качественными изменениями, запустившими процесс перехода от традиционной «материалоемкой и трудозатратной» [5] экономики к системе, в которой происходит замена традиционных факторов производства более современными, цифровыми. С точки зрения экономики процесс активной цифровизации характеризуется как new normal (новая реальность) [9], с точки зрения права также возникает система, отличная от привычной, требующая

закрепления новых способов взаимодействия между хозяйствующими субъектами, обновления антимонопольного регулирования и формирования новой рыночной инфраструктуры в целом.

В соответствии распоряжением Правительства РФ от 2017 г. «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»», «цифровая экономика представляет собой хозяйственную деятельность, ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме, и способствует формированию информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений, развитию информационной инфраструктуры Российской Федерации, созданию и применению российских информационно-телекоммуникационных технологий, а также формированию новой технологической основы для социальной и экономической сферы» [3]. Несмотря на то, что указанное распоряжение признано утратившим силу, в целях настоящего исследования данное определение «цифровой экономики» может использоваться как наиболее полно отражающее не только сущность, но и цели внедрения цифровизации, в том числе в формате национальных проектов.

Исследователями выделяются различные моменты возникновения и становления идеи цифровой экономики: от Конрада Цузе, создавшего в 1941 г. программируемую ЭВМ, и Дона Тэкспотта, сформировавшего в 1994 г. принципы цифровой экономики [6], до Николаса Негропонте, изложившего концепцию в своей книге в 1995 г. [5]. Каждая из указанных точек зрения имеет право на существование, поскольку отражает основной сущностный момент – переход от материального производства к электронному, цифровому, в общем случае нематериальному. Понятие «нематериальный» использовано здесь в значении, противоположном материальному миру, речь не идет о нематериальных активах в понимании ПБУ или личных неимущественных прав с точки зрения гражданского права.

Итак, цифровая экономика представляет собой общественно-экономическую формуцию, при которой происходит снижение уровня влияния признанных ранее экономических ресурсов, а также закрепление цифровых данных в качестве основного фактора производства [5].

Цифровизация предполагает распространение автоматизации существующих процессов, внедрение систем контроля [11]. Сейчас эти процессы протекают разрозненно в различных подсистемах, и одна из ключевых задач – построение единой системы.

При изучении сущности цифровой экономики [10] ставят целью определение применимых правовых форм организации общественных отношений, для чего выделяют следующие *проблемные блоки*, подлежащие изучению:

- правовое положение субъектов (пользователей, операторов, посредников, агрегаторов и т.д.);
- основания возникновения, изменения и прекращения правоотношений (взаимосвязь с получением кодов доступа, блокировками и т.д.);
- правовой режим объектов правоотношений (цифровое имущество, цифровые права);
- правовое содержание правоотношений.

Подробная характеристика каждого из указанных проблемных блоков является темой множества научных работ таких авторов, как, например, Попондопуло В.Ф., Архипов В.В., Наумов В.Б., Федорина А.А., Карлаш Д.С., Санникова Л.В., Харитонова Ю.С., Лаптев В.А., и многих других.

Помимо обозначенных выше выделяют *проблему отсутствия инфраструктуры*, которая позволила бы сделать переход к цифровой эпохе более быстрым и безболезненным для различных сфер общественной жизни, что, в свою очередь, было отражено в программных и стратегических документах по развитию цифровой экономики [2] и информационного общества [1]. Особое внимание следует обратить на то, что цифровая сфера

развивается довольно быстро, что требует применения уникального подхода к формированию законодательства. Даже с точки зрения создания плана мероприятий по построению новой экономической системы отмечают потребность в формировании гибкого регулирования [12].

Итак, *формирование нормативной базы* выделяется в рамках направлений развития цифровой экономики. Реализация этой цели предполагает решение ряда взаимосвязанных задач, включающих в себя принятие соответствующих правовых норм для комплексного регулирования возникающих отношений, использование стимулирующих мер поддержки, при этом важным является сохранение существующих традиций и создание на их основе нового регулирования [8].

Возвращаясь к системе цифровой экономики, отметим, что выделяют [8] три уровня:

- *рынки* отрасли экономики, где осуществляется взаимодействие субъектов рынка;
- *цифровые платформы*, формирующие компетенции для развития рынков;
- *стимулирующую среду*, включающую в себя инфраструктуру, правовое обеспечение, кадровое наполнение и информационную безопасность.

Стоит отметить, что, несмотря на преимущественно коммерческий интерес в развитии цифровых технологий, в сфере государственного управления также постепенно начинается процесс внедрения цифровых технологий. К сдерживающим развитие факторам относят отсутствие стратегии, совмещающей в себе ускорение экономического роста посредством применения цифровых технологий, с одной стороны, и соблюдение прав человека, предупреждение последствий развития информатизации и стабилизацию социальной сферы, с другой [11].

Таким образом, вопросы, которые предстоит решать законодателю, *намного шире оформления понятий и установления правового режима цифровых объектов*, поскольку касаются также оценки влияния принятых

изменений на смежные отрасли права, сопоставление последствий внедрения структурных изменений и т.д. При этом для гармонизации различных отраслей необходимо выделить *принципы, на основе которых будут приниматься нормы права в сфере регламентации отношений, основанных на применении цифровых технологий*. К таковым могут относиться главенство конституционных прав граждан, предупреждение нарушений в сфере экологической безопасности, защита национальных интересов, установление режимов поддержки субъектов, приоритетными направлениями цифровизации в которых являются цели решения социальных проблем или поддержки национальной безопасности (например, введение льготных режимов или особых инструментов таможенного регулирования) [11]. Кроме того, можно предложить принцип приоритета защиты персональных данных и коммерческой информации над внедрением новых технологий.

Как было отмечено ранее, понятие цифровой экономики тесно связано с цифровой платформой, которая представляет собой площадку для проведения операций. Можно сказать даже, что *онлайн-платформы являются одним из инструментов формирования цифровой экономики, это структура, позволяющая приобретать товары или заказывать услуги потребителю, либо бизнес-платформа, формирующая взаимодействие кредитора и должника с привлечением посредника – оператора платформы* [7]. Значимыми характеристиками таких платформ является использование технологий, существенно расширяющих возможности коммуникации между пользователями, сбор данных о взаимодействиях и использование их для формирования сетевого эффекта.

Один из терминов, применимых относительно цифровых платформ, – *marketplace*¹ – отражает коммерческую направленность создаваемых площадок. Выделяют несколько категорий [7]:

- платежно-расчетные (Alibaba, PayPal, eBay);
- информационно-интеграционные (Google, AppStore, Uber, Yandex);

¹ Торговая площадка (Прим.: перевод автора).

- инвестиционные (SoftBank, Booking Holding Inc.);
- инновационные (Oracle, SAP, Microsoft);
- образовательные (YouTube, Coursera);
- социальные (Facebook, Instagram, VK).

Европейской комиссией подчеркивается значимость площадок в процессе развития инновационной среды и цифровой экономики, что справедливо для всех перечисленных выше категорий. Площадки не только создают инфраструктуру проведения сделок в рамках виртуального пространства, но и формируют информационное поле для потребителей². По мнению современных исследователей [4], цифровые платформы существенно потеснят аналоговые материалоемкие рынки.

Таким образом, говоря о возможностях реализации программы «Цифровая экономика» в РФ, следует выделить *несколько проблемных блоков*, помимо указанных в программных документах, которые потребуют пристального внимания законодателя:

- *необходимость закрепления принципов цифровой экономики* позволит определить общие направления развития отраслевого законодательства по вопросу регламентации возникающих отношений;
- *создание механизмов «гибкого» регулирования* является в условиях активного внедрения технологий основой формирования регулирования, отвечающего запросам времени;
- *определение статуса онлайн-платформ, а также их категоризация* позволяют осуществлять конкретизацию применимых правил, предоставляют возможность сформировать типовые правила, по которым та или иная категория должна будет функционировать. В этом ключе интересно обратить внимание на принятый закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», установивший

² См.: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/policies/online-platforms>.

базовые принципы работы для предпринимателей, осуществляющих привлечение денежных средств с использованием инвестиционных платформ.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства РФ, 15.05.2017. – № 20, ст. 2901.
2. Постановление Правительства РФ от 02.03.2019 № 234 (ред. от 07.12.2019) «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (вместе с «Положением о системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации») // Собрание законодательства РФ, 18.03.2019. – № 11, ст. 1119.
3. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 07.08.2017. – № 32, ст. 5138.
4. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики : монография // А.В. Белицкая, В.С. Белых, О.А. Беляева и др.; отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. – М.: Юстицинформ, 2019. – 376 с.
5. Вайпан В.А. Правовое регулирование цифровой экономики // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». – 2018. – № 1. – С. 12–17.
6. Ивардава Л.И. Изменение сферы и пределов правового регулирования в условиях цифровой экономики // Безопасность бизнеса. – 2019. – № 1. – С. 39–47.
7. Карцхия А.А. Цифровые технологические (онлайн) платформы: российский и зарубежный опыт регулирования // Гражданское право. – 2019. – № 3. – С. 25–28.

8. Кузнецов П.У. Комплексный подход к правовому регулированию общественных отношений в области цифровой экономики // Российский юридический журнал. – 2018. – № 6. – С. 154–161.
9. Медведев Д.А. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. – 2015. – № 10. – С. 5–29.
10. Попондопуло В.Ф. Правовые формы цифровых отношений // Юрист. – 2019. – № 6. – С. 29–36.
11. Селюков А.Д. Цифровая экономика как объект финансово-правового обеспечения в Российской Федерации (концептуальные аспекты) // Финансовое право. – 2018. – № 10. – С. 19–24.
12. Шарапина Н.Л. Цифровая экономика как приоритетная национальная цель развития Российской Федерации: правовой аспект // Финансовое право. – 2018. – № 9. – С. 17–21.

ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ВЕКТОР, ГЕНЕТИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ

Колонтаевская Ольга Львовна,

магистрант ФГБОУ ВО РГАИС, 2 курс,

направление подготовки «Управление интеллектуальной собственностью»

(г. Москва, olia833@yandex.ru)

Научный руководитель:

Китайский Владимир Евгеньевич,

кандидат технических наук, доцент,

доцент кафедры «Патентного права и правовой охраны

средств индивидуализации» ФГБОУ ВО РГАИС

Статья содержит обзор практики охраны таких объектов интеллектуальной собственности, как векторы и генетические конструкции. Даны их характеристика и выявлена проблематика патентования данных объектов. Статья может быть полезной специалистам в области патентования, а также лицам, занятым в изобретательской деятельности.

Ключевые слова: вектор, генетическая конструкция, рекомбинантная ДНК, патентование.

Анализ существующих нормативных документов в области патентования таких изобретений, как «генетическая конструкция» и «вектор», показал следующее. Согласно Требованиям [3], «в формулу изобретения, характеризующую генетическую конструкцию или генетическую конструкцию, которая характеризуется нуклеотидной последовательностью либо относится к трансгенному организму, за исключением человека, включаются ее наименование с указанием назначения или определяющей назначение биологической функции и признаки, характеризующие конструктивное

выполнение». Таким образом, данное изобретение характеризуют либо совокупностью конструктивных элементов и их взаиморасположением, либо последовательностью SEQ ID NO, что дает широкий простор для творчества при изложении формулы изобретения. Так, в объекте изобретения «вектор» может использоваться множество регуляторных элементов, обеспечивающих высокую эффективность работы вектора. Составными частями при этом способны являться, например, промотор, репортерные гены, линкеры, спайсеры, сайты узнавания и встраивания, повторы ITR, LTR, и т.д.

Зачастую патентоспособность таких изобретений вызывает сомнения в связи с кажущейся очевидностью влияния признаков, относящихся к конструктивным особенностям генетических конструкций, на достигаемый технический результат.

Согласно определению, данному Б. Гликом и Дж. Пастернаком [4], «рекомбинантная плазмида – это плазмида, измененная методами генной инженерии. Состоит из участков разных плазмид, либо содержит сегменты ДНК других организмов».

«Рекомбинантная ДНК – это молекула ДНК, полученная объединением *in vitro* разнородных, вместе нигде в природе не существующих, фрагментов ДНК».

«Вектор – самореплицирующаяся молекула ДНК (например, бактериальная плазмида), используемая в генной инженерии для переноса генов».

Согласно определению О.Д. Скуратовской [7], «генетическая конструкция – это полученная *in vitro* комбинация генетических элементов, то есть искусственно созданная рекомбинантная нуклеотидная последовательность».

Все указанное выше является изобретением, согласно российскому [2] и зарубежному законодательству. Приведенные объекты патентования объединяет такая совокупность общих признаков, как наличие связанных участков нукleinовой кислоты, причем данные участки подобраны и связаны

искусственно, для достижения определенных целей, что диктуется функциями их составных частей, хорошо известными из уровня техники.

Первый патент на модифицированные дезоксирибонуклеиновые кислоты (далее – ДНК) был получен в 1980 г.: Стэнфордский университет закрепил за собой право использовать разработанную в лабораториях Стэнли Коэна и Герберта Боера технологию создания рекомбинантных ДНК, которая позволяла вносить разнообразные изменения в геномы живых организмов и положила начало созданию ряда изобретений, связанных с технологиями генетических конструкций.

В настоящее время для заявок, поданных после октября 2016 г., действуют Требования к документам заявки на выдачу патента на изобретение, согласно которым [3, п. 53], «в формулу изобретения, характеризующую химическое соединение с установленной структурой любого происхождения, включаются наименование соединения по одной из принятых в химии номенклатур, или обозначение соединения и его структурная формула»; «в формулу изобретения, характеризующую генетическую конструкцию, или генетическую конструкцию, которая характеризуется нуклеотидной последовательностью либо относится к трансгенному организму, за исключением человека, включаются ее наименование с указанием назначения или определяющей назначение биологической функцией и признаки, характеризующие конструктивное выполнение».

Приведенных в формуле изобретения существенных признаков вектора или генетической конструкции должно быть достаточно для возможности отличить данное соединение от прочих подобных и получить его на практике; также приводится назначение заявленного изобретения. Зачастую наряду с генетической конструкцией в многозвенных формулах заявляются и другие биологические объекты, включающие данную конструкцию в свой состав, такие как трансформированная клетка, трансгенный микроорганизм, организм, рекомбинантный штамм. Так же патентуются способы и применения, осуществляемые с использованием такой конструкции [5].

В случае если в пункте формулы охраняется вектор, охарактеризованный последовательностью олигонуклеотидов, как SEQIDNO, для определения соответствия условиям новизны и изобретательского уровня используется генетический поиск по последовательностям, который, как правило, подтверждает соответствие изобретения упомянутым условиям.

В случае если для характеристики вектора используются его конструктивные части, они должны быть охарактеризованы, и соответствовать требованиям ясности и достаточности раскрытия [1, пп. 2, 3, ст. 1375]. При этом заявители зачастую практикуют максимальную зонтичность патентов, ссылаясь на очевидность для специалиста взаимозаменяемости конкретных конструктивных частей исходя из известности их и их функций специалисту из уровня техники. В таком случае речь чаще всего идет о конструктивной характеристике вектора путем указания большинства его составных частей в общем виде, например: вектор, содержащий промотор, оператор, маркерный ген, полилинкер, терминатор. При этом заявители ссылаются на известность регуляторных элементов векторов и очевидность для специалиста их использования, поскольку изобретение заявлено как реализующее определенное назначение, и без их использования реализация назначения была бы невозможна, т.е. автоматически отмечается вариации, включающие неработающие части вектора.

Интерес вызывает сложившийся мировой взгляд на вектор как объект изобретения. Его наглядно демонстрирует решение Верховного Суда США от 13.06.2013 по делу Ассоциации молекулярных патологий против «Мириад Генетикс» (Association For Molecular Pathology Et Al v. MYRIAD GENETICS, INC.) [6]. В данном решении указано, что отдельные гены, существующие в природе, не являются патентоспособными, однако плазмиды, содержащие искусственные сочетания генов, в природе не встречающиеся, имеющие неестественное происхождение, как продукт человеческой изобретательности, со своим особым назначением и применением, относятся к патентоспособным объектам [6]. Таким образом, несмотря на известность и очевидность

использования в составе конструкции нуклеотидных последовательностей, генетическая конструкция в целом признается соответствующей условиям новизны и изобретательского шага в мировой практике.

С одной стороны, патентование генетических конструкций, описанных с позиции конструктивных частей (то есть получение зонтичных патентов) может привести к торможению развития науки и техники в связи с монополизацией в данной отрасли. В то же время отказ в выдаче патента на объекты изобретения «вектор» и «генетическая конструкция» в связи с очевидностью использования известных из уровня техники регуляторных элементов может привести к сокращению количества компаний, заинтересованных в применении таких разработок. Только при внимательном рассмотрении всех аспектов патентной политики в отношении генетических конструкций может быть достигнуто такое положение равновесия, которое будет способствовать научному прогрессу и учитывать все возможные опасности. Ввиду перспективности широкого применения разработок из данной области в медицине и здравоохранении, следует стимулировать изобретательство отечественных авторов не только путем надлежащего финансирования таких разработок, но и путем разъяснения им способов более широкого составления описания и формулы изобретения. Повышение изобретательской деятельности отечественных разработчиков в сфере биотехнологических разработок и технологий рекомбинантной ДНК может открыть широкие перспективы для повышения уровня здравоохранения, улучшения качества жизни и здоровья граждан нашей страны.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24.11.2006: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации

08.12.2006 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 52, ч. 1, ст. 5496.

2. Административный Регламент исполнения Федеральной службой по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам государственной функции по организации приема заявок на изобретение и их рассмотрения, экспертизы и выдачи в установленном порядке патентов РФ на изобретение. Приказ Министерства образования и науки РФ от 29.10.2008 № 327. [Электронный ресурс]: Доступ из СПС «Гарант» URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/95157/> (дата обращения: 25.04.2020).

3. Требования к документам заявки на выдачу патента на изобретение. Утверждены приказом Минэкономразвития России от 25.05.2016 № 316. [Электронный ресурс]: Доступ из СПС «Гарант» URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/94864/> (дата обращения: 25.04.2020).

4. Б. Глик, Дж. Пастернак. Молекулярная биотехнология. Принципы и применение. – М.: Мир. – 2002, – С. 545, 558.

5. Калмыкова Л.В., Смирнова Г.А. Патентование объектов в области биотехнологии // Патенты и лицензии. – 2005. – № 6. – С. 7–8.

6. Патентование генов (Комментарий Дмитрия Гадомского, партнера практики ИТ и медиаправа) [Электронный ресурс]: URL: <https://juscum.com/ru/patentuvannya-geniv-komentar-dmitra-g/> (дата обращения 10.02.2020).

7. Скуратовская О.Д. Генетическая конструкция как объект изобретения // Патенты и лицензии. – 2005. – № 5. – С. 7–12.

ПАТЕНТОВАНИЕ И НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Корнеев Павел Сергеевич,
аспирант ФГБОУ ВО РГАИС,
направление подготовки «Юриспруденция»
(г. Москва, р.korneev@rgriis.ru)

Научный руководитель:
Орлова Валентина Владимировна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры «Патентного права и правовой охраны
средств индивидуализации» ФГБОУ ВО РГАИС

В статье анализируются показатели патентования, представленные патентным ведомством Российской Федерации за последние пять лет в разрезе Указа Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» и Постановления Правительства РФ от 29 марта 2019 г. № 377 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации». Отмечается, что несовершенство предлагаемых изменений в ст. 1366 части четвертой ГК РФ вряд ли позволит преодолеть феномен «коллекционирования» патентов у единоличных патентообладателей, затруднит качественный анализ деятельности патентного ведомства Российской Федерации, а также не позволит сформировать в полной мере комфортную среду для патентования технических решений по приоритетным направлениям развития науки и техники. Предлагаемые автором изменения призваны повысить активность заявителей и заинтересованных в приобретении прав на патенты лиц.

Ключевые слова: научно-технологическое развитие, патентование, статья 1366 ГК РФ, часть четвертая ГК РФ.

Динамичное преобразование окружающего мира опосредует изменения в области науки и техники, помогая определить, какие из них стали востребованными, а какие утратили былую актуальность. Характеристика уровня технологического развития того или иного государства напрямую зависит от того, что государство считает приоритетным и жизненно необходимым и какие усилия для достижения технологического первенства оно прилагает.

Сегодня уже можно говорить о том, что существующие методики оценки уровня научно-технологического развития стран [8] достигли зрелой фазы своего развития и выявление этого уровня посредством методик позволяет принимать решения для эффективного ответа на «большие вызовы» [2], которые стоят на пути гармоничного развития страны и благосостояния граждан. Установленные государством приоритеты [2; 3] научно-технологического развития призваны не только достойно ответить на эти вызовы, но и консолидировать общество, науку, бизнес и власть с целью развития научной инициативы, достижения независимости и самостоятельности в формировании систем жизнеобеспечения страны.

Несмотря на более чем серьезную постановку задач развития деятельности от государства, сфера патентования вынуждена претерпевать постоянные изменения в целях соответствия сложившейся обстановке. На данный момент Российская Федерация столкнулась с рядом проблем в сфере патентования. Отмечается [6; 9] снижение патентной активности резидентов и нерезидентов РФ при патентовании технических решений, высокая стоимость всех процедур патентования, повышенный интерес к снижению сроков рассмотрения патентных заявок и проведения экспертизы по существу, поиски инвесторов для практической реализации и коммерциализации технических решений и т.д. Тем не менее, принятые целевые

программные документы в сфере научно-технологического развития, частью которого является и патентование: Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» (далее – Указ) и Постановление Правительства РФ от 29.03.2019 № 377 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» (далее – Программа), которые содержат в себе не только плановые показатели деятельности в сфере патентования, но и планы реализации достижения таких показателей. Безусловно, данные документы охватывают огромный перечень направлений деятельности, поэтому здесь будут рассмотрены именно те, которые призваны напрямую повысить качество технических решений, которым должна быть предоставлена охрана в приоритетных для Российской Федерации сферах науки и техники.

В пп. а–г п. 20 Указа обозначены наиболее важные для развития Российской Федерации области техники, по которым в ближайшие годы ожидается создание технических решений. Следует отметить, что на основании годовых отчетов [12] Роспатента за последние пять полных лет можно выделить классы Международной патентной классификации (далее – МПК), по которым чаще всего выдавались патенты на изобретения (см. таблицу).

Таблица

**Распределение выданных патентов на изобретения в России
по классам МПК**

Год\класс МПК	2015	2016	2017	2018	2019	Итого выданных патентов по классам МПК	Процентное соотношение количества выданных патентов за весь период к их общему числу
A	8283	7344	7577	7647	7577	38428	22%
C	5910	7894	5677	5362	5133	29976	17%

Продолжение таблицы

B	5618	4689	5501	6216	6313	28337	16%
G	5231	4785	5736	6041	5649	27442	16%
F	3824	3434	3972	4262	3744	19236	11%
H	3506	3212	3405	3663	3410	17196	10%
E	2068	1925	2087	2241	1888	10209	6%
D	266	253	299	342	294	1454	1%

Таблица содержит отсортированные по убыванию значения за последние пять, из чего видно, что чуть более половины выданных патентов составляют технические решения по классам А, С и В, т.е. «Удовлетворение жизненных потребностей человека; сельское хозяйство», «Химия; металлургия» и «Различные технологические процессы; транспортирование», соответственно.

Из положений п. 20 Указа становится очевидным, что акцент должен быть сделан на технических решениях тех классов, которые относятся к различным технологическим процессам, химии, металлургии, машиностроению и иным технологически значимым секторам производственной деятельности. Конечно, это не означает, что стоит игнорировать решения, связанные с жизнеобеспечением деятельности человека, ведь в класс «А» включаются не только пищевые продукты, предметы личного и домашнего обихода, но также и другие важнейшие группы решений, а именно А61 «Медицина и ветеринария; гигиена» и А62 «Спасательная служба; противопожарные средства».

Безусловно, для получения более точных результатов (классы состоят из подклассов, групп и подгрупп) и их последующего анализа понадобится отдельное исследование. На данный момент опубликованы (см. рисунок) [10] данные за 2015–2017 г., которые показывают примерное распределение выданных в Российской Федерации патентов по технологическим областям.

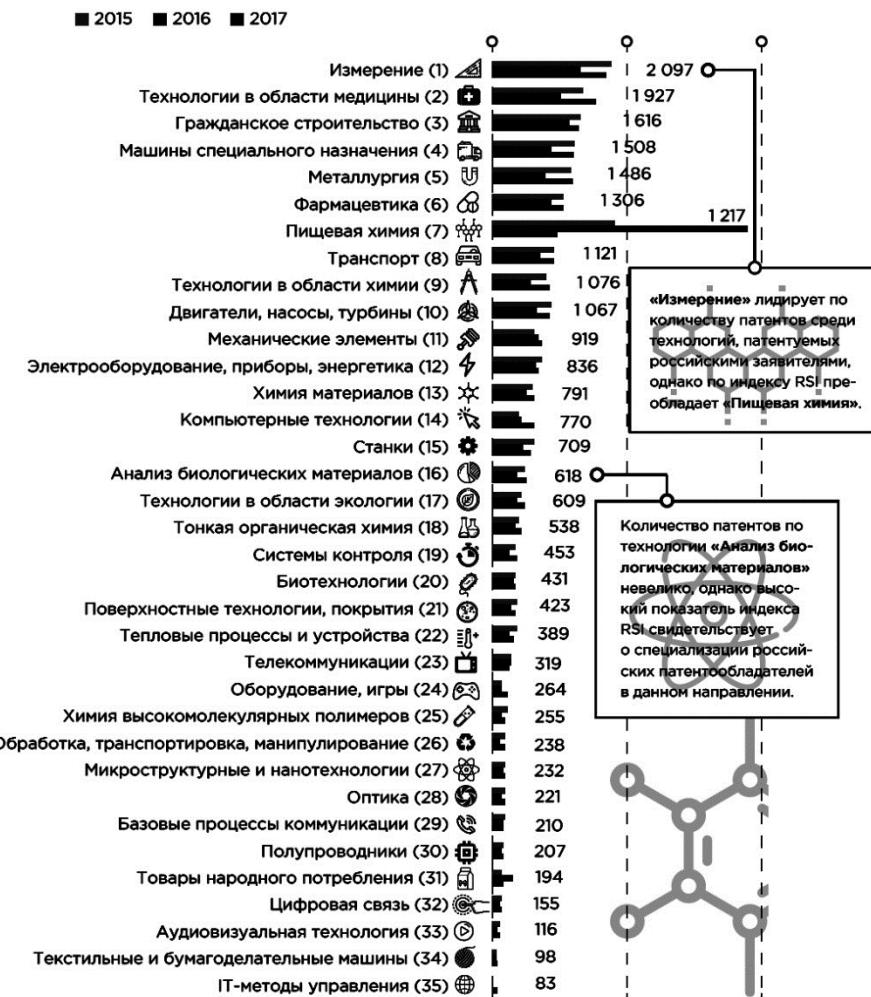

Рис. Число выданных патентов для отдельных технологических областей

В определенной степени преобладание технических решений класса А среди получивших охрану в Российской Федерации, объяснимо тем, что на фоне развития сферы высокотехнологичной медицины в России [4] не уменьшалось количество изобретателей, которые занимались «поточным» патентованием в сфере производства пищевых продуктов. Например, на долю О.И. Квасенкова в 2015 г. приходилось 1229 патентов [7], и практически все из них касались способов приготовления и производства различных видов консервов. Это настолько сильно повлияло на показатели технологической специализации нашей страны, что, по оценке ВОИС, Российская Федерация в 2017 г. была признана мировым лидером патентования в области пищевой химии [10].

В связи с этим возникает резонный вопрос: неужели Россия нуждается в таком количестве способов консервации продуктов, а не в высокотехнологичных устройствах для выполнения точнейших операций или наиболее сложных вычислений? Согласно Указу и Программе, Российская Федерация нуждается именно в передовых технических решениях. В связи с этим отдельного внимания заслуживают положения ст. 1366 ГК РФ, которые в определенной степени обусловили вышеуказанное положение дел.

Ситуация, вызванная наличием большой доли единоличных патентообладателей, не осталась незамеченной. После нескольких лет ее анализа Правительство РФ предложило лимитировать количество заявок на получение патента, поданных в течение года одним заявителем [5], которые не будут облагаться патентными пошлинами. Такое достаточно серьезное ограничение, очевидно, ставит под удар не только любителей «коллекционировать» патенты, но и добросовестных изобретателей, планирующих развитую и сложную систему патентных заявок для полноценной защиты технических решений.

Проводя анализ этих положений по порядку, следует начать с формулировки п. 2 ст. 1366 ГК РФ [1]. Представляется необходимым указать такую формулировку, при которой лицо, получившее права на техническое решение на основании договора об отчуждении патента на изобретение и использующее в своей деятельности это техническое решение, должно иметь право на льготы по уплате патентных пошлин на период до двух лет для введения в оборот продукции, содержащей этот результат интеллектуальной деятельности. Таким образом, новые положения п. 2. ст. 1366 ГК РФ косвенно мотивируют к приобретению прав на изобретение по договору об отчуждении, а также к скорейшей его коммерциализации.

Наиболее продуктивным и качественным шагом будет продолжение работы с сущностью обозначенной проблемы, которая в определенной степени заключена в имеющемся в рамках формулировки п. 3 ст. 1366 ГК РФ упущении относительно продолжительности ожидания письменных уведомлений

о желании заключить договор об отчуждении патента, согласно которому патентообладатель лишь может подать в указанный федеральный орган ходатайство об отзыве своего заявления. Представляется разумным асимметричное относительно ограничительных мер решение, а именно, изменение предложенной практики «лимитирования» числа заявок на одного автора технического решения за конкретный период времени, в течение которого он должен принять решение об отзыве своего заявления. Замена элемента дозволения «может» в текущей редакции п. 3 ст. 1366 ГК РФ на элемент «долженствования» «должен», с учетом вышеуказанного расширенного временного периода, не позволит техническим решениям до бесконечности сохранять статус «в поиске нового правообладателя». Соответственно, за превышение «льготного периода поиска» не отзавший заявление патентообладатель должен будет возвратить не уплаченные ранее пошлины и уплачивать в дальнейшем патентные пошлины в установленном порядке.

В заключение стоит отметить несколько важных положений. Наличие большого числа патентов далеко не всегда отражает их качественную составляющую. Решающий показатель в борьбе за технологическое превосходство – это прорывной или превосходящий аналог характер конкретного технического решения, будь то изобретение или полезная модель. Для ряда отраслей и структур важны показатели, которые позволяют оценить инновационный потенциал той или иной страны, тем самым охарактеризовать ее инвестиционную привлекательность, что для Российской Федерации делает необходимым вхождение «в пятерку ведущих стран мира по удельному весу в общем числе патентных заявок на изобретения в областях, определяемых приоритетами научно-технологического развития» [3]. Из этого следует, что дискурс о новом совершенствовании ст. 1366 ГК РФ позволит создать условия для качественного исправления ситуации с большим числом единоличных патентообладателей, облегчит дальнейший анализ показателей в сфере

патентования и создаст относительно благоприятные условия для патентования по приоритетным направлениям научно-технологического развития.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Правительства РФ от 29 марта 2019 г. № 377 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2012 г. № 2580-р «О Стратегии развития медицинской науки в РФ на период до 2025 г.» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Проект Федерального закона № 873108-7 «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 27.12.2019) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Дурнев И.А. Некоторые проблемы российского патентного права // Вестник современных исследований ; Изд.: ИП Соловьев Вадим Анатольевич (Омск). – 2018, выпуск 12.6 (27). – С. 49–51.
7. Кураков Ф.А. Оценка места России в мире по удельному весу в числе заявок на патенты // Экономика науки. – 2018. – Т. 5. – № 1. – С. 19–39.
8. Руденко Д.Ю., Диденко Н.И. Мировой опыт оценки уровня научно-технологического развития // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2016. – Том 2, № 4. – С. 129–147.

9. Святенко И. Проблемы и перспективы патентования в условиях российской реальности. Интервью Григория Ивлиева // CITYMAGAZINE, март-апрель 2018. – № 28.

10. World Intellectual Property Indicators 2017 (2017) / WIPO. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_941_2017.pdf. (дата обращения: 01.02.2020).

11. Сайт Министерства просвещения Российской Федерации. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://funds.riep.ru/> (дата обращения: 01.02.2020).

12. Сайт Роспатента. Раздел «Годовые отчеты». [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rupto.ru/ru/about/reports> (дата обращения: 01.02.2020).

СИСТЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ СЕКРЕТНЫХ ИЗОБРЕТЕНИЙ

Королева Анастасия Сергеевна,

магистрант ФГБОУ ВО РГАИС, 2 курс,

направление подготовки «Управление интеллектуальной собственностью»

(г. Москва, koroleva.anastasiya.96@mail.ru)

Научный руководитель:

Ревинский Олег Витальевич,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры «Патентного права и правовой охраны

средств индивидуализации» ФГБОУ ВО РГАИС

В статье рассматривается специфика правовой охраны секретных изобретений, суть которой проявляется в противоречии между правовыми институтами интеллектуальной собственности и государственной тайны. Первый из них требует широкого оповещения общественности о новом техническом решении в целях развития научно-технического прогресса, а второй – ограничения информации о нем в целях недопущения ущерба для обороноспособности государства.

Ключевые слова: правовая охрана, секретные изобретения, правовые институты, интеллектуальная собственность, обороноспособность государства, промышленная собственность, государственная тайна.

Правовой статус секретных изобретений был окончательно определен в нормативных документах второй половины XX в. [5]. Важную часть системы правовой охраны секретных изобретений составляет Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне» [2] (далее – Закон № 5485-1).

Помимо необходимости соблюдения требований законодательства о государственной тайне правовая охрана секретных изобретений имеет следующие особенности:

- из состава субъектов правоотношений, связанных с правовой охраной секретных изобретений, исключены иностранные граждане или иностранные юридические лица;
- при установлении новизны заявленного технического решения расширен объем информационного поиска за счет сведений о секретных изобретениях, запатентованных в Российской Федерации, и секретных изобретений, на которые выданы авторские свидетельства Союза Советских Социалистических Республик (СССР);
- наличие запрета на публикацию сведений о заявках и патентах на секретные изобретения, а также об относящихся к секретным изобретениям изменениях в реестрах;
- использование секретного изобретения и распоряжение исключительным правом на него осуществляются с соблюдением законодательства о государственной тайне.

Но, несмотря на перечисленные ограничения, правовая охрана секретных изобретений является значимой составляющей изобретательской работы, поскольку обеспечивает равноправные условия для технического творчества как в открытых, так и в закрытых сферах военно-технической деятельности.

Следует обратить внимание на то, что существование прочной взаимной связи между секретным изобретением и основополагающими принципами охраны государственной тайны в России предполагают наличие значительных пределов в полномочиях прав правообладателя на такое изобретение [4].

Таким образом, значимость проблематики исследования очевидна с позиции правового регулирования и управления использования таких объектов интеллектуальной собственности.

Представляется необходимым проведение полноценного исследования института секретных изобретений в Российской Федерации, управления им

и порядком возникновения прав на данные объекты с целью выявления пробелов в законе и внесения адекватных изменений в гражданское законодательство России.

Однако отдельные проблемы нормативного правового режима секретных изобретений, несмотря на значительное число научных трудов и исследований, не отвечают критерию полноты разработанности.

Закон № 5485-1 включен как важный элемент в систему правовой охраны секретных изобретений. Он определяет основные понятия и регулирует основные направления для создания режима секретности.

Фактическим основанием для отнесения информации к государственной тайне является то, что разглашение информации причиняет вред безопасности и обороноспособности Российской Федерации. Однако Закон № 5485-1 содержит обобщенный характер сведений, и выяснить, какой объект относится к секретным, а какой не относится, можно только при изучении исчерпывающего перечня, утвержденного уполномоченным органом государственной власти.

Главный показатель отнесения сведений к определенной степени секретности – это степень тяжести ущерба, который наносится безопасности Российской Федерации вследствие распространения секретных сведений [3].

Как было отмечено, уровень секретности сведений, носящих в себе государственную тайну, должен соответствовать степени тяжести вреда, который причиняется безопасности Российской Федерации посредством разглашения такой информации. Характеризующие показатели причиняемого вреда можно определить согласно нормативно-методическим документам, утвержденным руководителями уполномоченных государственных органов власти по отнесению сведений к государственной тайне.

Такие данные, характеризующие степень вреда безопасности Российской Федерации, не публикуются официально.

Секретным изобретениям предоставляется патентная система охраны, что включает и осуществление исключительных прав в режиме секретности. Такой правовой механизм применяется с 1 января 2004 г.

В отличие от секретных изобретений правовая охрана секретным полезным моделям и секретным промышленным образцам законодательством не предоставлена.

Согласно российскому гражданскому законодательству, в национальное патентное ведомство подается заявка на выдачу патента. В российском патентном праве действует процедура отложенной экспертизы при рассмотрении заявок о выдаче патентов на изобретения (заявок на изобретения). Смысл данной системы состоит в том, что рассмотрение заявки проходит две основные стадии [8]:

- формальная (предварительная) экспертиза, завершаемая публикацией данных о заявке, если она прошла эту стадию с положительным результатом;
- экспертиза заявки на соответствие ее предмета требуемым для получения патента условиям.

Гражданское законодательство содержит общее правило, в соответствии с которым не публикуются сведения, имеющие отношения к секретным изобретениям. Любое распространение информации о таких данных должно происходить по правилам законодательства о государственной тайне. Также с выдачей патента на секретное изобретение связано большое количество ограничений.

Согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации (далее – ГК РФ), «использование запатентованного секретного изобретения, передача исключительного права на секретное изобретение (отчуждение патента) и предоставление права на использование секретного изобретения другим лицам осуществляется с соблюдением законодательства о государственной тайне» [1].

В Закон № 5485-1 не включены какие-либо положения в отношении процедуры изменения степени секретности сведений, относящихся

к государственной тайне, и процедуры изменения грифов секретности носителей таких сведений [6].

Процесс, связанный с рассекречиванием секретных видов изобретений, определяется п. 1 ст. 1403 ГК РФ. Способы рассекречивания изобретений следующие:

- 1) отмена ограничений на распространение сведений о засекреченном изобретении посредством публикации данных о заявке, а также отмена ограничений на доступность документов, поданных с заявкой, и после публикации самой заявки посредством отмены грифа секретности, обозначенного на документах;
- 2) отмена ограничений на распространение сведений об изобретении посредством публикации сведений об охранном документе, в том числе, о наименовании и формуле изобретения, снятие запретов на доступ к заявочным документам, по которым выдан патент, посредством отмены грифа секретности, имеющегося на документах заявки и на патентной грамоте.

Объем имеющихся прав обладателей секретных изобретений отличен от объема прав патентообладателей несекретных изобретений. Применение режима секретности предусматривает ограничение прав собственности на информацию и ограничения, предопределляемые обязательством по неразглашению секретной информации.

В неравных условиях находятся субъекты указанного права по сравнению с иными хозяйствующими субъектами страны в связи с соблюдением требований Закона № 5485-1. При трансфере технологий управления в гражданский оборот и рассекречивании изобретения патент автоматически должен переоформляться на обычный без подачи новой патентной заявки с заново текущим сроком действия [7].

К элементам предлагаемой управленческой схемы относится отказ от патентной системы охраны секретного изобретения, что ликвидирует юридический конфликт между потребностью его применения тем или иным

властным государственным органом и правом обладателя – монополиста на патент, допускающим запрещение такого применения.

Важнейшим звеном предлагаемой схемы станет выдача правообладателю специального охранного документа – авторского свидетельства. После процедуры рассекречивания изобретение должно переводиться в правовой режим патентной охраны.

Другой элемент, логично продолжающий данную схему управления секретными изобретениями и их охраны, связан с тем, что исключительное право на секретное изобретение закреплено за государством.

Предложенная система правовой охраны изобретений, относящихся к секретным, диктует потребность внести частичные изменения в диспозиции отдельных норм части четвертой ГК РФ.

Очертим лишь границы таких изменений:

1) предлагается исключить из диспозиции и названия ст. 1401 ГК РФ словосочетание «выдача патента», заменить словосочетанием «заявка на секретное изобретение» словосочетание «заявка на патент»;

2) изменить диспозиции статей 1402 и 1403 ГК РФ с учетом результатов исследования;

3) название ст. 1404 ГК РФ заменить на «Изменение степени секретности и рассекречивание изобретений», а в подпунктах 1–3 исключить слово «патент»;

4) подп. 4 ст. 1404 ГК РФ изложить в предлагаемой редакции:

«Если с момента выдачи рассекречиваемого изобретения, на которое выдано авторское свидетельство, не прошло 20 лет, то оно меняется на патент, действие которого ограничивается сроком, остающимся до истечения двадцатилетнего периода».

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // Российская газета, № 289, 22.12.2006, 06.11.2019.
2. Закон РФ «О государственной тайне» от 21.07.1993 № 5485-1 (ред. от 29.07.2018) // Российская газета, № 182, 21.09.1993.
3. Аверина В.О. Защита прав авторов на результаты интеллектуальной собственности: некоторые вопросы теории и практики // Вопросы права и проблемы становления гражданского общества в России. – Хабаровск: Изд-во ДЮИ МВД России, 2009.
4. Воскресенская Е.В. Конституционно-правовое значение интеллектуальной собственности: опыт евразийской интеграции // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 3.
5. Евстафьев В.Ф., Потемкин О.А., Хитрова Л.Н. Правовое регулирование в области секретных изобретений. – М.: ПАТЕНТ, 2006. – 131 с.
6. Лобастов А.А., Исмаилов К.И. оглы, Воскресенская Е.В. Конституционно-правовая защита интеллектуальной собственности // Социология и право. – 2017. – № 2.
7. Новоселова Л.А., Рожкова М.А. Интеллектуальная собственность: некоторые аспекты правового регулирования. – М.: Инфра-М, 2014. – 128 с.
8. Павлов В.П. Некоторые спорные вопросы охраны интеллектуальной собственности в новой реакции части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации : Сб. материалов форума «Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики». – 2015. – 426 с.

УПРАВЛЕНИЕ ПРОЕКТАМИ ПО СОЗДАНИЮ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Марченко Руслан Александрович,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры «Управления инновациями и коммерциализации
интеллектуальной собственности» ФГБОУ ВО РГАИС

(г. Москва, martschenko@mail.ru)

Пятаева Ольга Алексеевна,

кандидат экономических наук,

и.о. заведующей кафедрой «Международных экономических
и финансовых отношений» ФГБОУ ВО РГАИС

(г. Москва, o.pyataeva@rgiis.ru)

В статье рассмотрены некоторые экономические и правовые аспекты управления проектами по созданию объектов интеллектуальной собственности (ОИС), вопросы правовой охраны и защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности, формирования стоимости ОИС и оценки эффективности нематериальных активов при реализации проектов такого характера. Материал статьи будет полезен специалистам, занимающимся созданием и коммерциализацией интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, ОИС, управление проектами, НМА, РИД, коммерциализация ОИС.

Вопросы реализации инвестиционных проектов в инновационной сфере и порядок их разработки, применения различных методов оценки эффективности проектов, расчета и анализа финансовых показателей актуальны в настоящее

время как никогда ранее. Совершенствование профессиональных компетенций в сфере управления созданием объектов интеллектуальной собственности (далее – ОИС) представляется важнейшим направлением подготовки специалистов по интеллектуальной собственности. При этом уже на этапе обучения в вузе целесообразно повышать уровень их профессиональных компетенций в управлении проектами по созданию ОИС в следующих сферах: финансовое моделирование и экономическая оценка проектов по созданию ОИС; стратегия правовой охраны создаваемых/приобретаемых результатов интеллектуальной деятельности (далее – РИД); бизнес-модель развития и стратегия коммерциализации РИД; методологическое обеспечение бизнес-процессов в сфере управления правами на РИД; защита исключительных прав на полученные РИД; управление процессом формирования стоимости создаваемого объекта интеллектуальной собственности.

Информационной основой настоящей статьи стали исследования ученых и практиков, специалистов в сфере коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности: И.А. Близнеца, Б.Б. Леонтьева, В.Н. Лопатина, Х.А. Мамаджанова, И.С. Мухамедшина, В.И. Мухопада, А.В. Тычинского, А.Ю. Павлова, Г.А. Ахмедова, Е.А. Войниканис, К.Д. Глазуновой, В.Р. Смирновой и др. [2; 5; 6], а также собственные наработки авторов.

На основании материалов многочисленных проектов по управлению, созданию и коммерциализации объектов интеллектуальной собственности, реализованных авторами в 2012–2018 гг., представляется актуальным рассматривать данный вопрос комплексно, во взаимосвязи следующих основных блоков:

- процедуры управления проектами по созданию ОИС;
- методики управления проектами по созданию ОИС, формирования стоимости НМА в процессе создания ОИС и управления правами на РИД.

Что касается *правовых аспектов управления проектами по созданию ОИС*, то как наиболее актуальные необходимо обозначить следующие.

1. Внимание к вопросам правовой охраны получаемых результатов интеллектуальной деятельности возрастает с каждым годом по мере развития информационных технологий. В ст. 1225 ГК РФ на сегодняшний день приводится исчерпывающий перечень охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации: произведения науки, литературы и искусства; программы для электронных вычислительных машин (программы для ЭВМ); базы данных; исполнения; фонограммы; сообщение в эфир или по кабелю радио- или телепередач (вещание организаций эфирного или кабельного вещания); изобретения; полезные модели; промышленные образцы; селекционные достижения; топологии интегральных микросхем; секреты производства (ноу-хай); фирменные наименования; товарные знаки и знаки обслуживания; наименования мест происхождения товаров; коммерческие обозначения.

В рамках настоящей статьи наибольший интерес представляют процедуры правовой охраны объектов патентных прав (ст. 1349 ГК РФ); объектов авторских прав (ст. 1259–1261 ГК РФ) и секретов производства (ноу-хай) (ст. 1465 ГК РФ). Выбор формы правовой охраны представляет собой порядок определения способа правового оформления и правовой охраны РИД в соответствии с действующим законодательством в зависимости от условий и признаков, которым соответствуют созданные РИД [1].

В основе обеспечения правовой охраны РИД находится выбранная компанией стратегия, которая должна определяться бизнес-моделью коммерциализации таких результатов. Для принятия соответствующего решения при выборе стратегии правовой охраны полученных РИД руководство компании должно прежде всего определить порядок и перспективы их использования: в собственном производстве либо путем коммерциализации. При этом каждый способ предполагает использование конкретной стратегии правовой охраны РИД [2].

В основе принятия соответствующего управленческого решения лежит результат научно-технического анализа полученного РИД, позволяющий сделать выводы:

- об оптимальном варианте правовой охраны РИД (подача заявки на получение патента, охрана в качестве секрета производства (ноу-хай) в режиме коммерческой тайны либо смешанный характер правовой охраны, сочетающий ее разные способы);
- о перспективах коммерциализации РИД (заключение исключительной/неисключительной лицензии либо отчуждение исключительных прав на полученный РИД);
- степени готовности РИД для передачи в массовое производство (определение соответствия инновационной продукции требованиям технического регулирования целевой отрасли применения согласно ГОСТ ЕСКД РФ) [2].

2. С охраной прав на создаваемые объекты интеллектуальной собственности неразрывно связан вопрос выбора способов защиты исключительных прав на РИД, – совокупности мер, принимаемых правообладателями при нарушении или оспаривании их прав.

Способы защиты, как правило, направлены на прекращение действий, нарушающих права, либо на восстановление или признание прав на РИД и защиту прав и законных интересов правообладателя с целью обеспечения его имущественных и личных неимущественных прав [3].

Источником информации о нормах правовой защиты РИД является гражданское, административное и уголовное законодательство; при этом руководитель проекта должен предусмотреть риски наступления ответственности за нарушение прав на РИД и способы защиты исключительных прав на них уже на стадии создания таких результатов.

3. Итогом проекта по созданию РИД является получение заявленного (ожидаемого) результата интеллектуальной деятельности, отвечающего требованиям готовности технологического продукта к

использованию/распоряжению бизнесом, а именно: технологическая готовность; инженерная готовность; производственная готовность; операционная готовность; рыночная готовность [3; 4].

Формирование стоимости объектов интеллектуальной собственности требует в данном случае отдельного рассмотрения. Для целей корректного составления паспорта проекта в первую очередь важна классификация затрат на создание/приобретение и доведение до состояния готовности к использованию РИД. В ходе реализации проекта должна быть также создана методика планирования и исполнения финансовых расходов, порядок и критерии признания нематериальных активов в качестве РИД.

Общим подходом в случае инвестиционного и инновационного проектирования является: 1) создание пула финансовых средств, необходимых для реализации инновационной идеи; 2) разработка действующей бизнес-модели для получения текущей выручки и прибыли и, при необходимости, реинвестирования в проект; 3) применение двухчастной методики оценки (во-первых, анализ отклонений основных показателей (выручки, прибыли, себестоимости) с проектом и без проекта; во-вторых, – анализ динамики дисконтированных показателей эффективности проекта) [7].

Показатели включаются в соответствующие финансовые модели проектов, которые позволяют анализировать вариативные сценарии развития проектов и интегрировать результаты оценки в систему бухгалтерского и управлеченческого учета предприятий. Базой управленческой и финансовой информации для оценки проектов являются:

- бюджет продаж продукции проекта с прогнозными составляющими;
- бюджет доходов и расходов проекта с прогнозными составляющими;
- бюджет инвестиций, инвестиционные программы, документация по закупкам основных средств.

По мнению авторов, в контексте систем финансового планирования предприятий представленные методы оценки будут выглядеть следующим образом (см. рисунок).

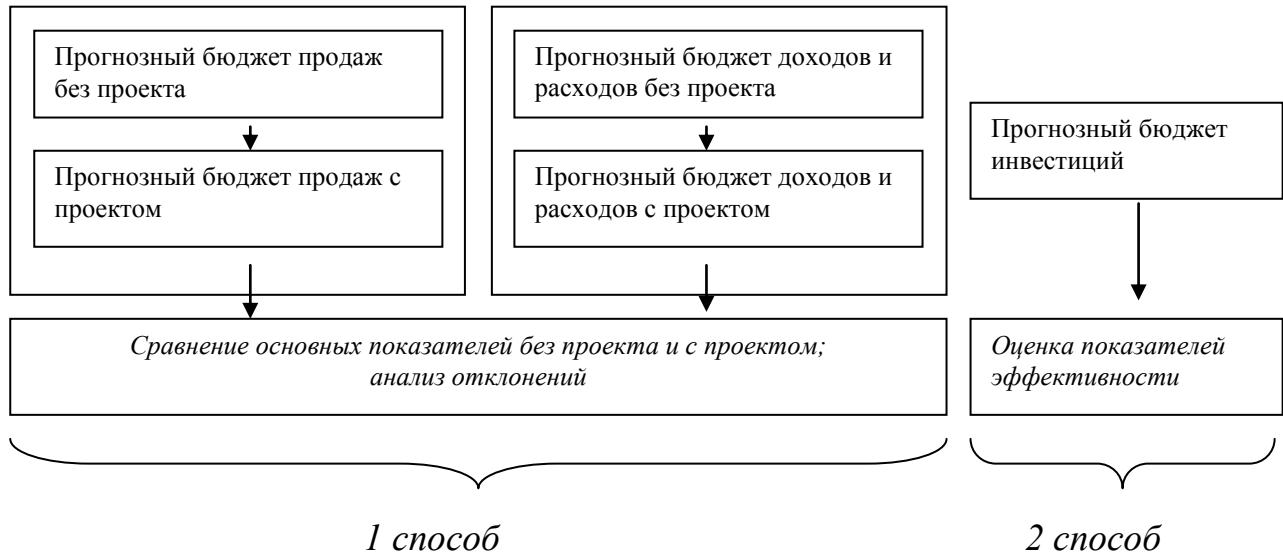

Рис. Методики оценки инвестиционных проектов в инновационной сфере

Что касается возможностей финансового моделирования и экономической оценки проектов по созданию ОИС, то, как и в других случаях оценки инвестиционных проектов, ключевыми моментами здесь являются создание пула финансовых средств, необходимых для реализации инновационной идеи, разработка действующей бизнес-модели для получения текущей выручки и прибыли и, при необходимости, реинвестирования в проект; применение двухчастной методики оценки [7], о которой также было сказано выше.

При этом оценка стоимости НМА в процессе создания ОИС требует участия эксперта и производится с использованием методик, приведенных выше; полученные показатели стоимости являются основой инвестиционных бюджетов и используются для оценки экономической эффективности инновационных проектов по системе критериев, включающей чистый

дисконтированный доход (NPV); внутреннюю норму доходности (IRR); потребность в дополнительном финансировании; индексы доходности затрат и инвестиций; срок окупаемости (PB); группу показателей, характеризующих финансовое состояние предприятия – участника проекта.

Эксперт, оценивая проект, действует следующим образом:

- получает показатель чистого эффекта путем вычитания показателей прогнозного бюджета доходов и расходов без проекта из показателей прогнозного бюджета доходов и расходов с проектом;
- получает систему показателей эффективности инновационного проекта на основании группы показателей.

Показатели включаются в соответствующие финансовые модели, что позволяет проанализировать вариативные сценарии развития проектов и интегрировать результаты оценки в систему бухгалтерского и управленческого учета предприятий.

Таким образом, основу успешной реализации инвестиционных проектов по созданию объектов интеллектуальной собственности составляет комплекс правовых и экономических мероприятий в сфере управления правами на РИД, направленных на обеспечение конкурентоспособности, инвестиционной привлекательности и эффективной коммерциализации либо использования в собственном производстве получаемых результатов интеллектуальной собственности.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ. Часть четвертая // Собрание законодательства Российской Федерации от 25.12.2006 № 52 (часть I). – Ст. 5496.
2. Ахмедов Г.А., Войниканис Е.А., Глазунова К.Д., Зайченко Н.В., Княгинина И.К., Королева И.А., Липатова Ю.А., Митягин К.С., Смирнова В.Р., Леонтьев К.Б., Евдокимова М.И., Савина В.С., Гурко А.В. Основные тенденции

развития права интеллектуальной собственности в современном мире, в том числе новые объекты интеллектуальных прав и глобальная защита / По заказу Акционерного общества «Российская венчурная компания». – М., 2017.

3. Близнец И.А. Право интеллектуальной собственности / И.А. Близнец. – М.: Проспект, 2013.

4. Близнец И.А. Авторское право и смежные права / И. А. Близнец. – М.: Проспект, 2011.

5. Интеллектуальная собственность. Актуальные проблемы теории и практики. Том 1 / Под редакцией В. Н. Лопатина. – М.: Юрайт, 2008.

6. Леонтьев Б.Б., Мамаджанов Х.А. Основы организации управления интеллектуальной собственностью на предприятии: Ч. I. / Б. Б. Леонтьев, Х. А. Мамаджанов. – М.: ИНИЦ «Патент», 2010.

7. Пятаева О.А. Развитие методов оценки и прогнозирования показателей эффективности инвестиционно-инновационной деятельности энергетических предприятий: дис. ... канд. экон. наук по специальности 08.00.05. – М., 2009. – 172 с.

СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Маслахова Ралена Ильдусовна,

магистрант ФГБОУ ВО РГАИС, 2 курс,

направление подготовки «Юриспруденция»

(г. Москва, mri1996@mail.ru)

Научный руководитель:

Савина Виктория Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент,

начальник Отдела международных и

просветительских проектов ФГБОУ ВО РГАИС

Статья посвящена способам защиты авторских прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Рассмотрены стандартные законодательно установленные способы и новые технические средства, оказывающие эффективное воздействие на защиту авторских прав. В ходе исследования были проанализированы системы защиты авторских прав, применяемые в популярных социальных сетях, и их влияние на общую правовую культуру в сети «Интернет».

Ключевые слова: способы защиты, защита авторских прав, Интернет, способы защиты контента.

Основной чертой правового государства является способность не только создать возможности для реализации социального взаимодействия, удовлетворения потребностей граждан и достижения общественного прогресса, но и своевременно гарантировать защиту прав, свобод, интересов каждого в отдельности и общества в целом.

Согласно части 1 ст. 44 Конституции Российской Федерации, каждому гражданину гарантируется свобода литературного, художественного, научного,

технического и других видов творчества. Интеллектуальная собственность охраняется законом.

Широкое использование результатов творческой деятельности в настоящее время порождает проблему их незаконного использования.

Актуальным и неоднозначным является применение норм законодательства в отношении нарушений интеллектуальных и авторских прав в сети «Интернет». Причинами этого являются как особенности самой сети, так и отсутствие специального регулирования отношений в этой среде. Во-первых, это скорость распространения информации и масштабные технические возможности. Во-вторых, в информационно-телекоммуникационных сетях невозможно применить принцип территориальности авторского права, а при необходимости правового регулирования – невозможность определения юрисдикции. В-третьих, Интернет является средством коммуникации с большой аудиторией, которую невозможно регулировать посредством одного лишь заключения договоров между пользователем и правообладателем.

Проблема защиты авторских прав в сети «Интернет» неоднократно поднималась в работах Близнеца И.А., Леонтьева К.Б. [3], Архипова В.В. [2], Ситдиковой Р.И. [5] и многих других ученых.

Авторские права подлежат защите в установленном законом порядке. На авторские права распространяются способы защиты, указанные в Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ). Статья 12 ГК РФ предусматривает такие способы защиты, как: признание права; восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; признание оспоримой сделки недействительной и применение последствий ее недействительности, применение последствий недействительности ничтожной сделки; признание недействительным решения собрания; признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления; самозащита права; присуждение к исполнению обязанности в натуре;

возмещение убытков; взыскание неустойки; компенсация морального вреда; прекращение или изменение правоотношения; неприменение судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону; иные способы, предусмотренные законом.

В ГК РФ употребляется термин «способы защиты» (ст. 12, 1250, 1251, 1252), однако его определение весьма расплывчено. А.П. Сергеев дает следующее определение: «Под способами защиты авторских и смежных прав понимаются закрепленные законом материально-правовые меры принудительного характера, посредством которых производится восстановление (признание) нарушенных (оспариваемых) прав и воздействие на правонарушителя» [4, с. 251].

Помимо общих способов защиты ГК РФ устанавливает и специальные меры, применяемые только при нарушении авторских прав. Так, законодательство указывает на возможность взыскания компенсации с правонарушителя за нарушение исключительно права (ст. 1301 ГК РФ).

По мере развития интернет-технологий и необходимости дополнительной защиты прав авторов законодатель совершенствует нормативную базу.

Так, ст. 1299 ГК РФ говорит о технических средствах защиты авторских прав, которыми признаются любые технологии, технические устройства или их компоненты, контролирующие доступ к произведению, предотвращающие либо ограничивающие осуществление действий, которые не разрешены автором или иным правообладателем в отношении произведения [1, с. 461].

Встроенные системы защиты, являющиеся по смыслу ГК РФ техническими средствами защиты авторских и смежных прав, широко распространены в социальных сетях. Рассмотрим механизм их функционирования в рамках двух популярных социальных сетей – Instagram и YouTube.

Так, Instagram провозглашает Политику авторского права¹, которая подразумевает функционирование системы, проверяющей наличие охраняемых

¹ См. по адресу: <https://help.instagram.com/342712812557932>.

авторским правом материалов в контенте пользователей. Такая система автоматически блокирует публикацию материала, содержащего неправомерный контент. Также при обнаружении нарушений автор или правообладатель вправе обратиться с жалобой через специальную форму к модератору социальной сети, который, в свою очередь, примет меры для устранения правонарушения и, соответственно, удалит контент.

Более автоматизированная система вышеуказанного алгоритма действий при нарушении авторских прав функционирует на YouTube. В рамках этой социальной сети разработана система Content ID, позволяющая правообладателям идентифицировать свой контент и управлять им. Все новые видео, публикующиеся на YouTube, сравниваются с цифровыми отпечатками – образцами контента правообладателя, и при обнаружении системой совпадений Content ID заявляет права на контент от имени правообладателя и применяет соответствующие политики действий. На сегодняшний день существуют следующие политики: блокировка видеоролика; монетизация ролика – получение дохода от просмотров; анализ статистики ролика.

Применение таких мер способствует не только эффективной защите контента и соблюдению прав авторов, но и позитивно влияет на правосознание пользователей сети «Интернет». Разработанная политика защиты прав авторов является качественным показателем владельцев социальных сетей, интернет-сайтов и других интернет-ресурсов, что положительно сказывается на количественных показателях.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая. – Москва: Проспект, 2020. – 712 с.
2. Архипов В.В. Интернет-право : учеб. и практикум для бакалавриата и магистратуры. – М.: Юрайт, 2016. – 448 с.

3. Близнец И.А., Леонтьев К.Б. Авторское право и смежные права : учеб. / под ред. И.А. Близнца. – М.: Проспект, 2011. – 374 с.
4. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации : учеб. издание второе, перераб. и доп. / Сергеев А.П. – М.: ПБОЮЛ Гриженко Е.М., 2001. – 752 с.
5. Ситдикова Р.И., Ситдиков Р.Б. Гражданского-правовой механизм охраны частных, общественных и публичных интересов авторским правом // Ученые записки Казанского Университета. – 2012, Т. 154, кн. 4.

ПРЕИМУЩЕСТВА ПРИМЕНЕНИЯ ПЕКИНСКОГО ДОГОВОРА ПО АУДИОВИЗУАЛЬНЫМ ИСПОЛНЕНИЯМ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Матвеева Вероника Алексеевна,
магистрант ФГБОУ ВО РГАИС, 2 курс,
направление подготовки «Юриспруденция»
(г. Москва, ver-prokhorova@yandex.ru)

Научный руководитель:
Савина Виктория Сергеевна
кандидат юридических наук, доцент,
начальник Отдела международных и
просветительских проектов ФГБОУ ВО РГАИС

Статья посвящена рассмотрению положений Пекинского договора по аудиовизуальным исполнениям, которые позволяют повысить уровень охраны прав исполнителей, что особенно актуально в условия пандемии. Описывается влияние пандемии на исполнителей аудиовизуальных произведений, приводится анализ основных статей Пекинского договора в части возможных вознаграждений исполнителей.

Ключевые слова: Пекинский договор по аудиовизуальным исполнениям, права исполнителей, вознаграждение исполнителей.

В Российской Федерации нет ни одной профессиональной сферы, которая в той или иной степени не пострадала от предпринятых государством мер по предотвращению коронавирусной инфекции. Артисты и исполнители, получающие доходы от концертной деятельности и вознаграждение за использование фонограмм, столкнулись с запретом массовых мероприятий и закрытием заведений, осуществляющих публичное исполнение объектов

авторских и смежных прав, что негативно сказалось на их доходах. В этой связи крайне актуальны меры по поддержке исполнителей.

28 апреля 2020 г. вступил в силу Пекинский договор по аудиовизуальным исполнениям (далее – Пекинский договор, Договор), принятый государствами – членами Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) 24 июня 2012 г. Статьи Пекинского договора расширяют права исполнителей, что может оказаться существенную поддержку в условиях пандемии.

К перечню отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях распространения новой коронавирусной инфекции, отнесена, в том числе, деятельность в области искусства и организации развлечений, которая включает деятельность в области исполнительских искусств (Постановление Правительства РФ от 03.04.2020 № 434 «Об утверждении перечня отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции»). По прогнозу Российского музыкального союза и Национальной федерации производителей фонограмм музыкальная индустрия может не оправиться от удара даже после снятия ограничений¹.

Кроме того, Минкомсвязи России оценивает спад рынка рекламы в СМИ на 25–30% в период кризиса, связанного с пандемией, при этом ежемесячные потери для телевидения по оценке составляют 50 млрд руб., для радио – в 8 млрд². Что касается количества СМИ на рынке, то Минкомсвязи России прогнозирует возможное сокращение количества таковых на 15% в связи с пандемией³. Бюджет рекламы на отдельных региональных радиостанциях существенно сократился (на 80–90%), что болезненно сказывается на исполнителях, ориентированных на целевую аудиторию по регионам (например, исполнение на языках народов Российской Федерации).

¹ Эдуард Артемьев и Юрий Башмет призвали правительство спасти музыкальную индустрию // Всероссийская организация интеллектуальной собственности: сайт. URL: <http://rosvois.ru/category/news/#/eduard-artemev-i-yurij-bashmet-prizvali-pravitelstvo-spasti-muzykalnyu-industriyu/> (дата обращения: 19.05.2020).

² Тадтаев Г. Депутаты предложили поддержать СМИ из-за пандемии // URL: <https://www.rbc.ru/society/12/05/2020/5ebabe5a9a79478325c612ed> (дата обращения 19.05.2020).

³ ТАСС, информационное агентство: сайт. URL:<https://tass.ru/ekonomika/8293921> (дата обращения: 19.05.2020).

Отметим, что телерадиовещательные компании являются крупными плательщиками вознаграждения исполнителям. С марта 2020 г. снизился размер выплат вознаграждений исполнителям⁴, производимых обществами по коллективному управлению правами (далее – ОКУП). Кроме того, падение сборов, собираемых ОКУП, негативно сказалось на работе самих обществ.

В сложившейся ситуации единственным доходом исполнителей является вознаграждение за использование музыкальных произведений через цифровые платформы и сервисы.

Принятие Пекинского договора позволит увеличить размер вознаграждения исполнителям, что особенно важно в условиях пандемии.

Пекинский договор был принят государствами – членами ВОИС в 2012 г. на Дипломатической конференции в Пекине. Российская Федерация присоединилась к договору 19 октября 2015 г., дата вступления в силу связана с присоединением к договору тридцатой страны. Пекинский договор дополнил систему международных договоров, направленных на обеспечение охраны прав исполнителей.

В российской юридической литературе положения Пекинского договора проанализированы в работах [2–6], однако новизна данной статьи заключается в оценке роли Пекинского договора в условиях пандемии.

Пекинский договор расширяет права исполнителей, распространяя свое действие в отношении исполнений, записанных в аудиовизуальных записях, в то время как положения заключенных ранее международных соглашений регулировали преимущественно охрану исполнений, записанных в виде фонограмм [5].

Пекинский договор регулирует следующие отношения:

- 1) личные неимущественные права исполнителя на аудиовизуальные исполнения;
- 2) имущественные права исполнителя на аудиовизуальные исполнения.

⁴ Российское авторское общество: сайт. – URL: <https://rao.ru/> (дата обращения 19.05.2020).

Личными неимущественными правами исполнителя на аудиовизуальные исполнения являются: 1) право требовать быть признанным в качестве исполнителя своих исполнений, а также 2) возражать против всякого извращения, искажения или иного изменения своих исполнений, способного нанести ущерб его репутации [1].

Охрана вышеуказанных прав исполнителей не предусмотрена Римской конвенцией, Соглашением ТРИПС, однако в Пекинском договоре, по аналогии с Договором ВОИС по исполнениям и фонограммам, признаются моральные права исполнителя, которые в соответствии с Пекинским договором предоставляются независимо от имущественных прав исполнителя и даже после передачи этих прав, что ставит права исполнителя на более высокий уровень.

Отметим, что российское законодательство уже защищает личные неимущественные права на более высоком уровне в сравнении с Пекинским договором [2; 4]. В Гражданском кодексе Российской Федерации (ст. 1315) помимо прав, предусмотренных Договором, содержится право на имя, которое, однако, не предусмотрено в Пекинском договоре. Кроме того, ст. 1316 ГК РФ устанавливает бессрочную охрану авторства, имени исполнителя и неприкосновенности исполнения, тогда как в Пекинском договоре срок охраны личных неимущественных прав ограничен.

Исполнители аудиовизуальных исполнений пользуются исключительными правами, которые в соответствии с Пекинским договором делятся на 1) имущественные права исполнителей на незаписанные («живые») исполнения и 2) имущественные права исполнителей на исполнения, записанные в аудиовизуальных записях.

Имущественные права исполнителей на незаписанные исполнения включают право исполнителя разрешать: 1) эфирное вещание и сообщение для всеобщего сведения своих незаписанных исполнений, за исключением случаев, когда исполнение уже передавалось в эфир (то есть за исключением

ретрансляции); и 2) запись своих незаписанных исполнений (ст. 6 Пекинского договора).

В соответствии со статьями 7–11 Пекинского договора исполнителям предоставляются следующие имущественные права на исполнения, записанные в аудиовизуальных записях: 1) право на воспроизведение (ст. 7 Пекинского договора); 2) право на распространение (ст. 8 Пекинского договора); 3) право на прокат (ст. 9 Пекинского договора); 4) право на доведение записанных исполнений до всеобщего сведения (ст. 10 Пекинского договора); 5) право на эфирное вещание и сообщение до всеобщего сведения (ст. 11 Пекинского договора). При этом предоставление права на эфирное вещание и сообщение до всеобщего сведения не является обязательным для включения в национальное законодательство страны – участницы Договора.

Статья 11 Пекинского договора предписывает нациальному законодателю предусмотреть на выбор один из трех следующих вариантов относительно предоставления исключительных прав исполнителю:

1) закрепить в национальном законодательстве договаривающейся стороны за исполнителями исключительные права разрешать эфирное вещание и сообщение для всеобщего сведения своих исполнений, записанных в аудиовизуальных записях (п. 1 с. 11 Пекинского договора). То есть в данном случае предоставляется исключительное право, а не право на вознаграждение;

2) вместо права разрешать эфирное вещание, а также сообщение для всеобщего сведения своих исполнений, записанных в аудиовизуальных записях, страна-участница может установить право на справедливое вознаграждение за использование исполнений (прямое или косвенное), записанных в аудиовизуальных записях, для эфирного вещания или сообщения для всеобщего сведения (п. 2. ст. 11 Пекинского договора);

3) страны-участницы могут отказаться от применения положения об исключительном праве и положения о праве на вознаграждение.

Несмотря на то, что норма ст. 11 не является обязательной, право на справедливое вознаграждение становится основополагающим и позволит

повысить уровень охраны исполнителей, в том числе, в условиях пандемии. В данном случае исключительное право заменяется правом на справедливое вознаграждение и использование исполнений, записанных в аудиовизуальных записях, допускается без разрешения правообладателя, но с выплатой вознаграждения.

Пунктом 1 ст. 12 Пекинского договора устанавливается опровергимая презумпция. Согласно указанному пункту: страна-участница может предусмотреть в своем национальном законодательстве, что в случае, если исполнитель выразил согласие на запись своего исполнения в аудиовизуальной записи, имущественные права исполнителей на исполнения, записанные в аудиовизуальных записях, предусмотренные статьями 7–11 Пекинского договора, передаются изготовителю такой аудиовизуальной записи или принадлежат ему и осуществляются им (если только в договоре между исполнителем и изготовителем не предусмотрено иное).

Пунктом 3 ст. 12 Договора установлено диспозитивное право: независимо от передачи исключительных прав, национальным законодательством или договором (индивидуальными, коллективными или иными соглашениями), исполнителю может быть предоставлено право на получение либо роялти, либо справедливого вознаграждения за любое использование исполнения, в том числе, применительно к статьям 10 и 11 Договора.

Таким образом, исполнитель может рассчитывать на получение вознаграждения за любое использование исполнений, записанных в аудиовизуальных записях, в том числе путем доведения исполнений до всеобщего сведения, а также за эфирное вещание и сообщение для всеобщего сведения. Отметим, что в соответствии с п. 3 ст. 1263 ГК РФ только авторы музыкального произведения, использованного в аудиовизуальном произведении, сохраняют право на вознаграждение, другие творческие работники (режиссер-постановщик, сценарист, актеры), принимающие участие в создании аудиовизуального произведения, получают лишь разовый гонорар [5].

Вознаграждение должна собирать организация по коллективному управлению правами. Для этого в ГК РФ должна быть расширена сфера коллективного управления в части осуществления прав исполнителей на получение вознаграждения: во-первых, данная сфера должна включать такой объект смежных прав, как аудиовизуальные исполнения, во-вторых, должен быть включен такой способ использования, как доведение исполнения до всеобщего сведения.

В итоге вступление в силу Договора позволяет повысить степень охраны прав исполнителей и обеспечивает их гарантированным источником дохода. Таким образом, исполнители могут рассчитывать на получение вознаграждения за любое использование исполнений, записанных в аудиовизуальных записях, что особенно важно в условиях предпринятых государством мер по предотвращению коронавирусной инфекции, а также в условиях роста спроса на аудиовизуальную продукцию.

Сбор такого вознаграждения целесообразно осуществлять обществу по коллективному управлению правами, учитывая имеющийся у ОКУП опыт по сбору и распределению вознаграждения и наложенную работу с исполнителями. Для этого в действующее законодательство должны быть внесены поправки в части расширения сферы коллективного управления.

Список литературы

1. Пекинский договор по аудиовизуальным исполнениям от 24.06.2012 // Всемирная организация интеллектуальной собственности: сайт. – URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/304396> (дата обращения: 19.05.2020).
2. Ал-Раджаб К.Ш. Анализ прав исполнителей, содержащихся в Пекинском договоре по аудиовизуальным исполнениям // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2015. – С. 91–96.
3. Близнец И.И. Новый договор ВОИС (Пекинский) по аудиовизуальным исполнениям как инструмент защиты прав исполнителей //

Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2013. – № 1. – С. 19–26;

4. Бузова Н.В. Международная охрана аудиовизуальных исполнений: проблемы и решения // Журнал Суда по интеллектуальным правам. [Электронный ресурс]: URL:<http://ipcmagazine.ru/asp/international-protection-of-audiovisual-performances-problems-and-solutions>.

5. Еременко В.И. Нововведения в международной системе авторского права и смежных прав // Копирайт. Вестник Российской академии интеллектуальной собственности и Российского авторского общества. – 2018. – № 2. – С. 69–75.

6. Матвеев А.Г. Эволюция системы международной охраны прав авторов-исполнителей // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2019. Т 1. – № 3. – С. 124–134.

ОСОБЕННОСТИ ПРОДВИЖЕНИЯ СПОРТИВНОГО БРЕНДА

Мелехин Павел Сергеевич,

магистрант ФГБОУ ВО РГАИС, 2 курс,

направление подготовки «Менеджмент»

(г. Москва, www.pashk@mail.ru)

Научный руководитель:

Васильева Ирина Витальевна,

кандидат экономических наук,

доцент кафедры «Управления инновациями и коммерциализации интеллектуальной собственности» ФГБОУ ВО РГАИС

В статье освещены основные подходы к сущности маркетинговой деятельности и ее значение для эффективного функционирования футбольного клуба; проанализированы основные функции маркетинговой деятельности, описан новейший опыт в продвижении футбольного бренда, выделены новые маркетинговые методы и инструменты футбольных клубов.

Ключевые слова: маркетинговая деятельность, футбольный клуб, спортивная организация, бренд.

Современный спорт стал важной отраслью экономики многих стран, включая Россию. В него привлечены значительные финансовые средства и большое количество рабочей силы. Сейчас степень развития области спорта является фактором, влияющим на темпы развития общества, уровень и качество жизни населения, деловую активность.

В рыночных условиях при ведении спортивной предпринимательской деятельности участники оборота товаров и услуг тратят немалые усилия и средства на привлечение внимания потребителей к своему товару. Некоторые из них ограничиваются только созданием наименования и логотипа (знака

для товаров и услуг). Другие тратят средства на разработку брендовых концепций не только для компании, но и для определенных линий товаров или услуг. При этом при формировании брендовой стратегии привлекается не только новое яркое наименование товара (или товарной линии), но и новый логотип, слоган, оригинальное музыкальное сопровождение, изображения тех или иных спортсменов для проведения рекламной кампании. Разработка таких концепций продвижения товара на рынок происходит с помощью специально созданных отделов или нанятых работников, по договору с агентствами [3].

Понятие «бренд» на отечественном рынке только начинает складываться. Многие считают, что бренд и товарный знак – это тождественные понятия. Между тем разница все же существует. Товарным знаком владеют многие компании, брендом – единицы. Бренд – это, прежде всего, товарный знак, имеющий устойчивый имидж в глазах потребителей.

Термин «бренд» (с англ. brand) происходит от древненорвежского слова, означающего «ставить клеймо». Первоначально понятие было создано для обозначения источника, производителя или владельца продукта или вещи, а также использовалось для клеймения домашних животных. С развитием коммерции слово «бренд» стало означать происхождение продукта и применялось для отделения одного производителя от других, которые изготавливали подобные продукты. Сегодня понятие «бренд» обычно употребляется для обозначения или идентификации производителя или продавца продукта или услуги. Бренды занимают в коммерции собственное уникальное место, поэтому их можно покупать, продавать, брать или сдавать в аренду, защищать на национальном и глобальном уровне [2].

Определяя понятие и структуру компонентов бренда как «сложного» правового средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров и услуг, следует обратить внимание на классификации, которые существуют в научной литературе по этому поводу. Так, Д. Огилви определяет бренд как неощутимую совокупность свойств продукта: его имени, упаковки, цены, истории, репутации и способа рекламирования. Бренд также является

сочетанием впечатления, которое он создает у потребителей, и результатом их опыта в использовании бренда. А. Алиев отмечает такие элементы бренда, как название, логотип, знак, символ или их комбинацию для обозначения отличий от конкурирующих фирм, сервисное обслуживание, стиль и т.п. По мнению Н. Безруковой, визуально-словесное выражение бренда включает фирменное название, товарный знак, фирменный стиль и др.

Итак, бренд – это материализованный символ отношений между продавцом и покупателем, основанных на определенном товарном знаке, фирменном наименовании, стиле, слогане, оформленных в виде визуального продукта, четко воспринятой покупателями совокупности функциональных и эмоциональных элементов, единых с самим товаром и способами его представления. Брендом может быть все, что служит отличительным признаком товара или услуги от товара конкурентов.

Бренд – понятие достаточно широкое, и его структура включает следующие элементы:

- сущность бренда – основная характеристика бренда, легенда;
- атрибуты бренда – набор положительных или отрицательных длительных ассоциаций (звуковых, визуальных, эмоциональных), которые составляют индивидуальность бренда и предоставляются ему потребителями или потенциальными клиентами. Образ бренда – это мгновенная характеристика, то есть ассоциации, которые находятся в данный момент в уме потребителя [6].

Большая часть составляющих бренда имеет творческую природу и является результатом творческой деятельности человека (спортивной, в частности). Сочетание результатов интеллектуальной собственности в составе бренда дает основания считать его сложным средством индивидуализации, ведь каждый из компонентов индивидуализирует товар или услугу среди других, подобных ему. Отечественное законодательство не ограничивает режимы правовой охраны этих компонентов, и при возможности они охраняются как объекты авторского права.

Брендом может быть имя любого лица (спортсмена), которое индивидуализирует это лицо путем привлечения как материальных, так и целого комплекса нематериальных активов. Создание спортивного бренда является результатом привлечения всех нематериальных активов профессиональной спортивной организации: тех, которые имеют правовую охрану, и тех, которые такой охраны не имеют. Поэтому правовая охрана бренда определяется объемом предоставляемой охраны всем нематериальным объектам, которые его образуют. Каждый из его компонентов охраняется отдельно нормами того вида интеллектуальной собственности, к которому он принадлежит (при условии соответствия критериям охранный способности). Поэтому введение специального режима правовой охраны для спортивного бренда в законодательстве об интеллектуальной собственности нецелесообразно.

Реклама – это тип коммуникации, предназначенный для убеждения аудитории, который оперирует знаками, а не объектами. Понятие «спортивная реклама» кроме ее классических форм (на бортиках спортивной арены и на щитах вокруг нее, на форме спортсменов) включает и такие варианты: через отдельных спортсменов; через национальную сборную; упоминание фирмы-спонсора на соревнованиях; присвоение компаниям титула «официальный спонсор федерации» (титульный, информационный, генеральный, эксклюзивный спонсор) [4].

Основные задачи рекламы: заинтересовать потенциальных клиентов и поддержать их уверенность в выборе товара; ознакомить со сферой применения, видами, сущностью, особенностями, полезностью товаров, услуг, мероприятий; убедить людей в необходимости купить товар, воспользоваться услугами, посетить мероприятие; сформулировать и поддержать спрос на товары и услуги.

Рекламу в сфере спорта можно разделить на группы:

- популяризация конкретного вида спорта, двигательной активности и спорта в целом (неотъемлемая составляющая деятельности организаций сферы массового спорта и спорта для всех);
- реклама спортивных соревнований и мероприятий;
- реклама спортивных и неспортивных товаров и услуг (при участии известных спортсменов, тренеров, арбитров;
- реклама на форме и амуниции спортсменов, спортивных сооружениях и т.д. [1].

Одним из самых эффективных видов спортивной рекламы является реклама с участием известных спортивных деятелей (спортсменов, тренеров, арбитров). Звезды спорта имеют огромное количество поклонников (контактную аудиторию), число которых может доходить до миллионов. Сторонники пристально следят за стилем и обстоятельствами жизни своих кумиров, их деятельностью, предпочтениями и увлечениями, хотят быть с ними в постоянной коммуникативной связи. При этом они примеряют жизнь кумиров на себя, подсознательно чувствуя, что, если они будут пользоваться такими же товарами и услугами, то будут похожи на них. Данный вид рекламы побуждает спортивных поклонников к таким мыслям и действиям.

Реклама, размещенная на элементах спортивных сооружений и спортивном снаряжении, невольно попадает на глаза зрителей и привлекает их внимание в процессе соревнований. При такой рекламе передается не только информация, указанная в ней, но и атмосфера данного события. Появляется определенный набор ассоциаций, связанных с мощью, грацией, борьбой, соперничеством, покорением спортивных высот, следовательно, возникает сильная внешняя коммуникативная связь, то есть не только очевидная верbalная коммуникация, но и подсознательная невербальная.

Реклама на форме и амуниции спортсменов также является эффективной, ведь именно они являются ключевыми фигурами любого спортивного события. Форму и амуницию спортсменов можно рассматривать как каналы внешних коммуникаций. Как правило, на форме спортсменов размещают рекламу трех

типов: эмблему спортивного клуба, под эгидой которого выступает спортсмен; рекламу компании-спонсора; бренд или логотип фирмы-производителя продукции [3].

Реклама на спортивном оборудовании, как правило, указывает на его компанию-производителя и действует по аналогии с рекламой на спортивных сооружениях. При выборе определенного вида спорта, команды или спортсмена как носителя рекламы компания-рекламодатель пытается ассоциировать свой бренд с ними.

Реклама с привлечением звезд спорта является одним из факторов формирования имиджа не только корпораций – производителей товаров и услуг, но и спорта и спортсменов. Для рекламы нужен цельный, чистый образ спортсмена. Выбор звезды или команды зависит от ситуации в конкретном виде спорта, его популярности в определенной стране и других факторов.

Московский футбольный клуб «Спартак» (далее – ФК «Спартак»), несмотря на скромные спортивные результаты, не теряет армию поклонников [5]. «Спартак» имеет аккаунты в Facebook, Twitter, Google + и «ВКонтакте». Страницы в социальных сетях стали новым каналом коммуникации и приглашением всех желающих к диалогу. ФК «Спартак» – один из немногих российских клубов, который проводит в социальных сетях розыгрыши абонементов и билетов без перехода на официальный сайт. «Спартак» первым преодолел максимальный рубеж подписчиков в социальной сети «ВКонтакте».

Незаменимый инструмент в спортивном маркетинге – база данных по клиентам (customer data platform, CDP) позволяет аккумулировать данные из открытых источников. CDP помогает клубу систематизировать полученные данные, обновлять их, классифицировать и адаптировать под свои нужды (например, для таргетирования рекламы, предложений по билетам, абонементам и атрибутике).

Кроме того, спортивным клубам необходимо использовать уникальные мобильные приложения как эффективный маркетинговый инструмент. Такие

приложения позволяют пользователям пересматривать наиболее интересные моменты игры, получать эксклюзивный контент, статистику, призы.

В заключение хочется отметить, что вопросы определения понятия бренда в спорте и предоставления правовой охраны его составляющим приобретают все большую актуальность.

Список литературы

1. Мобильные инновации (часть 2) продвижение бренда [Электронный ресурс]. – URL: <http://lpgenerator.ru/blog/2013/05/01/mobilnye-innovacii-chast-2-prodvizhenie-brenda/> (дата обращения: 28.04.2020).
2. Степанова А. Маркетинг в физкультурно-спортивной деятельности [Текст] / А. Степанова. – М.: Советский спорт, 2018. – 480 с.
3. Секстон Д. Университет Трампа. Брендинг 101 [Текст] / Д. Секстон. – Минск: Попурри, 2010. – 336 с.
4. Шафф Ф. Спортивный маркетинг [Текст]. – М.: Филинъ, 2018. – 220 с.
5. Шенк М. Маркетинг спорта [Текст] / М.: Шенк. – М.: Альпина Паблишерз, 2010. – 706 с.
6. Kuper S. Brands in football [Electronic resource] / S. Kuper. – URL: <http://homepage.eircom.net/~odyssey/Quotes/Football/SimonKuper.html> (дата обращения: 28.04.2020).

ПРОДЛЕНИЕ СРОКА ДЕЙСТВИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ НА ИЗОБРЕТЕНИЕ, ОТНОСЯЩЕЕСЯ К ЛЕКАРСТВЕННОМУ СРЕДСТВУ

Мотина Дарья Викторовна,

магистрант ФГБОУ ВО РГАИС, 2 курс,

направление подготовки «Управление интеллектуальной собственностью»,

государственный эксперт по интеллектуальной собственности 2 категории

ФГБУ «Федеральный институт промышленной собственности»

(г. Москва, 79852568500@yandex.ru)

Научный руководитель:

Китайский Владимир Евгеньевич,

кандидат технических наук, доцент,

доцент кафедры «Патентного права и правовой охраны

средств индивидуализации» ФГБОУ ВО РГАИС

В статье идет речь о возможности продления срока действия исключительных прав на изобретения, относящиеся к лекарственному средству. Рассмотрена необходимость данной нормы для производителей лекарственных препаратов. Однако в установленных нормативно-правовых актах имеются существенные препятствия для возможности получения дополнительного патента на изобретения, относящиеся к композициям.

Ключевые слова: продление срока действия исключительных прав, лекарственные средства, композиция.

Разработка лекарственного препарата до момента его выхода на рынок длительный и дорогостоящий процесс. По оценкам экспертов, стоимость разработки инновационного препарата составляет от \$1 млрд до \$11 млрд. При этом появление первых потоков денежных средств от разработки нового препарата наступает как минимум через 10–15 лет после начала проекта [12].

В качестве примера можно привести известное лекарственное средство «виагра». Время на разработку указанного препарата составило 13 лет. При этом сумма прибыли по продажам препарата за 2010 г. в Российской Федерации составила 2789 млн руб. [9].

Понимая необходимость патентной охраны на свою разработку, производитель получил ряд патентов на изобретения в разных странах. В Российской Федерации компания «Пфайзер инк» получила патент РФ № 2130776 с отсчетом срока действия исключительного права от 1994 г. Указанный патент действовал до 2009 г., но был аннулирован решением Палаты по патентным спорам от 15.06.2009, и на его основании был выдан новый патент РФ № 2373938, действовавший до 2014 г. Таким образом, срок действия патента составил 20 лет. При этом если учесть дату выдачи регистрационного разрешения в Российской Федерации на данный препарат, а это 1998 г. и затраченные средства на его коммерческую рекламу, то время жизни препарата под патентной охраной составило 12–13 лет [8].

Поэтому логичным шагом в условиях рынка была бы разработка такого положения, которое продлевало бы срок действия охранного документа, по крайней мере, в отношении времени его регистрации в установленном законом порядке.

Отправной точкой для возникновения института продления действия патента на изобретение, относящегося к лекарственным средствам, следует считать Закон о ценовой конкуренции на рынке лекарственных средств и восстановлении срока действия патента, или акт Хетча-Уолксмана [13], принятый в США в 1984 г. [6]. Указанный акт ввел нормы продления действия патента на изобретение, относящееся к лекарственному средству. Данный институт достаточно быстро получил свою поддержку в иностранных юрисдикциях.

Продление срока действия исключительного права на изобретение, относящееся к лекарственному средству, пестициду и агрохимикату,

как отдельный институт права в российской практике, впервые было введено федеральным законом в п. 3 ст. 3 Патентного закона РФ в 2003 г. [2].

Руководствуясь данным пунктом закона, патентообладатели начали подавать ходатайства на продление срока действия патента, относящегося к лекарственному средству. Однако применение данного положения закона на практике столкнулось со значительными трудностями в связи с отсутствием подзаконных нормативных правовых актов, которые смогли бы разъяснить данный порядок продления, в частности, процедуру продления и его предметно-объектный состав.

Учитывая важность данного института, законодатель включил его в четвертую часть ГК РФ [1], где положения практически не поменялись. Однако с учетом судебной и правоприменительной практики и, в том числе, тех подходов, которые были наработаны в иностранных юрисдикциях, в новой редакции ГК РФ ст. 1363 претерпела изменения.

Срок действия патента остался по-прежнему 20 лет с даты подачи заявки на выдачу патента. В то же время в п. 2 ст. 1363 ГК РФ были внесены изменения, касающиеся процедуры продления срока действия патента на изобретение. Дополнительно были приняты подзаконные нормативные правовые акты, такие как новый административный регламент предоставления услуги по продлению срока действия исключительного права [3], а также порядок выдачи и действия дополнительного патента на изобретение (далее – Порядок) [4].

Введение Порядка позволило уточнить некоторые вопросы, которые содержали правовую неопределенность предыдущей редакции ГК РФ (от 18.12.2006) и старого административного регламента [5] по продлению.

В соответствии с законодательством Российской Федерации продление срока действия патента осуществляется путем выдачи дополнительного патента с новой формулой изобретения, которая содержит совокупность признаков запатентованного изобретения, характеризующую продукт, на применение которого получено разрешение.

Новый Порядок установил, по каким условиям формула дополнительного патента характеризует продукт, относящийся к лекарственному средству, на применение которого получено разрешение.

Если раньше продлевалось исключительное право на весь объем формулы запатентованного изобретения, например, на всю формулу Маркуша, являющуюся «зонтиком», который накрывает собой бесчисленное множество альтернативных соединений, то с учетом нового Порядка, действие исключительного права продлевается на конкретное соединение или композицию лекарственного средства, которое проходило клинические испытания и на применение которого было получено разрешение. И это конкретное соединение или композиция лекарственного средства будут отражены в формуле изобретения дополнительного патента.

Таким образом, с принятием новой редакции ГК РФ в отношении ст. 1363 и Порядка столь широкий объем прав, который ранее предоставлялся в рамках продления, стал невозможным, что согласуется с мнением, приведенным в литературе [11]. Такие изменения позволили гармонизировать законодательство РФ в сфере продления срока патента на изобретение с законодательствами развитых стран.

Далее необходимо отметить, что при анализе возможности выдачи дополнительного патента проводится проверка идентичности совокупности признаков, определяющих объем правовой охраны, характеризующих соединение, изложенное в формуле изобретения, с активным ингредиентом лекарственного средства, указанного в регистрационном удостоверении. Аналогичный подход осуществляется при проверке композиции лекарственного средства с учетом указанного в регистрационном удостоверении назначения композиции и ее состава, определяющего лекарственную форму.

Таким образом, в институт продления действия патента на изобретение, относящееся к лекарственному средству, введено понятие «идентичность».

Однако такой подход в рамках действующего законодательства и привязка признаков формулы изобретения дополнительного патента через понятие «идентичности» к сведениям, содержащимся в разрешительных документах на лекарственное средство, вызывает, при его осуществлении на практике, проблемы у патентообладателей и их представителей [10].

Условно патенты, относящиеся к лекарственным средствам, можно разбить на две большие группы изобретений:

- индивидуальные химические соединения, выраженные, в том числе, и в виде формулы Маркуша;
- различного рода композиции, характеризующиеся либо активным соединением, либо вспомогательными компонентами, либо их комбинацией [7].

1. Патент выдан на соединение.

A. формула Маркуша.

Патентообладатель просит продлить срок действия исключительного права и выдать ему дополнительный патент со следующей совокупностью признаков:

«Соединение общей формулы: A1, A2, A3...An », где соединение общей формулы представляет собой формулу Маркуша, что соответствует формуле изобретения действующего патента.

При этом по конкретным соединениям A1, A2, A3, попадающим под формулу Маркуша, были проведены клинические испытания и получены отдельные регистрационные удостоверения.

С учетом положений п. 8 Порядка исключительное право может быть продлено путем выдачи нескольких дополнительных патентов на эти конкретные соединения A1, A2, A3, попадающие под формулу Маркуша, если эти соединения были указаны в формуле изобретения и описании, как обладающие такой активностью, позволяющие использовать их в указанном разрешении лекарственном средстве.

Таким образом, формулы изобретения ряда дополнительных патентов могут быть выражены как:

«Соединение А1», «Соединение А2», «Соединение А3», соответственно с присвоением им номера в Государственном реестре изобретений.

Б. Соединение и стереоизомер.

Патентообладатель просит продлить срок действия исключительного права и выдать ему дополнительный патент со следующей совокупностью признаков, что соответствует формуле изобретения действующего патента: «Соединение А или его стереоизомер».

При этом патентообладателем были проведены клинические испытания и получено регистрационное удостоверение на стереоизомер соединения А.

Представленная патентообладателем формула дополнительного патента не характеризует продукт, который относится к лекарственному средству, на применение которого получено разрешение, поскольку совокупность признаков, определяющих объем правовой охраны продукта, характеризующих соединение, указанное в формуле изобретения, не идентична характеристике активного ингредиента лекарственного средства, указанного в регистрационном удостоверении, за исключением варианта стереоизомера соединения А.

Таким образом, формула изобретения может быть выражена «Стереоизомер соединения А», и тогда может быть выдан дополнительный патент с присвоением ему номера в Государственном реестре изобретений.

В. Комбинация.

Патентообладатель просит продлить срок действия исключительного права и выдать ему дополнительный патент со следующей совокупностью признаков, что соответствует формуле изобретения действующего патента.

«Комбинация для лечения заболевания, содержащая активные соединения А+В».

При этом регистрационное удостоверение получено на активное соединение А. В таком случае дополнительный патент на совокупность признаков формулы изобретения выдан быть не может, поскольку клинические испытания проходило одно вещество А, а не их комбинация.

Таким образом, в случае, когда продукт представляет собой соединение или группу индивидуальных химических соединений, то формула дополнительного патента, как правило, формируется на основании исключения признаков из независимого пункта формулы изобретения.

2. Патент выдан на композицию.

Иная ситуация наблюдается в случае, когда имеется фармацевтическая композиция, характеризующаяся качественным и/или количественным составом. Как правило, композиция, изложенная в формуле изобретения, не является идентичной тому составу, который приведен в регистрационном удостоверении. Чаще всего они соотносятся как общее и частное. Поясним это несколькими примерами.

А. Патентообладатель просит продлить срок действия исключительного права и выдать ему дополнительный патент со следующей совокупностью признаков: «Фармацевтическая композиция в форме, подходящей для введения в нос, содержащая действующее вещество А».

В данном случае необходимо проверить, указано ли действующее вещество А в регистрационном удостоверении, а также какая лекарственная форма охарактеризована в указанном документе.

Поскольку дополнительный патент может быть выдан на композицию, указанную в формуле изобретения, которая идентична характеристике композиции лекарственного средства, на которое получено разрешение, то в формулу дополнительного патента необходимо включить признаки, характеризующие конкретную лекарственную форму композиции.

Б. Патентообладатель просит продлить срок действия исключительного права и выдать ему дополнительный патент со следующей совокупностью признаков, что соответствует формуле изобретения действующего патента.

«Стабильная фармацевтическая композиция, обладающая антагонистической активностью в отношении эндотелиновых рецепторов, включающая: а) соединение формулы А или его фармацевтически приемлемую соль, сольват, гидрат или морфологическую форму, б) наполнитель,

с) вещество, обеспечивающее стабильность, состоящее из вещества А или комбинации вещества А и вещества Б, д) поверхностно-активное вещество, состоящее из этоксилата, в общем количестве от 0,2 до 5 мас.% в пересчете на полную массу фармацевтической композиции, е) скользящее вещество».

Однако в регистрационном удостоверении эти компоненты выражены в виде конкретных активных соединений и вспомогательных веществ, пусть и относящимся к тем же самым группам вспомогательных веществ. Учитывая то, что совокупность признаков, определяющих объем правовой охраны продукта, характеризующих композицию, указанную в формуле изобретения, должна быть идентична характеристике композиции лекарственного средства, указанной в разрешении, дополнительный патент выдан быть не может.

Таким образом, имеет место проблема выдачи дополнительного патента, относящегося к композиции, поскольку судебная практика устанавливает понятие «идентичности» как тождество, полное совпадение. Следовательно, дополнительный патент на композицию в принципе не может быть выдан и данная норма является «мертворожденной» [10].

Кроме того, для изложения новой формулы дополнительного патента механизм исключения признаков не годится. Даже если признаки состава лекарственного средства из регистрационного удостоверения отражены в описании, то включить их в формулу изобретения невозможно ввиду отсутствия такого правового механизма.

Таким образом, законодателю необходимо либо исключить понятие «идентичности» из нормативно-правовых актов, либо скорректировать данную норму так, чтобы патентообладатели имели возможность продлевать исключительные права на патенты, относящиеся к композициям.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 01.07.2017) // Российская газета, № 289, 22 декабря 2006 г.
2. Федеральный закон от 07.02.2003 № 22-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Патентный закон Российской Федерации» // Российская газета, № 26, 10 февраля 2003 г. (закон утратил силу).
3. Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 03.11.2015 № 810 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по продлению срока действия исключительного права на изобретение и удостоверяющего это право патента» / Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 28.12.2015.
4. Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 03.11.2015 № 809 «Об утверждении порядка выдачи и действия дополнительного патента на изобретение, продления срока действия патента на изобретение» / Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 28.12.2015.
5. Приказ Минобрнауки РФ от 29.10.2008 № 322 «Об утверждении Административного регламента исполнения Федеральной службой по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам государственной функции по осуществлению в установленном порядке продления срока действия патента на изобретение, относящееся к средствам, для применения которых требуется получение разрешения уполномоченного на это органа в соответствии с законодательством Российской Федерации, срока действия патента на промышленный образец, свидетельства (патента) на полезную модель, свидетельства о регистрации товарного знака, знака обслуживания, свидетельства на право пользования наименованием места

происхождения товара, а также восстановления действия патента на изобретение, полезную модель, промышленный образец, прекращенного в связи с неуплатой в установленный срок пошлины за поддержание его в силе» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, № 26, 29 июня 2009 г. (документ утратил силу).

6. Благополучная К.М. Единая патентно-правовая охрана изобретений на территории Таможенного Союза России, Беларуси и Казахстана, как средство его инновационного развития: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – М., 2014. – 130 с.

7. Гаврилова Е.Б., Семенов В.И., Лысков Н.Б. Продление срока действия исключительного права на изобретение, относящееся к лекарственному средству, пестициду и агрохимикату // Патенты и лицензии, 2017, № 8. – С. 10–20.

8. Гаврилова Е.Б., Лысков Н.Б., Патентование лекарственных средств // Патенты и лицензии, 2019, № 3. – С. 13–21.

9. Карпущенко Л.В., Федоряева В.С. История одной таблетки // Патентный поверенный, 2013, № 2. – С. 11–17.

10. Назина Е.Е. Дополнительный патент на изобретение: возможности и проблемы // Патентный поверенный, 2017, № 1. – С. 31–39.

11. Пиличева А.В. Срок действия патента на лекарственное средство // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность, 2015, № 8. – С. 47-56.

12. Хонл Т. А. Затраты на разработку инновационного лекарственного препарата // Проблемы учета и финансов, 2016, № 2 (10). – С. 52–54.

13. Drug Price Competition and Patent Term Restoration Act of 1984, 09/24/1984 Became Public Law №: 98-417 // Official website for U.S. federal legislative information [Электронный ресурс]. URL: <https://www.congress.gov/bill/98th-congress/senate-bill/1538/all-info> (дата обращения: 28.04.2020).

SUMMARY

LEGAL ASPECTS OF INTERACTION WITH USERS OF MULTIMEDIA PRODUCT WITH APPLYING REMOTE ACCESS TECHNOLOGY

Anokhina E. S.,

undergraduate, 2 year, training direction "Jurisprudence"
of the Russian State Academy of Intellectual Property

Scientific adviser:

Ermakov A. V.,

Ph.D. in Law, Associate Professor, Head of the Department of "Civil and
Business Law" of the Russian State Academy of Intellectual Property

The author of this article, magistrant of the Russian State Academy of Intellectual Property Ms. Anokhina, explore the main legal structures that are used when interacting with users of a multimedia product using remote access to software technology, also known as SaaS (Software-as-a-Service). Today, in such legal relations, the paid services' contract or a license agreement are most often used. This article is dedicated to consideration of the advantages and disadvantages of each of these contract models.

Key words: multimedia product, remote access, SaaS, software.

PRIORITIES IN THE DEVELOPMENT OF BRANCHES OF RUSSIAN MECHANICAL ENGINEERING

Afanasyev A. A.,

Ph.D. in Economics, Associate Professor, Intersectoral Regional Center
for Professional Retraining and Advanced Training

Shamatov I. K.,

Doctor of Economics, Professor, Center for Scientific and Expert Analytics,
Russian State Academy of Intellectual Property

Shulus A. A.,

Doctor of Economics, Professor, Center for Scientific and Expert Analytics,
Russian State Academy of Intellectual Property

In the article, the fundamental role of the mechanical engineering in the country's economy is underlined. The approaches to the study of the structure of mechanical engineering complex in Russia are shown. The key problems of the main branches of mechanical engineering are analyzed, which do not allow to fully realize its innovative functions. The need for urgent modernization of the leading branches of mechanical engineering was emphasized, which will accelerate the pace and improve the quality of the socio-economic growth of Russia's economy.

Key words: mechanical engineering, machine-building complex, mechanical engineering structure, basic production assets, technological paradigm, modernization of production.

MAIN FORMS OF INTELLECTUAL PROPERTY COMMERCIALIZATION

Berbekov O. A.,

undergraduate, 2 year, training direction "Intellectual Property Management"
of the Russian State Academy of Intellectual Property

Scientific adviser:

Mukhopad V. I.,

Doctor of Economics, Professor,
Professor of the Department of "Innovation Management and Commercialization
of Intellectual Property" of the Russian State Academy of Intellectual Property

The article discusses the main forms of commercialization of intellectual property. The main differences between them are given, taking into account the advantages and disadvantages of each of them.

Key words: *commercialization, intellectual property, innovation, idea, profit, license, code.*

RISKS AND WAYS TO OVERCOME THEM LICENSING AGREEMENTS FOR SECRET PRODUCTION

Botin V. A.,

undergraduate, 2 year, training direction "Intellectual Property Management" of the Russian State Academy of Intellectual Property

Scientific adviser:

Revinsky O. V.

Ph.D. in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of "Patent Law and Legal Protection of Means of Individualization" of the Russian State Academy of Intellectual Property

The issue of paid transfer of the secret of production in the scientific literature has been debated for many years, since the protection of information that can bring any income is complicated due to its civil status. This article discusses in detail a number of risks faced by a copyright holder who transfers a secret of production (alternatively known as "know — how") within the framework of a contract.

Key words: *Secret of production, know-how, license agreement, intellectual property.*

TO THE QUESTION OF THE USING PROTECTION OF PROPRIETARY SOFTWARE DISTRIBUTED AS DIGITAL DISTRIBUTION IN THE INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORK INTERNET

Vikhlyaev A. A.,

Educator of Administrative Activity of Internal Affairs Agencies Chair,
Moscow University of MIA of Russia named by V.Ya. Kikot

This article discusses the most common trends and benefits of digital distribution. Description is given of methods of hacking proprietary software distributed by means of digital distribution via information and telecommunication network Internet. The methods and forms of protection of licensed products were analyzed; Innovative approaches to software distribution and protection using cloud services technology are proposed.

Key words: *Internet, proprietary software, digital distribution, authentication, cloud service.*

CULTURAL AND CREATIVE INDUSTRIES: METHODOLOGICAL APPROACHES TO DEFINITION AND RESEARCH

Voytova L. M.,

Ph.D. in Social Sciences, Associate Professor of the Department
of "International Economic and Financial Relations"
of the Russian State Academy of Intellectual Property

Pyataeva O. A.,

Ph.D. in Economics, Acting Head of the Department of "International Economic
and Financial Relations" of the Russian State Academy of Intellectual Property

The article describes the issues of "cultural industries" and "creative industries" terminological differentiation, the main differences between them and approaches to the classification of these industries in different periods in different countries. At the end of the review, the authors highlighted the most significant feature of their classification: the intellectual property object as a result of creative activity.

Key words: clusters, clusterization, creative economy, creative industries.

FEATURES OF THE PATENTING OF INVENTIONS RELATING TO THE TEA INDUSTRY

Voronaya A. A.,

undergraduate, 2 year, training direction "Intellectual Property Management" of the Russian State Academy of Intellectual Property, Leading State Expert on Intellectual Property of the Federal Institute of Industrial Property

Scientific adviser:

Kitayskiy V. E.,

Ph.D. in Engineering, Associate Professor, Associate Professor of the Department of "Patent Law and Legal Protection of Means of Individualization" of the Russian State Academy of Intellectual Property

The article is devoted to the features of patenting inventions related to the tea industry. Common mistakes of the applicant when filing applications for inventions related to the tea industry are considered. The author considers solutions to these errors.

Key words: tea, tea product, tea substitute, patent, invention, food product.

TEMPORARY PROTECTION OF INDUSTRIAL DESIGNS

Dubenskaya M. A.,

undergraduate, 2 year, training direction "Intellectual Property Management"
of the Russian State Academy of Intellectual Property

Scientific adviser:

Kitayskiy V. E.,

Ph.D. in Engineering, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of "Patent Law and Legal Protection of Means of Individualization"
of the Russian State Academy of Intellectual Property

*The article discusses the features of temporary protection of industrial designs.
The problems associated with the use of this protection mode for solving
the appearance of products with a short "life cycle" are revealed.*

Key words: *industrial design, temporary protection, design.*

MANAGING A COMPANY'S RISKS THROUGH THE CONTROL OF RISK APPETITE

Evseev O. A.,

undergraduate, 2 year, training direction "Management"
of the Russian State Academy of Intellectual Property

Scientific adviser:

Smirnova V. R.,

Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department
of "Innovation Management and Commercialization of Intellectual Property"
of the Russian State Academy of Intellectual Property

This article discloses the role of the risk appetite management in the company's whole risk management process. It defines the term sand the essence of concepts "risk appetite", "risk capacity", "risk tolerance". The article considers the possibility of increasing the company's income through the risk appetite management. The article might be helpful to the business owners, as well as to the top and middle level managers when organizing the company's risk management system.

Key words: *risk management, risk appetite, risk appetite towards innovations.*

SOME FEATURES OF STATE REGISTRATION «ECOLOGICAL» AND «ORGANIC» TRADEMARKS

Ezerskaya Y. A.,

undergraduate, 2 year, training direction "Jurisprudence"
of Russian State Academy of Intellectual Property

Scientific adviser:

Larina T. Y.,

Ph.D. in Law, Associate Professor, Head of the Department of "International Law
and International Cooperation in the field of Intellectual Property"
of the Russian State Academy of Intellectual Property

*In the article are explore special aspects of trademark registration,
which includes ecological elements and elements indicating to ecological safety.
In the article are considered the regulations that are the basis for the refusal
to register trademarks. In view of relevance of ecological problems, the author
concludes that it is necessary to formulate more strict rules to the registration
of «ecological» trademarks in order to prevent unfair business practices.*

Key words: *trademarks, falsemarking, misleading consumers, ecologic labeling, greenwashing.*

COMPUTER TECHNOLOGIES – FROM TOOL TO SUBJECT

Efimov A. A.,

undergraduate, 2 year, training direction "Jurisprudence"

of the Russian State Academy of Intellectual Property

Scientific adviser:

Leontiev K. B.,

Ph.D. in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department

of "Copyright, Related Rights and Private Law Disciplines"

of the Russian State Academy of Intellectual Property

An article about the current problem that arose as a result of technological progress. Today, computer technology has reached a level at which they are able not only to be tools in the hands of a person in creating works, but also to create such works with a very high degree of independence, which means that they create works without the creative contribution of a person, and therefore they are not subject to protection. This issue is much discussed in WIPO, the EU, the UK and Russia. The article reveals the causes of the problem itself, the understanding of which is extremely important for further research and finding the optimal solution - how to protect such works and what is the subject composition of legal relations regarding their creation, distribution and transmission.

Key words: copyright, artificial intelligence, computer technology, creativity, intellectual property, author.

PATENT LAW IN THE ERA OF 3D PRINTING

Efremova T. A.,

undergraduate, 2 year, training direction "Intellectual Property Management"

of the Russian State Academy of Intellectual Property

Scientific adviser:

Kitayskiy V. E.,

Ph.D. in Engineering, Associate Professor, Associate Professor of the Department of "Patent Law and Legal Protection of Means of Individualization" of the Russian State Academy of Intellectual Property

This article provides an overview of the field of technology such as 3D models, 3D printing and additive technologies in General. A brief analysis of 3D printing technology is given. The issues of the legal regime of three-dimensional models are considered, and proposals for patenting additive technologies in the future are briefly outlined.

Key words: *additive technologies, three-dimensional models, 3D printing, CAD file, patenting.*

**COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF MECHANISMS OF PROTECTION
AGAINST INDIRECT INFRINGEMENT OF THE PATENT IN LAW
OF THE USA, UK, CANADA AND GERMANY**

Zalesova A. A.,

graduate student of the Russian State Academy of Intellectual Property,
Master of Laws (LL.M IP), lawyer

Scientific adviser:

Revinsky O.V.,

Ph.D. in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of "Patent Law and Legal Protection of Means of Individualization" of the Russian State Academy of Intellectual Property

This article provides a brief analysis of the legal regulation of the mechanism for protection against indirect infringement of exclusive patent rights in the United

States, Great Britain, Canada and Germany. The research was carried out by studying the legislative basis of these countries, as well as important judicial decisions that are an integral part of the interpretation of the law on indirect infringement or themselves are source of regulation and help to develop this institution. Based on the research, it is concluded that the institute of protection against indirect patent infringement is an important addition to the institute of protection against direct infringement of the exclusive right to an invention.

Key words: *patent law, indirect patent infringement, US patent law, UK patent law, Canadian patent law, German patent law.*

ANTIMONOPOLY LAW AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Imameeva R. D.,

Senior Lecturer, University of Management "TISBI"

The article substantiates the relevance of the need to study artificial intelligence in the legal system. Different opinions are presented on the state of antitrust law today. A review of existing tools for identifying anticompetitive agreements is conducted. The reader is presented with a cartel problem that is forming in the field of the digital field.

Key words: *Digital Intelligence, Antitrust, Cartel, Digital Law.*

SOME ASPECTS OF IMPLEMENTATION OF THE DIGITAL ECONOMY ACT

Kirsanova E. E.,

graduate student of the Faculty of Law,

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

Scientific adviser:

Vaypan V.A.

Doctor of Law, Associate Professor, Department of Business Law,

Faculty of Law, Moscow State University named after M.V. Lomonosov

The article analyzes the main provisions of the program "Digital Economy of the Russian Federation", defines and classifies online platforms, highlights the gaps in identifying problem blocks to promote the digitalization of the economy, as well as the main directions of the development of legislation in the framework of legal regulation.

Key words: digital economy, legal principles, digital platforms.

INTELLECTUAL PROPERTY: THE VECTOR, THE GENETIC DESIGN

Kolontaevskaya O. L.,

undergraduate, 2 year, training direction "Intellectual Property Management" of the Russian State Academy of Intellectual Property

Scientific adviser:

Kitayskiy V. E.,

Ph.D. in Engineering, Associate Professor, Associate Professor of the Department of "Patent Law and Legal Protection of Means of Individualization" of the Russian State Academy of Intellectual Property

The article provides an overview of the practice of protecting intellectual property objects such as vectors and genetic constructs. Their characteristics are given and the problems of patenting these objects are revealed.

Key words: vector, genetic design, recombinant DNA, patenting.

PATENTING WITHIN THE SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Korneev P. S.,

graduate student, training direction "Jurisprudence"
of the Russian State Academy of Intellectual Property

Scientific adviser:

Orlova V. V.,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department
of "Patent Law and Legal Protection of Means of Individualization"
of the Russian State Academy of Intellectual Property

The article analyzes the patenting indicators presented by the Patent Office of the Russian Federation over the past five years in the context of Decree of the President of the Russian Federation dated December 1, 2016 No. 642 "On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation" and Decree of the Government of the Russian Federation dated March 29, 2019 No. 377 "On approval of the state program of the Russian Federation“ Scientific and technological development of the Russian Federation ”. It is noted that the imperfection of the proposed changes in Art. 1366 of the fourth part of the Civil Code of the Russian Federation is unlikely to overcome the phenomenon of “collecting” patents from sole patent holders, complicates a qualitative analysis of the activities of the patent office of the Russian Federation, and does not allow to form a fully comfortable environment for patenting technical solutions in priority areas of science and technology. The changes proposed by the author are designed to increase the activity of applicants and those interested in acquiring patent rights.

Key words: scientific and technological development, patenting, article 1366 of the Civil Code of the Russian Federation, part four of the Civil Code of the Russian Federation.

SYSTEM FOR PROVIDING LEGAL PROTECTION OF SECRET INVENTIONS

Koroleva A. S.,

undergraduate, 2 year, training direction "Intellectual Property Management"
of the Russian State Academy of Intellectual Property

Scientific adviser:

Revinsky O. V.,

Ph.D. in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of "Patent Law and Legal Protection of Means of Individualization"
of the Russian State Academy of Intellectual Property

The main issue of this scientific article is the specificity of the legal protection of secret inventions, the essence of which is manifested in the contradiction between the two legal institutions: intellectual property and state secrets. The first requires a broad public announcement of a new technical solution for the development of scientific and technological progress, and the second requires a restriction of information on it in order to avoid damage to the defence capacity of the State.

Key words: *legal protection, secret inventions, legal institutions, intellectual property, defense capacity of the state, industrial property, state secret.*

PROJECT MANAGEMENT OF INTELLECTUAL PROPERTY OBJECTS: ECONOMIC AND LEGAL ASPECTS

Marchenko R. A.,

Ph.D. in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of "Innovation Management and Commercialization of Intellectual Property"
of the Russian State Academy of Intellectual Property

Pyataeva O. A.,

Ph.D. in Economics, Acting Head of the Department of "International Economic and Financial Relations" of the Russian State Academy of Intellectual Property

The article describes the economic and legal aspects of project management in intellectual property objects, legal protection of intellectual property rights, cost price of intellectual property objects and intangible assets effectiveness. This article will be useful for project management specialists when creating and commercializing of intellectual property.

Key words: intellectual property, intellectual property objects, project management, intangible assets, commercialization of intellectual property objects.

WAYS OF PROTECTING COPYRIGHT IN INTERNET

Maslakhova R. I.,

undergraduate, 2 year, training direction "Jurisprudence"
of the Russian State Academy of Intellectual Property

Scientific adviser:

Savina V. S.,

Ph.D. in Law, Associate Professor, Head of the Department of International and Educational Projects of the Russian State Academy of Intellectual Property

This article is devoted to methods of copyright protection in the Internet. Legally standard established methods and new technical means in a field of copyright protection were considered. Systems of copyright protection, which are popular in social network, and their impact on general legal culture were analyzed during this study.

Key words: methods of copyright protection; copyright protection on the Internet; methods of content protection.

ADVANTAGES OF APPLICATION OF THE BEIJING TREATY ON AUDIOVISUAL PERFORMANCES IN THE CONDITIONS OF A PANDEMIA

Matveeva V. A.,

undergraduate, 2 year, training direction "Jurisprudence"
of the Russian State Academy of Intellectual Property

Scientific adviser:

Savina V. S.,

Ph.D. in Law, Associate Professor, Head of the Department of International and
Educational Projects of the Russian State Academy of Intellectual Property

The article is devoted to the consideration of Beijing Treaty on Audiovisual Performances, which can improve the level of protection of performers' rights, what is relevant in a pandemic. The article describes influence of the pandemic on the performers of audiovisual performances, in the article is given the analysis of the main provisions of the Beijing Treaty in terms of possible remuneration of performers.

Key words: *Beijing Treaty on audiovisual performances, rights of performers, remuneration of performers.*

SPORT BRAND PROMOTION

Melekhin P. S.,

undergraduate, 2 year, training direction "Management"
of the Russian State Academy of Intellectual Property

Scientific adviser:

Vasilieva I. V.,

Ph.D. in Economics, Associate Professor of the Department
of "Innovation Management and Commercialization of Intellectual Property"
of the Russian State Academy of Intellectual Property

The article highlights the main approaches to the essence of marketing activity and its role in the effective functioning of a football club; analyzed the main functions of marketing activities, described the latest experience in promoting a football brand, highlighted new methods and tools in the marketing of football clubs.

Key words: *marketing activity, football club, sports organization, brand.*

EXTENSION OF THE TERM OF VALIDITY OF EXCLUSIVE RIGHTS TO AN INVENTION RELATED TO A DRUG.

Motina D. V.,

undergraduate, 2 year, training direction "Intellectual Property Management" of the Russian State Academy of Intellectual Property, State Expert on Intellectual Property of the 2nd Category of the Federal Institute of Industrial Property

Scientific adviser:

Kitayskiy V. E.,

Ph.D. in Engineering, Associate Professor, Associate Professor of the Department of "Patent Law and Legal Protection of Means of Individualization" of the Russian State Academy of Intellectual Property

The article deals with the possibility of extending the validity of exclusive rights to an invention related to a medicinal product. The necessity of this norm for drug manufacturers is considered. However, in the established legal acts, there are significant obstacles to the possibility of obtaining an additional patent for inventions related to compositions.

Key words: *extension of exclusive rights, drug, composition.*

СБОРНИК
МАТЕРИАЛОВ II МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
«ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ:
ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ»
В двух частях. Часть 1

ISBN 978-5-89508-185-3

9 785895 081853

Подписано в печать 20.07.2020. Формат 60x90/16. Объем 12,25 усл.п.л. Тираж 500 экз.
Издательство Российской государственной академии интеллектуальной собственности
(ФГБОУ ВО РГАИС)
117279, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 55а. Тел.: 330-10-83
<http://www.rgiis.ru>
Заказ № 3